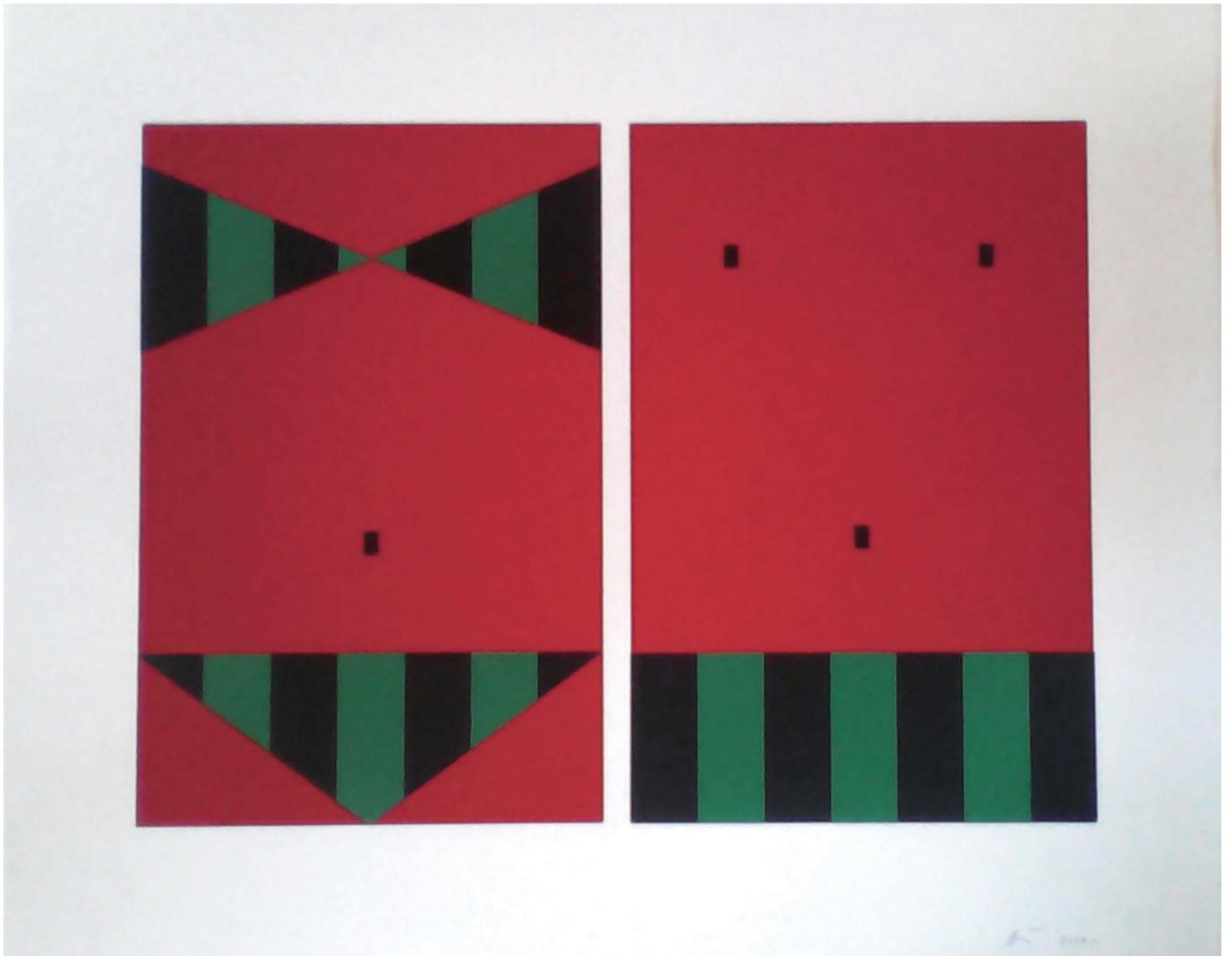

ISSN 2658-7920

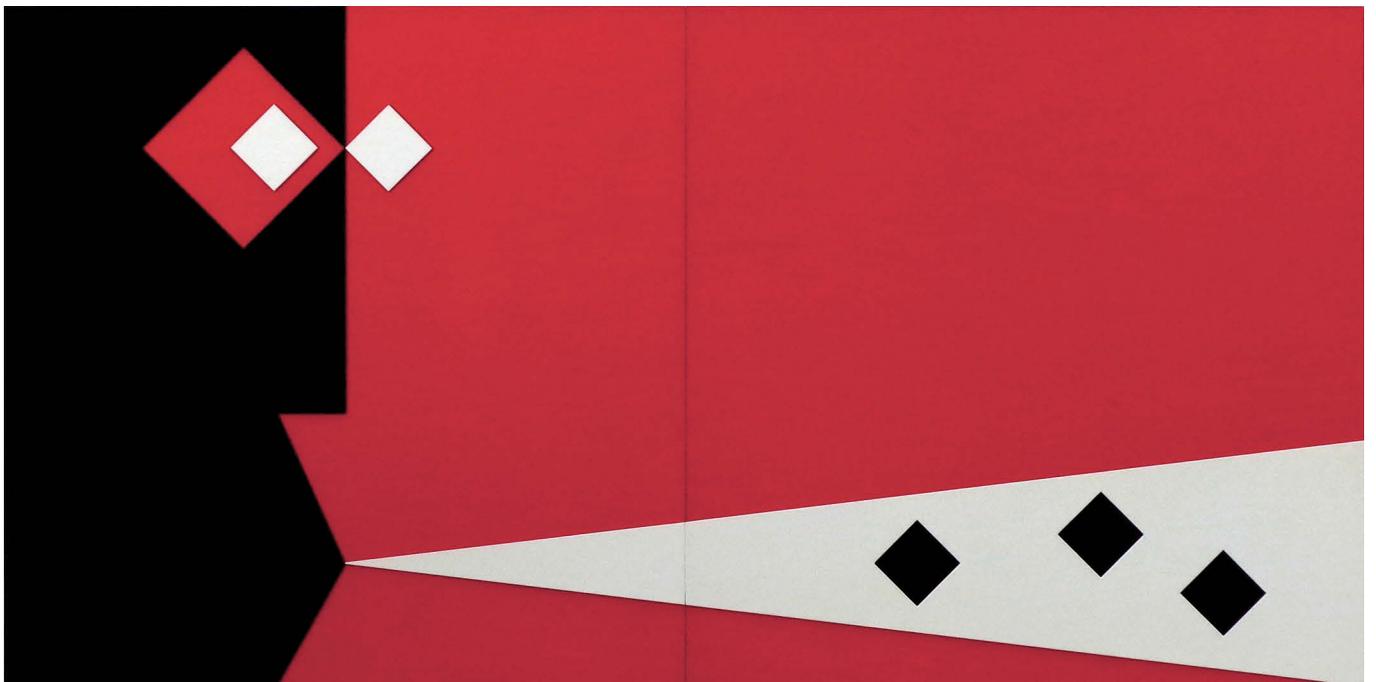

ВЕСИ

№ 2, 2020

«Покрасневшие от удовольствия». Серия «АРтБУЗа».

«Попутного ветра». Серия «Царь-квадрат».

СУПРЕМАТИЧЕСКИЕ ИМПРОВИЗАЦИИ АНТОНА ТАКСИСА

Всегда требуют, чтобы искусство было понятно, но никогда не требуют от себя приспособить свою голову к пониманию...

К.Малевич

Современная жизнь немислима без достижения научно-технического прогресса и развития нанотехнологий. Упрощение и комфорт быта, быстрый темп жизни способствуют адаптации современного сознания к модным гаджетам последнего поколения (айфонам, смартфонам, планшетами и др.), к использованию Интернета, быстрому принятию решений, скорости передвижений. Простота и лаконичность форм характерны и для современного изобразительного искусства – архитектуры, скульптуры, дизайна, способствующих формированию пространственной среды и, как следствие, мышления и мировоззрения человека.

Первые шаги к этому были предприняты еще в начале XX века художником будущего, мыслителем и революционером в искусстве Казимиром Малевичем, создавшим новый стиль искусства – супрематизм. Основанное им в 1915–1916 гг. объединение художников-авангардистов «Супремус» объединило такие громкие имена, как Л.Попова, А.Крученых, И.Клун, О.Розанова, В.Хлебников, Н.Удальцова, А.Экстер и др., которые в своем творчестве воплощали другое – «переводное» искусство и новое видение жизни.

Начало XX века было ознаменовано формированием нового сознания и восприятия мира на фоне трагических исторических событий (Первая мировая война, свержение царя, октябрьский переворот, Гражданская война и пр.), открытий в области науки (квантовой физики, астрономии, химии, микробиологии, генетики и пр.), развития фотогра-

фии и кинематографа, появления новых течений в искусстве – в литературе и театре, в архитектуре и живописи – кубизм, кубофутуризм, абстракционизм, лучизм, конструктивизм, супрематизм и пр.

Футуристическая выставка «0,10», открывшаяся в Петербурге 19 декабря 1919 года, стала ключевой в представлении новых идеалов сознания и искусства будущего. Знаменитый «Черный квадрат» К.Малевича по замыслу автора воплощал собой Абсолют, «нулевую форму» и полный отрыв от предметного мира, так называемую нулевую отметку, обозначающую переход к беспредметному искусству. Подобное революционное мышление было непонятно и запрещено в советской действительности.

Сегодня, 100 лет спустя, это искусство не потеряло своей актуальности и новизны. Творчество Антона Таксиса – яркое тому подтверждение.

Супрематическая геометрия форм – это своего рода художественный текст, олицетворяющий авторскую индивидуальность в передаче творческого замысла, и сформировавшееся мышление в ходе его личностной деятельности, отразившей эмоциональную, рациональную стороны изобретательности художника.

Ирина Зябликова-Исакова
(Окончание на стр. 80)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артемов
Л.С.Богоявленский
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
к.и.н. А.С.Еремин (Ирбит)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
А.П.Комлев
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
В.В.Лютюв
(Челябинск)
А.П.Мищенко (Тюмень)
Я.С.Недвиг
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова

О.В.Птиченко
д.и.н. И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Екатеринбург)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
д.и.н. А.В.Сперанский
(Екатеринбург)
доктор культурологии
С.Г.Фатыхов (Челябинск)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)
Корректор номера
Дмитрий Андреев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке (1) А.Таксис. Мохнатый круг.
(4) А.Таксис. Лист 4 из серии «Соблазн».
Подписано в печать 31.03.2020 г.

Отпечатан в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

12+

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Творчество...

Тайна из тайн. Кто только не ломал голову, что-
бы раскрыть эту вечную тайну. Пожалуй, творчество
– это высшая форма свободы человека, его высший
уровень развития. Ведь когда человек, чем бы он ни
занимался, находится в состоянии творческого оза-
рения, он свободен от порядков социума, от законов
природы. От своих внутренних состояний. Человек
силой своей мысли создает нечто новое. Принципи-
ально новое, чего до этого не было. И в этом, на мой
взгляд, заключается суть творчества.

Сейчас почему-то принято говорить: «Какой он
креативный!», подразумевая творческие способно-
сти человека. А ведь это разные вещи. Если говорить
по-русски, то понятию «креативность» более всего
подходит русское слово «смекалка». И тогда всё вста-
ет на свои места. И те, кто советует развивать в себе
смекалку, чтобы стать творцом, мягко говоря, не пра-
вы. С одной смекалкой «Войну и мир» не создать, ну,
разве что только «Старые песни на новый лад».

А разве можно, например, рисовать нетворчески?
Конечно, можно! Вылить кастрюлю краски на холст
и размазать ее какими-нибудь не совсем пригодны-
ми для этого частями своего тела. А творец делает
мир лучше, наполняет его красотой, привносит в него
свой уникальный взгляд, суждение, мысль. А ведь
для этого требуется еще и мастерство.

Творец и мастер. Образно выражаясь, чтобы ис-
тинному творцу вознестись в те самые высшие сфе-
ры творческого озарения, для этого необходим некий
процесс – путь, на котором творец познает историю,
теорию, опыт, инструменты и возможности как осно-
ву творческого мастерства.

Вообще я считаю творчество базовым человече-
ским качеством. Творчество как сама жизнь. Но когда
на мир смотрят только через призму денег, исчезает
свобода, а с ней и творчество. И вся энергия созида-
ния перенаправляется на деятельность, необходи-
мую в этот момент социуму и которую общество оце-
нило в определенную сумму.

Я ни в коем случае не противопоставляю деньги и
творчество, более того, общество должно поддержи-
вать и создавать творцам такие условия, в которых
они могли бы являть миру новые шедевры и выпол-
нять свою великую миссию, с которой они здесь.

Татьяна Богина
главный редактор.

В

ВЕСИ

№ 2 (160) 2020
март

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владлен Козинец</i>	Литературная коллекция	
Опера.....		4
<i>Светлана Гаврилова</i>	Лики времени	
История семьи Гавриловых в годы Великой Отечественной войны.....		20
<i>Геннадий Шеваров</i>	Литературная коллекция	
Война есть война.....		26
<i>Наталья Паэгле</i>		
Паромный ковчег, или Путешествие по Балтийскому морю.....		36
<i>Максим Басок</i>		
В Вологде – где.....		41
<i>Валентина Жук</i>	Лики времени	
Свердловская ГЭС на Большеконном: сквозь стекло негатива.....		47
<i>Мария Габтрахманова</i>	Лики времени	
Битва на Курской дуге: битва, о которой все все знали.....		52
<i>Марина Плаксина</i>	Лики времени	
Георг Отс и Урал.....		63
<i>Нина Ерофеева</i>	Лики времени	
Николай Кузнецов: легенды продолжают.....		67
<i>Ирина Зябликова-Исакова</i>	Мастерская	
Супрематические импровизации Антона Таксиса.....		1, 80

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочие специальные
исторические
дисциплины»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничей

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при
финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым ком-
муникациям.

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России,
главный редактор «Областной газеты»
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2020 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте <http://www.ural-press.ru/>
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

ОПЕРА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ В ТРЕХ ГЛАВАХ
С ОТСТУПЛЕНИЯМИ И ПОПЫТКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ВООБРАЖЕНИЯ НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ ФАКТОВ –
К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Владлен КОЗИНЕЦ

Работа: слесарь на заводе,
бетонщик на стройке,
телевидение

(Воркута-Свердловск):
корреспондент, комментатор,
заместитель главного редактора,
главный редактор.

Образование-специальность:
факультет журналистики
Уральского госуниверситета –
журналист, Свердловский
социально-политический
институт – политолог.

Премии: Союза журналистов
СССР, ЦК ВЛКСМ,
ЦК ДОСААФ,
Министерства обороны СССР.
г. Екатеринбург.

ПРЕДВКУШЕНИЕ

*«... Именно Европа – вся Европа,
от Атлантики до Урала –
определяет судьбы мира...»*

Шарль де Голль,
Президент Франции (1959-1969 гг.)

Двадцатый век с народами не церемонился. Он их мял, кромсал, корежил, с небывалой легкостью перемещал с континента на континент. Границы суверенных государств зачастую становились условно-прозрачными, а то и просто стирались. Южане оказывались совсем не по своей воле в северных широтах, северяне обнаруживали себя и на востоке, и на западе, и на юге... Что уж толковать о судьбах отдельных людей! Стремительно встречались, влюблялись – и безвозвратно теряли друг друга. Или, наоборот – счастливый случай завязывал отношения в тугой узел, тогда как при нормальном течении жизни такой шанс вряд ли бы выпал вообще!

В этом невыдуманном рассказе все произойдет по этим законам. А именно... Херсонские степи отправят своих сыновей на край географии страны – в далеко запредельную для степняков Карелию. Волжане окажутся в норвежских фиордах и в Германии. Солнечная Грузия вынужденно оторвет от себя ценных, надежных специалистов и делегирует их на Западный Урал. Черноморский Севастополь примет самое активное участие в судьбе далекого от него порта другой республики. Все – по логике и обстоятельствам двадцатого века! Которые, по сути своей, господствовали над миллионами вопреки их желаниям и планам.

Мы – наследники. Хотя и наследникам уже много лет. Хорошо ли мы распорядились на своем веку тем, что оставили нам пред-

ки? Не знаю. Не уверен. Кто оказался поумнее да порасторопнее – преумножил то огромное духовное и материальное богатство, что создали пращурь, отстаивая право на жизнь государства. Страны, о которой знают во все мире под гордым названием РОССИЯ. Остальные...

Остальным судья – только Господь Бог. Но и он хочет, чтобы помнили о том, что было в веке ушедшем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЛЕЙТЕНАНТ

*«... У России только
два союзника – ее армия и
флот.»*

*Все остальные при первой
возможности на нас
ополчатся...»*

Александр III,
император России

Паренек с детства мечтал побывать на оперном спектакле. Ну хоть разочек! Товарищи – такие же дети военных, как и он – незлобиво подшучивали над Левкой: эка невидаль – включи радио, передача «Театр у микрофона» тебе и споет, и спляшет! Откуда в воинских гарнизонах, в те тридцатые всегда далеких от крупных городов, оперный театр? Да его через КПП не пропустят. Секретность!

А в армейском клубе – разве что голосистая самодеятельность под гармошку. Иного не дано по определению. Клуб был больше интересен кинозалом: фильмы шли подолгу, неделями, а то и больше, и засматривались «до дыр». Особенно подростками, у которых времени всегда навалом на такие затеи по сравнению со взрослыми. «Джюльбарса», например, Левка с друзьями посмотрел раз десять, не меньше – благо билеты на утренние сеансы стоили

всего-то десять копеек. «Тринадцать» – наверное, по соответствию числу просмотров в названии. А уж «Чапай», «Вратарь», «Дети капитана Гранта», «Искатели счастья», «Волга-Волга» – и вовсе без счета! Конечно, хорошее это дело – кино. Но с заветной мечтой оно соотносилось все же слабовато. Вот бы сейчас произошло чудо!

...Оркестр замер в полной готовности в оркестровой яме. Вышел дирижер во фраке. Величаво поклонился залу, прежде чем встать ко всем спиной, и застыл на мгновение – перед тем, как взмахнуть палочкой. Полилась увертюра! Сначала тихо-тихо, а потом, с нарастанием, все громче и громче. Вступили все инструменты – медные слышнее других, все чаще во всю силу бухал барабан. И вдруг... Разом все затихло! Медленно гас свет. Не спеша пошел раздвигаться от центра к краям тяжелый бархатный занавес. И тут зрителей поразили огромные объемные декорации – во всю ширину зеркала сцены. Созданные настоящими художниками-профессионалами. А не косоруким рисовальщиком из ДК, вечно пьяным и сактированным за это из армии дядей Колей (а может – наоборот? кто знает? вдруг потому и пил беспробудно, что с военной службы вышвырнули?). Умение его не простиралось дальше ремесла – перерисовывать через кальку уже готовые афиши к фильмам, присланные из проката вместе с коробками кинолент. Да ну его! А затем... На авансцену, вслед за хором, стали выходить знаменитые артисты... Сопрано, басы, баритоны. И началось волшебное действие, рождающееся, набирающее силу и размах на глазах у публики! Про трагическую и в то же время счастливую любовь. Или про войну в стародавние времена – с блестящими кавалерами, шикарными женщинами. Офицеры – все в аксельбантах*, дамы – в кринолинах**. Да хоть про что!

В общем, все, как однажды увидел тот паренек в старом черно-белом фильме – и навсегда влюбился в большое настоящее искусство! Много лет утечет, пока все же сбудется его мечта – и перевернет всю жизнь. А пока главным увлечением оставались книги. Чи-

тал он запоем, все подряд – благо и дома библиотека была что надо, и в школе, да и в том же клубе. Что на русском, что на украинском. Но не знал, да и предполагать не мог будущий офицер, муж, отец, горный инженер, что увлекательный роман Александра Дюма-младшего «Дама с камелиями» предстанет перед ним во всей красе в опере «Травиата» на сцене далекого от Херсонских степных просторов уральского города Молотов. И все эти главные перемены в судьбе станут событиями, тесно взаимосвязанными между собой.

Так-то он был обычным школьником рождения двадцатых: уроки, спорт, желание не отстать от сверстников, чтобы быть у них в авторитете. В моде увлечений тех лет доминировали... лошади. Их в военных городках было множество – они с самого раннего детства становились главными друзьями из животных для мальчишек, многие из которых хотели, выросши, пойти служить в кавалерию – как и их отцы в Гражданскую. Скакать на коне без седла и уздечки – это ж так увлекательно! Да и вольтижировка*** – не такая уж запредельная дисциплина. Они и слова-то такого не знали, зато выделывание различных фокусов на разгоряченном скакуне считалось нормальным делом – нырнуть на полном скаку под брюхо коню, вскочить с маху на спину, развернуться на крупе лицом к хвосту и снова прыжком – назад, в исходное положение... Эти и другие удалые кульбиты были доступны чуть ли не каждому. В цирк не ходи! Что там нового покажут?

В школе был превосходный учитель физкультуры. Он искренне верил, что неспособных к физическому развитию детей нет, надо лишь точно определить – к какому виду спорта мальчишку или девчонку приспособить. То есть – дать правильный ориентир. Хоть одаренному от природы, хоть увальню с лишним весом. Неважно – «столб» подросток или низкорослый. У каждого телосложения есть

свое преимущество, вот его-то и надо использовать и развивать. А не стричь всех под одну гребенку согласно школьной программе. Программа – это минимум. Почему бы не замахнуться на максимум? Кто мешает? Свое направление есть у каждого! Волейбол, гири, легкая атлетика, стрельба, борьба на манер цирковой, лазание по канату – он все превосходно умел и сам делать, и толково объяснить-показать, поэтому и заражал энтузиазмом учеников. Всем так хотелось быть похожими на Тараса Ивановича, в прошлом – армейского инструктора по штыковому бою! Стройный, мускулистый, всегда заразительно смеявшийся каждой шутке – ну как в такого не влюбиться девочкам, как не стремиться стать такими же ловкими и сильными парням?! Левку, например, он решил специализировать по прыжкам в высоту. Почему бы нет? Поджарый, длинноногий, прыгучий от природы! Для начала преподаватель установил планку на высоте 140 см, почти без разбега перемахнул ее сам и наказал шестикласснику: пока эту высоту не возьмешь – не мужик!

Ах так! Во дворе двухэтажного деревянного дома для семейного состава появилась поперечная жердь, наглухо прибитая на заданной высоте к двум березкам. Недолго бока упорного парнишки сияли синяками от неудавшихся попыток – уже через месяц он сам попросил на уроке физкультуры установить планку на высоте 145 см и преодолел эти почти полтора метра с первого раза!

В грядущем грозовом сорок первом недавно приехавший в карельскую Кандалакшу десятиклассник – сын нового командира части – на первых же городских соревнованиях установит новый рекорд города – 178 см! А 22 июня, прямо с выпускного, парни их класса дружно осадили военкомат – пошли записываться в добровольцы. В сознании того поколения накрепко были вбиты лозунги: «Бить врага на его территории»,

* Наплечный отличительный знак различия в виде золотого, серебряного или цветного нитяного плетеного шнура с металлическими наконечниками с креплением под правым погоном или эполетом.

** Жесткая форма для придания вечернему платью величественности и торжественности.

*** От франц. *voltiger* – «порхать» – акробатическая езда на скачущей лошади.

«Принести освобождение народам Европы от капитализма», «Красная Армия всех сильнее». Сами же пели в школьном хоре:

Если завтра война, если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!

Это что же получается? Друзья-товарищи вскоре вернутся домой с орденами и медалями, все девчонки на них будут вешаться – потому как почет и уважение победителям всегда, во все времена гарантированы. А я, выходит, за маминной юбкой отсиделся?

Почти всех забраковали – не доросли еще! А Левке пообещали – через месяцок приходи, когда девятнадцать сровняется. Почему именно ему? А был в биографии парня неприятный поворот: когда отца из под Херсона перевели служить на Волгу, пришлось восьмикласснику повторогодничать. До этого-то учился в украинской школе и потому русский письменный давался с трудом. Да что там с трудом – на твердую двойку получалась любая контрольная! Вот и вышло к выпускному, что призыву подлежали родившиеся никак не позже чем в двадцать втором – как раз его год.

Коль доброволец – двигай солдатом в пехоту. Что? В кавалерию захотел? У нас тут все во всадники метят! Это еще заслужить надо! Он и заслужит – ненадолго, правда – погарцевать в офицерской форме на кауrom коньке вюртембергских кровей. В апреле сорок пятого под Кенигсбергом. Именно тогда командиру полка приглянется этот взводный. При следующих обстоятельствах. В очередном броске во время наступления взяли фольварк*, а там – породистый табун в лесу схоронился. Холеные, хорошо кормленные, вычищенные до блеска скакуны и першероны** – хоть сейчас на парад! Не чета полковым одрам, у которых от тяжелой службы – одни кожа да кости. Тогда и увидел полковник, как комзвода лихо, с места прыжком взлетел на спину рысака и удачно поскакал по полю, уверенно держась за густую гриву сразу ставшего послушным животного – лошади отлично понимают, кто для них свой, а кто – чужой! При-

казал бравому лейтенанту – давай, родной, бери свой взвод и гоните табун прямо в хозроту, очень пригодятся нам эти коньки! И сходу принял решение...

По законам военного времени командиру полка положен был ординарец-офицер из младшего комсостава. Был у полковника прекрасный парень – младший лейтенант Сашка: питерский, как и сам полковник – с Лиговки, на лошади влито сидел, все понимал с полуслова. Ну прям чапаевский Петька! Да вот не уцелел при артобстреле под Гумбиннею. Требовалась срочная замена. Так Левка вместе с тем рысаком попал в ординарцы. Вышло – всего-то на пару недель – война не приемлет промедления. Но и за этот короткий, даже по военным меркам, срок лейтенант успел себя проявить. Перед наступлением на Тильзит – тот самый Тильзит, где в 1812 году мир с Наполеоном заключали – в тыл к немцам ушла полковая разведка. Но в назначенный срок никто из них не вернулся. Что это означает – без слов понятно.

– Настало тебе время отличиться, сынок! – издали начал командир полка. – Так сложились обстоятельства, что никому другому это задание доверить не могу. И так, и эдак вертел. Иначе не получается. Увы.

– Да я!

Если комполка так с ним... Впервые, как с равным, говорит – определено что-то очень важное высказать хочет, но почему-то не решается!

– Не суетись. Дослушай.

– Есть! – вскочил лейтенант.

– Садись, не маячь. Парень ты грамотный, военная косточка. Сам разумеешь – без «языка» нам под немецкие пулеметы соваться, не зная броду – дело гиблое. А у нас в полку сейчас разведки нет, и не знаю, как скоро снова появится. Поэтому без всяких советов в штабе, то есть – втихую, даю тебе пару бойцов в подмогу – и...

– Понял, товарищ полковник! Когда выдвигаться?

* Помещичье хозяйство.

** Тяжеловозная порода, выведенная в начале девятнадцатого века на северо-западе Франции в местности Перш. Высота холки – аж 175 см. Предназначена для работ, требующих особой силы и выносливости. Першерон также хорош и просто для конных прогулок из-за особенно мягкого хода.

– Сегодня ночью – как основательно стемнеет. На все про все у тебя будет совсем мало времени – рано нынче светает. И прикрытие, проходы в переднем крае готовить тебе у меня времени нет. Одна надежда – на дерзость замысла да на твою удачу. Одно меня смущает: на тебя-то я могу понадеяться, а эти двое – совсем новобранцы. Не пойму, какого черта я именно их тебе даю. Может, потому, что в нынешней ситуации вообще мало кому можно доверять. С чего это наши опытные, матерые разведчики все разом сгинули? Знать-то, завелся у нас тут среди своих кто-то... А эти по-русски – еле-еле. И появились после реформирования пару недель назад. Точно на шпионов не тянут. Вот такая у нас ситуевина! Сложная – сложнее некуда! Вполне имеешь право отказаться.

– Разрешите выполнять, товарищ командир? Будет вам «язык» к утру!

Оглядел свое воинство лейтенант – и поскуцнул. Мутные какие-то парнишки – даже на внешний вид. Ну да где наша не пропадала!

– Откуда сами, гвардейцы?

Поперешептывались малость по-своему перед ответом, потом тот, что повыше, как бы нехотя протянул.

– З аула Схауат нас в армию брал. Руски плохо знаем.

– Это где такой? Северный Кавказ?

– Да. Марухский перевал, Карачаево-Черкесия знаешь? Новый название – Красный Карачай.

– Не знаешь, а знаете! И «товарищ лейтенант» не забывайте добавлять. Положено так. Повоевали хоть чуток?

Опять перешепт. Ответил на этот раз второй.

– Там... Немножку. Когда руски немец убивал. Потом нас сюда, а аул – нету. Всех в Киргизия отправил – полторы тысяч человек. НКВД. Всех! Нет аул совсем. Некуда нам назад.

– Отставить истерику! С этим потом разберемся. После войны.

«Да! Этих орлов надо чуть ли не больше немцев опасаться. Что угодно могут вытворить! Будем надеяться только на себя!».

– Слушай мою команду. Все делать молча. Понятно?

Кивнули. Это вместо армейского «так точно». Ох, точно мутота мне достались! Мутней некуда!

– Курить запрещаю, поэтому папиросы оставить в расположении.

Опять кивок вместо ответа. Ну дела! С такими навоюешь! До них хоть что-нибудь доходит? Поди пойми!

– Вперед меня не соваться. Документы сдать старшине роты. На сборы и подготовку даю час!

Выдвинулись, как совсем стемнело. На окраину Тильзита последние пару километров подобрались ползком. Услышав немецкую речь, залегли.

Дымила полковая кухня. Поварское подразделение в передниках и белых колпаках готовило, видимо, ранний завтрак – не генеральский же банкет они посреди ночи взялись обслуживать! От этих поваров толку никакого – решил лейтенант. – Не рецепты же венских штруделей у них выпытывать! Подождали часок – и удача нашла их сама. Подошла подхарчиться группа из трех единиц – офицер и двое солдат. Офицер что-то гаркнул, патрульные вскинули руки в нацистском приветствии, дружно рывкнули «Яволь»^{*} и рысцой припустили в дом. А офицер затрусил в лесок, где тут же принялся справлять малую нужду.

Лейтенант оглушил его прикладом по затылку, слегка придушил за кадык – как учили на курсах младших офицеров – и спихнул на руки подопечным. Наполовину дело сделано, теперь – ваш черед выполнять задание: тащите эту рыхлую жирную тушу на себе. Раз ни на что больше не годитесь. На всякий пожарный приложил палец к губам – чтоб не смели шуметь. И – бегом, бегом, на рысях. Пока не рассветло! А то не враги, так свои ненароком подстрелят! Сам передвигался спиной вперед в арьергарде, прикрывая отход, если что-то не так пойдет. ПППШ^{**} держал

наготове, сняв с предохранителя. Веселая машинка – семьдесят один патрон в барабане! Кого хошь упокоит. Да и трофейный «вальтер» пленного фрица за пазухой – приятная игрушка, особенно для ближнего боя.

Плененный немчурка оказался словоохотливым и весьма информированным, а если бы и врал – найденная при нем подробная крупномасштабная карта с обозначением расположения частей, техники, всех и всяческих «сюрпризов» сама объяснила бы, что к чему. Он и в патруль-то попал якобы случайно – пришлось заменить заболевшего коллегу. А так он – чисто штабной специалист-картограф, чуть ли не чертежник, по довоенной профессии – архитектор. Вполне мирный человек. Его не остановить – доболтался бы до антифашистских лозунгов без всяких переводчиков. Правда, наш контрразведчик, вовремя подключившийся к допросу, без особого труда его разоблачил: пары точных вопросов выявили опытного офицера СД^{***}. Да и откуда у простого исполнителя из штаба такая подробная карта взялась бы? Пришлось пленному по второму кругу колотиться уже всерьез.

Заполучив ценные сведения, полк так рванул, что знаменитый Тильзит проскочили почти как по маслу – в обход минных полей, ложных и реальных заграждений малыми группами, изящно пройдя под носом у артиллерии противника ложбинами, недоступными для прицельного огня. Не мешкая, развили бросок на Кенигсберг. Там расстояния-то всего ничего оставалось – сотня километров, чего резину тянуть? А уже на подступах к столице Восточной Пруссии послал комполка ординарца поднять залегшую бывшую Левкину роту – неоправданно топталась она на месте, ломала линию наступления. Тот на коня – и к своим. Оказалось, ротного и замполита одной миной накрыло! Вчерашний взводный и повел роту в бой сам – не привыкать ему было к этому

делу со времен Карельского фронта, где они так же брали под огнем немецкой шрапнели норвежский город Киркинес в рамках Десятого Сталинского удара. После чего на гимнастерке свежеепеченного, только-только после трехмесячных курсов, младшего лейтенант засверкал первый орден – Красной Звезды. Тогда же перед боем он вступил в партию. На войне это оформлялось без проволочек – то есть без кандидатского стажа.

И на этот раз удача сопутствовала нашим гвардейцам. Во главе роты и ворвался лейтенант в считавшуюся неприступной цитадель Восточной Пруссии. По их, немецким меркам и понятиям, неприступную. Однако советские бойцы доказали обратное с лихвой!

Не сразу нашел комполка своего выдвиженца. Шофер обнаружил его в медсанбате – с осколочным ранением в ногу.

– Третью звезду я тебе привез, сынок, – широко улыбнулся командир. – Держи – протянул он бывшему ординарцу свеженькие полевые погоны старшего лейтенанта. Эта рота теперь – твоя. Заслужил, герой!

– Так уж и герой, товарищ полковник? Там все дрались отчаянно!

– А поднял в атаку их ты! Пляши, если сможешь! Я тебя к званию Героя Советского Союза представил – по совокупности подвигов. Очень ты всех нас выручил, сынок! И с «языком», и со своей ротой. Поклон тебе от всего полка! Давай, не залеживайся. Мы уже в городе расквартировались. Твой замок^{****} Мартиросян шикарную виллу немецкого бюргера для вашей роты реквизировал. Аж завидно стало! Сразу видать, от кого хватку перенял. Мало что комфорт по высшему классу вам всем обеспечен – там такой винный подвал обнаружился! Чего только нет: «Черная кошка», «Айсвайн», «Рислинг», «Ученик бондаря», «Солнечные часы»! Переводить устали с этого их немецкого. Будешь залеживаться – твои орлы все без тебя выхлебают!

* «Так точно!» – нем.

** Пистолет-пулемет Шпагина, поступивший на вооружение в 1940 г. Отличался высокой скорострельностью и надежностью.

*** SD – Sicherheitsdienst – служба безопасности, разведывательное управление СС.

**** Сержант, заместитель командира взвода (армейский сленг).

Только недолго покомандовал ротой наш герой. Правда, вместо звезды Героя пришел ему орден Отечественной войны второй степени – не командиры полков подобные решения принимали. Как раз к их рапортам об отличившихся в боях солдатах и офицерах штабное командование зачастую относилось критически.

Отступление первое

Много лет спустя – к четвертьвековому юбилею Победы, в семидесятом – куда как более щедрое правительство СССР постановило всем фронтовикам, имеющим орден Отечественной войны второй степени, присвоить такой же, но уже – первой степени. Чтобы, значит, полный комплект создавался. Многим этот почин пришелся по душе, но – далеко не всем. Наш ветеран войны – давно гражданский горный инженер и уже пребывавший на пенсии в Подмосковье, капитан в отставке – наотрез отказался от праздничной награды.

– Мне дарены ордена без надобности. Если вам интересно – меня к Герою представляли. Но то на фронте было!

Его было взялись воспитывать. По партийной линии – какой еще идеологический рычаг воздействует на любителя-садовода на заслуженном отдыхе? Мол, как это так?! Положено – извольте получить. Когда надавить не вышло – пошли увещевания.

– Мы тут ряд встреч в школах наметили провести с фронтовиками в рамках празднования юбилея – напирала молоденькая секретарь горкома партии по пропаганде, только-только перешедшая с комсомольской работы. – А вы, уважаемый, седой человек, так нас подводите!

– Пригласят – приду. Орден-то тут причем? У меня наград хватает! Молодежь! Научитесь прислушиваться к мнению старших. Мы кое-что на своем веку повидали!

Да, не наградная тогда, в Кенигсберге, встала перед ним проблема. Проклятая нога никак не заживала после ранения – «заштопали»-то в медсанбате на скорую руку. То мелкие частицы осколка – с иголку величиной – выходят, а перед этим

противно чешутся. А чуть сильнее расчешешь или просто надавишь – познергичней – гной начинает выступать. Так и одноногим недолго остаться. Да тут еще противная болячка привязалась под глупым названием «куриная слепота»^{*}. Что делать-то?! Только-только роту под свое начало получил – и опять на больничную койку? А как же доверие «бати»?^{***} Может, потерпеть? Пройдет? Однако... В роте – как в деревне. Секретов нет! Как ни скрывал командир, правда наружу все равно вылезла. Комбат решительно рубанул:

– Мне хромые не нужны! Дуи в санчасть.

После консилиума решено было отправить старлея на лечение в глубокий тыл для серьезной поправки здоровья – в какой-нибудь солидный госпиталь. Военврача очень удивил этот стоик. И совсем не терпеливым отношением к своим болезням – хотя мог бы и пораньше обратиться. Чего греха таить – многие с любой пустяковой вавкой норовили на больничную койку наладиться – ни тревог тебе, ни забот. Зато взамен – медсестрички красивые в белом, покой, да и кормят зачастую сытнее, чем на передовой. А этот... Но тут совсем другая тема всплыла. Все, кого ни спроси – когда речь заходила об отправке далеко от передовой – естественно, интересовались: нельзя ли как-то поближе к дому родному устроиться на период лечения и выздоровления. Что семейные, что холостые – к мамкиному плечу хоть ненадолго прижаться, не говоря уж о плече любимой подруги. А некоторые умудрялись и к незнакомому очагу припасть.

Отступление второе

На фронт густым потоком шли письма «заочниц». Начинались они обычно по одному стандарту: «Пишет тебе, неизвестный боец, девушка из города N. Мне столько-то лет, работаю на уральском (волжском, сибирском) заводе.

^{*} Гемеролопия – «Сумеречное зрение»: ухудшение зрения при плохой освещенности из-за невозможности зрительного механизма приспособляться к темноте. Возникает при дефиците в организме витамина А ввиду неполноценного питания.

^{***} Так издавна называют в армии командиров при наличии у них соответствующих душевных качеств – требовательности в сочетании с добротой (армейский сленг).

^{****} Знаменитый на всю Европу госпиталь Кенигсберга, существовавший с 1329 года.

Мы все очень надеемся, что скоро вы, наши доблестные бойцы, раздавите фашистскую гадину. Если тебе не к кому будет вернуться с фронта, я буду тебя ждать. Когда получу ответ на это письмо, вышлю свою фотку. А ты в ответ пришли мне свою. Договорились? Если у тебя уже есть девушка, которая тебя любит и ждет – отдай это письмо своему боевому товарищу. Может, если не тебе, так ему захочется переписываться со мной. До свидания, мой далекий солдат. Жду ответа, как соловей лета». Смех смехом, но ведь имели реальные продолжения отношений эти незамысловатые письма! Сколько пар образовалось из этой незатейливой идеи!

Автор этого невидуманного рассказа сильно изумился, когда на рубеже шестидесятых-семидесятых обнаружил совершенно случайно во взводе, которым командовал в лейтенантском качестве «двухгодичника» после окончания вуза, такую же переписку у своих солдатиков. Понятно – с поправкой на обстоятельства мирного времени. Но – с теми же целями и задачами по содержанию. Это ж сколько лет прошло к тому времени с Великой Отечественной! А традиция, поди ж ты, сохранилась!

Так что мотивы тяги в тыл в подобном формате (как сказали бы сейчас) военврачу были вполне понятны. Поэтому, готовя историю болезни старшего лейтенанта, он привычно перечитал анкету раннего и, естественно, решил уточнить его мнение.

– Я бы срочно положил вас в госпиталь Святого Георга^{****} – да там уже и в коридорах мест нет. Вас призывали из Кандалакши. Родители по-прежнему там?

– Никак нет, товарищ подполковник. Новое место службы отца...

– Простите. Он у вас, если не ошибаюсь, генерал?

– Так точно.

– И где он сейчас?

– Город Калач-на-Дону. Родные мне писали – очень там кра-

сиво: излучина Дона неподалеку от Цимлянского водохранилища, это где-то в восьмидесяти километрах от Сталинграда.

– Братья, сестры есть?

– Брат воюет – сержант-зенитчик. А сестра у нас – самая младшая. Ну и мама, конечно.

– Вот и хорошо. Сталинград после руин потихоньку восстанавливается, госпиталей там сейчас достаточно. Маленько поправитесь – и к своим на побывку наведаетесь.

И тут старлей огорошил так огорошил!

– Разрешите обратиться по личному вопросу?

– Да ради бога! Мы же не в строю. Можно и не так официально...

– Если есть у меня выбор... А можно на излечение поехать в уральский областной центр – город Молотов* – задал он неожиданный вопрос. Военврач не сразу и сообразил, как реагировать на услышанное. От неожиданности он перешел на ты.

– У тебя что, старлей? И там родня имеется? Может, невеста? Твоя воля. Как скажешь.

– Никак нет. Я там сроду не бывал.

– Ну и каким тогда боком – Молотов? Не лучше ли все же в Сталинград – там, и вправду, есть сейчас крупный госпиталь, у меня там однокурсник по медакадемии – отличный хирург, мигом на ноги поставит. Я ему записку напишу. Заодно и к мамке на блины смотаешься. Да родные тебя сами быстро найдут, как только весточку получат. Заодно и откормят. Уж больно ты тощий, в чем только душа держится? Вот-вот фурункулез начнется из-за этого, не дай бог. Где это видано, чтобы у взрослого мужика при росте под сто восемьдесят сантиметров шестьдесят четыре кило веса было? Талия – как у балерины!

– Насчет балерины – это вы в точку, товарищ военврач. Просто... Там, в Молотове – известнейший в стране оперный театр. Да еще и часть трупы Большого провела всю войну в эвакуации там же. Пока «звезды» не вернулись в столицу – может, повезет их услышать хоть разок? Да и ба-

лет посмотреть недурно бы! Когда еще выпадет такой случай? А к мамке я завсегда успею – конец войне пришел!

– Ну... Ты выдал... Не ожидал, честно говоря! Теперь уверен – будешь жить долго и счастливо, парень. С такими необычными интересами...

Глава вторая. Директор и его дочь

«... Мир тесен...»

Христофор Колумб,
мореплаватель

Рвался на войну – да куда там! Орал во всю глотку: под началом самого Котовского белых крушил в Гражданскую! Да и сейчас двухпудовочкой запросто перекрещусь! Показать?

– Сорок два – что, приговор? Перестарок? Или это тонкий намек на мое недостаточное образование? Простым солдатом пойду! Коли офицера дать не получится.

– Да уж не мальчик – в прошлом веке родился.

– В самом конце. И ничего про тот век не помню. Весь, с потрохами – в этом, двадцатом пребываю! И списывать меня в обоз рано!

– Кто списывает? Я другой вопрос хочу задать: а кто кормить армию будет, Борис Михайлович? И тыл – с рабочими, падающими от усталости у станков? До чего дошло – четырнадцатилетних мальчишек токарить уже набираем. А ему, малорослому, чтобы до шпindelной бабки** дотянуться, ящик подставлять под ноги нужно. Паек знаешь какой эти дети получают на том же Урале, куда ты на этой же неделе отправишься?

– На Урал? С каких щей?

– Не гони коней. Сейчас все узнаешь. Сперва, раз уж начали – про паек потолкуем.

– Уже ближе к делу. Считаю – по моей части.

– Вот и послушай! Чтобы эти ребята с голоду не померли, им дают, помимо зарплаты, рабочей нормы хлеба еще пачку махорки да фляжку спирта. Совсем не для того, чтобы они смолили да спивались, а потому что на их зарплату

хрен что купишь. Спекули, сволота, бошки свои гнилые ух как задрали! Пусть даже у того паренька зарплата 600, а то и 800 рублей. Было бы все в магазинах по нормальным, государственным ценам – вполне можно прожить, да и семье помогать. Так ведь в магазинах вместо свободной продажи – одни пустые полки, остальное – по карточкам. Значит, куда? На рынок! Голод – не тетка! А хлеб на базаре – 100 рублей кило! Масло и сало в полтора раза дороже – все 150! Молоко – полста рублей за литр, яйца – 10 рублей за штуку! Вот и покупают несчастные люди кусочек хлеба толщиной с палец, одно яйцо да кусочек сала или масла со спичечный коробок – хотя бы детям! Да этим гадам-бандитам деньги ни к чему – баш на баш, дашь на дашь предпочитают менять в открытую – и на рынках, и втихую на своих блатхатах. Кому война – а кому мать родна! Махора и спиртное – товар очень ходовой. Кто подисциплинированнее из этих мальчишек – делают, как взрослые велят. Меняют на еду. И что? Ты думаешь, никто из них так и не отхлебнет из той фляжечки и не задымит, коли они – наравне со взрослыми, заметь себе, вопреки всем законам об ограничениях продолжительности рабочего дня несовершеннолетних – по шестнадцать часов патроны для фронта точат?! И какое мы с тобой поколение получим после войны? Куряще-алкогольное?!

– Что делать в этом случае? Мы же за все в ответе!

– Организовать питание в рабочих столовых как полагается. Нет места для пищеблока – прямо на рабочих местах! Я иного выхода не вижу. Пришел на смену – получи пайку. Остался на вторую – еще раз горяченьким покормили. Тогда иждивенцам больше достанется – больным, малышам. Но для этого, сам понимаешь, продуктов на предприятиях и в учреждениях должно быть в досталь. А как быть со взрослыми – с теми же ранеными бойцами в госпиталях, инвалидами труда? Да и армия обязана быть сытой. На пустой желудок врагу хребет не проломишь! –

* Так с 1940 по 1957 гг. называлась Пермь.

** Рукоятка управления коробкой скоростей токарного станка.

напирал первый секретарь Потинского горкома партии. – Это у нас, в Грузии, земля – что золото: оглоблю воткни – тарантас вырастет! Пару раз за сезон полить – и собирай урожай! А на Урале, кроме картошки, ничего толком не растет – считается зоной рискованного земледелия! Весной посадишь дынь – а по осени получишь хрен да ничего! А от крахмала, сам знаешь – только воротнички у рубашек колом стоят!

– Да все я понимаю, Автандил Багратович! Но и ты меня послушай. Не привык я за спиной других отсиживаться. Так что на бронь не пойду – хоть убейте!

– А тебе ее никто и предлагать не собирается. Тебя бронировать? Чай, не рядовой-необученный. Сколь годков уже на руководящих должностях?

– Да не считал.

– Зато другие за тебя кумекают. Кому по должности положено. И прямо тебе скажу – ты у нас за очень короткий срок стал глубокоуважаемым человеком. За старание, за мозги, за порядочность. И мы все считаем – очень можешь быть полезным по специальности. Армия без надежного тыла воевать не сможет!

– Тогда, может, путевочку на курорт выпишете – за заслуги перед отечеством? Самое подходящее время!

– Уже приготовили, дорогой! Отдохнешь на всю катушку! Слушай со всем вниманием. Город наш славный, который я люблю до слез – для меня лучшего места на земле нет и не сыщется, известный с незапамятных лет – со времен аргонавтов, пливших сюда из античных земель за золотым руном, защищать, к глубокому моему и всеобщему сожалению, некем и нечем. Что будет – представить страшно! Не обижайся, генацвале – ты все же здесь всего ничего. А я тут родился, вырос, впервые поцеловался... И ты будешь смеяться сейчас: хоть я грузин из грузинов, это и была моя ненаглядная Манана. Только ты на эту тему... Сам удивляюсь! Может, потому что некогда было по сторонам глазеть. Именно что любимая на всю жизнь Мананочка, чьи чурчхелы* ты так любишь кушать. За пятьдесят лет

ни на одну женщину не посмотрел, мамой клянусь! Шесть сыновей мне подарила! Красавцы один в один. Джигиты! Кровь с молоком! Да ты их видел много раз – кому я говорю?! Где еще найдешь такую женщину! У тебя тоже семья большая – аж четыре дочери! Не эта бы сто раз проклятая война – может, и породнились бы. И дочка в институт поступила?

– Да. В Тбилисский железнодорожный. Экономический факультет.

– Забирай с собой. Тут органы кое-что пронюхали. Верить не хочется! Срочные меры принимаются. Будто бы сваны** Гитлера ждут, белого коня ему приготовили под золотой сбруей. Страшно подумывать, какая резня начнется, если эти дикари с гор лавиной хлынут! Так что... Разобьем фашистов – успеет доучиться. Все институты ее будут! Семья должна вокруг отца сплотиться. Я своих тоже к эвакуации готовлю – есть дальняя родня в Сибири, примут.

– А сам?

– Да куда я отсюда? Сколько моих предков в этой земле лежат! Последним уйду, если придется – как капитан с тонущего корабля! Ну нет здесь нужного количества войск и не планируется прислать, чтобы в море утопить эту сволочь Роммеля, если этот песий сын по прозвищу «лис пустыни», мама дзагли***, разделавшись с противником в Африке, двинется сюда на кораблях всей армадой, проглотит их геенна огненная! Планы такие у немцев есть – доподлинно известно. По этой причине и решено важнейшие предприятия эвакуировать в глубокий тыл. Твой холодильник – в том числе. Негоже такой подарок фашистам оставлять – и со стратегической точки зрения, и потому еще, что немалую копейку народных средств в него вложили, пока с немчурой договор «Молотов-Риббентроп» был. Ты хоть знаешь, во что нам это оборудование фирмы «Мозер» встало?! Я в один только Тбилиси шесть раз ездил, и в Москве меня на ЦК заслушивали. Потому и вырвал

этот царский комплект только что не зубами, бо понимал – это не одному Потю надо. Всему восточному побережью Грузии моей любимой!

– Верю. Хотя я уже почти готовое предприятие принимал, закупки до меня делали.

– Да кругом в курсе я про все твои дела. Потому и доверяю тебе, Борис, очень важное дело. Если тебе так удобнее, как бывшему воину – считай это задание за приказ. Повторюсь – задание чрезвычайно ответственное! Дальняя дорога на Урал тебе предстоит. Вместе со всем твоим коллективом. Конкретно – в город Молотов. Помимо оборонной промышленности, которой теперь на Урале будет сверхмного – с Запада страны заводы туда уже идут эшелон за эшелон: Харьков, Ленинград отправляют, да и Москва с мясом от себя отрывает градообразующие предприятия и вместе с ними лучших своих рабочих и инженеров. Так вот – этот уральский город еще и развертывает огромную сеть госпиталей. Тяжелораненые с фронтов туда направляться будут. А какое там холодильное хозяйство – в сравнении с твоим? Слезы! Сам не видел – люди говорили: лед, присыпанный опилками! Как в деревне! Вот пусть и послужит «Мозер» растущему городу со всеми его проблемами. По предварительным прикидкам, там население должно увеличиться то ли в полтора, то ли в два раза. Как такую машину прокормить? Поэтому – слушай приказ: в три дня все производство погрузить в товарняки, всех специалистов с семьями – туда же, в эшелон. И пока до пункта назначения все это добро не доставишь – не спи, не ешь. Чтоб все было в целости и сохранности, очень тебя прошу – как брата! Вот такую тебе партия и страна путевку в санаторий написали!

Секретарь нагнулся, достал из тумбочки бутылку «Московской особой», одним движением разлил ее в два тонких стакана.

– Ну, за удачу, Борис! Нам всем она сейчас нужна позарез!

* Древняя грузинская национальная сладость: нанизанные на нитку очищенные орехи в сгущенных мукой соках – виноградном, гранатовом и др.

** Маленький горный народ, живущий на южных склонах Большого Кавказского хребта на северо-западе Грузии.

*** Грузинское ругательство – в вольном переводе «сукин сын».

Директором он стал действительно совсем недавно, причем – тоже по приказу. Скажи пару десятков лет назад, какую руководящую должность ему предстоит осваивать – ни за что бы не поверил! Не та судьба ему была уготована – кабы не революция. У них в Бессарабии шести классов образования считалось – за глаза! Старшие брат и сестра учились не дольше – а потом работать, большую семью кормить, где мал-мала меньше по лавкам. Кто кем устраивались в жизни. В основном на земле вкалывали, он вот в мелкие ремесленники подался – подмастерьем к портному. Работа от зари до зари за сущие копейки, нужда. Подростку денежную работу не поручали – так, латать-штопать. Годы должны были пройти, прежде чем доверят сначала перелицовывать опять же старье, а уж «строить» новый костюм! Это – как жизнь повернется. У сестры и брата – та же музыка. Одно слово – батраки, дешевая наемная рабсила! Поэтому революцию восприняли сердцем, и выбора, за красных или за белых воевать в Гражданскую, просто не было.

Конница Котовского завершала войну в Одессе. Хотел грузчиком в порту устроиться, когда всех выпускали по домам – да другое ему направление выдали. В милиционеры – прям на самую Дерибасовскую. Конным патрулем контролировали с напарником порядок на центральном проспекте города – и днем, и особенно – ночью, когда выползала из всех щелей подлая шваль – ворье, бандиты, налетчики. Шашка по прежнему болталась на левом боку, за пазухой – револьвер, но бывалому рубাকে зачастую хватало одного удара по кумполу нарушителю – и впереди себя его, оголовушенного, поперек лошади – да в участок!

Женился, дочки пошли одна за другой. Уже было подумывал о какой-то более спокойной работе, но и тут его мысли и мечты опять же опередили старшие товарищи. Пройдя без помех третью «чистку»^{*} подряд, вдруг получил направление... на курсы холодильщиков. Сомневался сильно – когда это в последний раз за

парту садился?! Однако нетрудно оказалась наука. Читать-писать умеешь? Достаточно! Остальному жизнь доучит! Главное в те времена было – верность идеям коммунизма, партии, правильная биография. Уже три девчонки в семье было, когда смышленного механика-наладчика Одесского городского холодильника после очередной комучебы определили в холодильное хозяйство Севастопольского черноморского флота. Глаза боятся – руки делают! Особенно когда выбор без выбора. Стало получаться – достаточно оказалось по-настоящему захотеть освоить новое дело. Не в портняжки же возвращаться! Многие тогда поступали именно так – специалистов катастрофически не хватало. Кадровый дефицит восполнялся энтузиазмом. И, как следствие – пошли ступени роста: сменный инженер, старший инженер, начальник цеха, главный инженер. Всего добивался умелыми руками и сообразительной головой плюс ударным – без всяких преувеличений – трудом: без учета рабочего времени вкалывали по принципу «сколько надо и еще маленько», зачастую – без выходных. Как появилась на свет четвертая дочь – сам не до конца понимал. И уже перед самой войной, меньше чем за два года до ее начала – новое назначение, в грузинский порт Поти. Директором.

Почему в Поти не подобрали на эту должность кого-то из своих, местных, ему объяснили еще дома, в Севастополе.

– И не назначат никогда, – авторитетно заявил капитан первого ранга Сазонов, заместитель командующего тылом Главной базы Черноморского флота. – Взять, к примеру, нас с тобой. Здесь все делается по приказу – и вовсе не только потому, что мы носим погоны. У тебя вот их нет, но и ты привык действовать и мыслить, как военнослужащий. А там... Там слушаются старших в семье. Аксакалы – выше закона. В принципе, по большому счету, данное явление можно охарактеризовать как положительное – воспитание в семье, вековые традиции и про-

чее. Но есть и негативные стороны. Ну, назначат несчастного грузина руководить холодильником – а ему старики начнут указывать, как распорядиться продуктами. Скажет, например, дедушка – отправь Резо, моему другу, килограммов двадцать-тридцать мяса внучке на свадьбу и не вздумай денег брать, он мой стариннейший кулак^{**}. И человек будет вынужден подчиниться. Иначе ему каюк – родня проклянет на веки вечные. Они там привыкли распорядиться государственными ресурсами как своими, и ничего с этим не поделаешь. Неписанные порядки Кавказа нерушимы! Потому власти и поступают по-умному. Жизнь научила! У тебя там родни нет, и ты ни разу не грузин. До тебя там, на этой должности, в прошлую пятилетку уже двое погорели синим пламенем.

– В смысле?

– Да элементарно. Посадили! Как ревизия – так недостача. Один был грузин. Второй – мингрел. А органам все равно, кто ты по метрикам. Украл – в тюрьму, чего уж проще.

– Грузин – это понятно. У нас в коннице их хватало. А как ты второго назвал? Не слышал про таких...

– Мингрел кто? Народность такая у них есть. Там с этим делом тоже непросто. Скажем так – классические грузины их за людей не держат. Потому что мингрелы внешне похожи на русских – у них зачастую глаза голубые и волосы русые. Закавыка в том, что они-то как раз считают себя грузинами, а те их – нет. Тут черт ногу сломит! У грузин даже поговорка, насквозь препротивная есть: мингрел – хуже еврея! На себя бы оборотились, недоноски. Между прочим, Лаврентий Павлович Берия – как раз из мингрелов. Вот товарищу Сталину, понимаешь ли, все равно, кто человек по метрикам – был бы толк от него на работе. На верхах у нас – посмотри – полный интернационал. Маленков по национальности – македонец. Микоян – армянин, сам Сталин – грузин, Каганович, ясное дело – еврей. И никого от этих обстоятельств не крючит! А какому-нибудь Засранидзе – покоя не дает!

^{*} Проверка соответствия членов ВКП(б) предъявляемым к ним требованиям в 1920–30 гг.

^{**} Лицо, связанное обязательствами взаимного гостеприимства, уважения, дружбы.

– Сталин ведь вышел из простых людей – его отец сапожником был. Мне так тоже по барабану, что в паспорте по пятому пункту у кого прописано. Либо человек как человек, либо – сволочь! Другого не дано! Во всяком случае – для меня.

– У нормальных людей всегда и мышление правильное. Но не все же адекватные. Да ну его, этот национальный интерес. Говорю же – черт ногу сломит. Давай лучше о делах! Так вот... Последним твоим предшественником был татарин Камалятдинов Риннат Валиевич. Твердый человек – грамма себе не взял ни разу! Потому сейчас в Москве на высокой руководящей должности. В Грузию его направили из Казани, где был замдиректором городского холодильника. Так что, в этом самом Поти, своя традиция, антигрузинская утвердилась. Чтобы не подводить никого под монастырь. У них и горпещеторгом правит русский. Подбирают на такие непростые должности крепких, проверенных временем коммунистов. Мудрая политика!

Таких холодильников Борис еще не видал! Супермечта, а не производство! Все процессы механизированы – сортировка, упаковка, хранение, заморозка краткого и длительного хранения продуктов питания всех видов. Высший уровень! Уж он-то, привыкший оценивать технику и разбираться в ней не понаслышке, лучше многих понимал, какое чудо досталось грузинам! Не только сам Поти, но и многие близлежащие города и села с лихвой обеспечивали этот хладокombинат. Досуха сумели грузинские власти отжать возможности договора с Германией – когда вместо советской пшенички и нефти густо пошла в СССР не только военная, но и народнохозяйственная техника. Люди в стране голодали, а индустриализацию двигали что есть мочи. Через не могу! Через жертвы!

Теперь все это драгоценное добро держало путь на север – надежно упакованное в контейнеры в товарных вагонах литерного* поезда, без задержек мчавшегося в пункт назначения. Директор перед отправкой только и успел смотаться на денек в Тбилиси –

забрать старшую дочь. Она очень обрадовалась папке, с которым доселе никогда не расставалась даже на каникулах. С четырнадцати лет вертелась у него на работе день-деньской, когда в школу не нужно было. В бухгалтерии смышленную девчонку давно считали своей. И покормят чем-нибудь вкусеньким, и чаем напоят – отцу беспокоиться не приходилось. А она в ответ выполняла какую-нито немудрящую работу – чтоб без дела не сидеть. Иду не перегружали заданиями – ждали, когда подрастет. А ее это увлекало все больше и больше. В море было ее не загнать, когда сверстники днями пропадали на пляже – так ей нравилось считать, арифмометр крутить, соревноваться со взрослыми – кто шустрее на счетах подбьет баланс, в документах разбираться.

А в Тбилиси... Обстановка в столице чем дальше, тем больше становилась все более мерзкой. Такие рожи повывлазили! Где только раньше были?! Видать, до поры до времени таились – открыто взялись фантазировать, как они уже скоро возьмутся резать коммунистов вместе с семьями. Под корень – как белогвардейские сволочи евреев в Гражданскую! Сто раз прав был секретарь горкома – семья должна быть вместе: и в радости, и в беде. Как повернется жизнь дальше – не знал никто. Мама что-то стала прибаливать. Все чаще и чаще. Она не жаловалась – так ведь не слепые, не глухие в семье. А если с отцом что приключится? Она же за старшую останется!

– Идущ! Бегом! Времени в обрез. Лучше институтов учит жизнь. На холодильнике не только мясники, фасовщики, механики – бухгалтера тоже нужны. Будешь под моим началом трудиться.

Отступление третье

По паспорту она звалась «Идея». В моде прошлого века довольно долго были имена в революционном духе. Вот и автора данного повествования нарекли Владленом – немудрящая аббревиатура от словосочетания «Владимир Ленин».

* Название поездов высокой важности, перевозивших ценные грузы и высокопоставленные персоны государственного уровня.

Спустя годы Ида так и не собралась стать студенткой-очницей. Ей с лихвой хватало опыта для работы старшим бухгалтером в управлении заполярного комбината «Воркутауголь». И только в солидном возрасте, будучи давно замужем, став матерью двух школьников, она заочно экстерном окончила Тульский политех. Как раз перед назначением на номенклатурную должность главного бухгалтера. Среди руководителей одного из крупнейших в стране угольных комбинатов это была единственная женщина!

Хотя поезд был и литерный – то есть с военизированным охранением – меры предосторожности принять следовало и самим холодильщикам. На железной дороге воровали испокон веку – с застарелой бедой даже Дзержинский справиться не смог, хотя именно для решения этой задачи его и назначали наркомом путей сообщения с совмещением должности председателя ВЧК в 1921–24 годах. Видать – тоже устойчивая традиция – тырить, что под руку попадется на «железке» сподручнее, чем где-либо. А в голодное время – особенно! Борис Михайлович установил круглосуточное охранение внутри товарных вагонов из числа мужчин своего персонала. Наравне со всеми заступал на пост, причем всегда – в ночное время. Вооружились ломками, кирками, топорами – огнестрельное оружие им было не положено. Несколько раз приходилось вступать в рукопашную с ворьем. Выстояли! Горячее питание женщины холодильника обеспечивали тоже в любое время суток. Готовили на керосинках – больше было не на чем. На товарняках написали мелом «Лом», «Шихта», еще какую-то хрень. Чтоб, значит, никто не позарился. Люди не роптали – всеобщая беда сплотила и без того дружный коллектив в единый кулак. Состав специалистов был в массе своей возрастной – молодежь ушла воевать с первых же дней войны. Это были члены их семей, и тревога за своих мальчиков заставляла отцов, матерей, дедов,

бабушек с особой тщательностью выполнять поставленную задачу – без накачек, партийных и профсоюзных собраний, выговоров, поощрений и других атрибутов воспитательного процесса мирного времени. Да и какие партсобрания, если парторганизация холодильника теперь состояла всего из двух человек – директора и главного механика. Не вспоминали и про стахановское движение – не до того стало. Война выдвинула другие приоритеты – повышенные самоотверженность, верность стране, надежду на скорую победу. Никто не мог позволить себе заболеть, когда каждый человек на счету – как штык в бою.

На одной из станций военный комендант неожиданно устроил выволочку.

– Какой дурак это выдумал? Писать надо «снаряды»! В первых – никто не поверит. В вторых – кто снаряды воровать полезет? Запалы, детонаторы к ним всегда отдельно транспортируются, без этого они – железный хлам, в домашнем хозяйстве абсолютно бесполезный. А как у вас написано – точно подумают, что продукты перевозите! Думаете, та же охрана устоит? Там такие ангелы-архангелы! И себе захотят прихватить, и спекулировать при случае на станциях. Ловим мы их без устали – да разве всех прихватить?!

В Молотове долгожданному предприятию сразу выделили подсобных рабочих – старый городской холодильник доживал последние дни уже без директора, только бухгалтерия, комендант и охрана остались. Остальные ушли на фронт. Борис Михайлович застал производство в плачевном состоянии. Все в точности как предрекал Потинский секретарь горкома партии. И как они до сих пор город кормили?!

– Всю эту рухлядь – под бульдозер! – решительно распорядился директор. – Чтобы духу этого барахла на объекте не осталось! Сохраним только стены. И те отскоблить от грязи, прежде чем оштукатурить. Поживей, товарищи! Мы с вами – как на войне: все, что делаем сегодня, нужно было на-

чать вчера или еще лучше – позавчера. Оборудование простаивать не должно!

В то военное время в тылу скупом раздавали гражданские награды. Только очень отличившимся. К концу войны директор получил орден Трудового Красного Знамени, многие – медали. За работу от зари до зари, за недосыпы, за то, что при таком режиме работы и жизни иногда и поесть забывали. Сам Борис Михайлович столовское недолюбливал – жена лучше готовит. Как говорится, суп хоть из топора на рыбьей чешуе сварганил – а все вкуснее получится. Одеситка! Кстати, на Урале ей стало значительно лучше. Раньше – то давление подскочит, то ноги вдруг начинают неметь. Врачи толком ничего объяснить не могут – мол, тщательней за собой следите. Да отдыхайте побольше – прогулки там на свежем воздухе, нервничать поменьше. Ага! С таким-то семейством! Всех накорми, напои, обстирай! А тут как-то расправилась, перестала кашлять, бессонницу обуздала. Вот ведь не знаешь, где найдешь! А директор недоедал-недосыпал, но город от голода он спас! Конечно, не в одиночку – тогда нормальным был рабочий режим двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Начальники и повыше его на рассвете, а то и еще в темное время были уже в своих кабинетах – значит, и директор холодильника обязан быть на месте. Вдруг вопрос по его профилю возникнет?! А уж домой – как получится. Разве что поспать часиков пять – и снова на работу. Слово «выходной» просто исчезло из употребления. Вот победим – тогда и отдохнем!

На ленд-лиз* надежды было негусто, да и много ли проблем он решил? Это сейчас фальсификаторам истории не терпится объявить, что именно американская тушенка всех спасла в СССР. Бредливой кобылы! На себя надеялись люди Страны Советов! Конечно, за подарки – спасибо! Но на подачках политику выживании нации не построишь!

* От англ. lend – давать в займы и lease – сдавать в аренду, в наем: американско-английская помощь техникой, боеприпасами, продуктами питания на сумму 11,3 млрд долларов США.

Отступление четвертое

Справедливости ради... Ленд-лиз заткнул бреши у нас немало. Особенно осенью сорок первого – когда мы и армию потеряли, и полпромышленности с запада на восток были вынуждены перемещать. По свидетельству многих – скажем, переводчика Сталина Бережкова, наркома торговли тех лет Микояна и других участников событий на высшем уровне – воевать бы пришлось значительно дольше, если бы не конвои через Англию, Аляску, Джакарту с доставкой морем в Мурманский и Архангельский порты, по воздуху – через всю Сибирь. Шли транспорты с железнодорожными рельсами, вагонами, локомотивами, автомашинами («Студебеккерами», «Фордами», «Виллисами», амфибиями). А также с автопокрышками, взрывчаткой, порохом, листовой сталью, армейскими мотоциклами, авиабензином, миллионами пар солдатских ботинок... Уральцы знают, что аэропорт «Кольцово» срочно был выстроен именно для приемки тяжелых транспортных самолетов, летевших с востока. С посадочной полосой в форме кольца – отсюда и название.

Но вот, например, танк Т-34 в Нижнем Тагиле создавали из руды для броневой стали с горы Высокой, расположенной в самом центре города. «Была гора Высокая – стала яма глубокая». Срыли гору подчистую, а в той горе – полудрагоценных камней уральских многие тонны: аметисты, гранаты, топазы, хризолиты, яшма... В копейчку встали нам те танки – только кто считал, в какую? Конечно, рацион солдат и находящихся в тылу несколько улучшился за счет той же тушенки, сахара, комбиджиров, яичного порошка, муки из Америки. Но основная тяжесть снабжения армии и тыла все же легла на нашу страну. Добавка к рациону – хорошо, но это – не сам рацион! Не могут же нам заменить сегодня пищевые добавки борщ с пельменями?!

Как оно будет потом, после войны, они в семье не обсуждали. Да и

не задумывались. Куда отец – туда и они, все пять его женщин – от мала до велика. Коммунисты, особенно руководители, считали себя солдатами партии и без приказа – ни шагу! Хороший город Молотов – дружный, работающий, на помощь друг другу уральцы приходят без лишних просьб. Конечно, не такие разбитные, как грузины, и совсем не похожи на южан Одессы, Севастополя – где все громко, открыто, во всеуслышание. Но им, как всем простым, радушным, порядочным людям, одинаково комфортно жилось везде. По всему белу свету осталось много друзей – письма шли во все концы страны. Будто и не расставались, все новости знали о близких. Так что... Если и дальше пригодятся на Урале – почему бы и нет? Дочерей замуж отдавать нужно где угодно. А то старшенькая что-то, похоже, заневестилась. Чай, на третий десяток пошла.

Глава третья. Травиата

К весне сорок пятого главный театр города Молотова при активном участии столичных артистов подготовил долгожданный спектакль – бессмертную оперу Джузеппе Верди «Травиата». Понятно, что на премьеру хотели попасть очень многие. Большинство билетов партийное руководство области и города решило распределить среди самых достойных людей, вложивших не только труд, но и душу в то, чтобы в военное лихолетье жителей Прикамья не покидало ощущение скорой победы. Директору досталось приглашение на всю семью. Младшая, Светка, в театр идти отказалась – что взять с первоклассницы?! Вырастет – поймет, что пропустила.

Вечерело, но вовсе било весеннее солнышко! Победа – вот она, не за горами! Это же счастье! По праздничному разодетые – во все тщательно отутюженное, толком за войну почти что ни разу и надеванное – семья чинно подходила к зданию оперного... До начала представления оставалось минут десять. И тут директор обратил внимание на симпатичного офицера. Прихрамывая, тот пытался

выпросить лишний билетик. Куда там! Здесь таких «стреляющих» полно набралось – с травмированной ногой бедолага был обречен на поражение. Приглядевшись к нему повнимательнее, директор сам изумился промелькнувшей молнией мысли: чем не жених? Вон наград на гимнастерке сколько! Да и сам-то статен, хорош!

– Ида! – решительно распорядился отец. – Наш свободный билет – вон тому стройному высокому парню в форме, с палочкой который. И как людям не стыдно! Только что еще не отшвыривают фронтовика, засранцы.

– Старшему лейтенанту?

– У генералов билеты и без нас есть. А этот за всех нас на фронте в окопах бился!

Естественно, в зале они сидели рядом – Ида и Лев. Младшая Ленка попыталась было опередить события:

– Хочу сидеть рядом с военным!

Мать на нее цыкнула:

– Рано тебе еще! Не лезь поперец сестры!

Зал поражал царственным убранством. Люстра цвета старого тусклого золота, канделябры по стенам в цвет люстры, красный бархат кресел с номерами слоновой кости. Все – как в Левкиных мечтах. Медленно погас свет. Началось действие. Офицер, как заворуженный, весь подался вперед – он будто сам оказался на сцене! Будто это он бродил по Парижу в задумчивости, и только для него играл мощный, высокопрофессиональный оркестр, мечта по которому преследовала его с детства! Ида уже готова была обидеться – и это благодарность?! Наконец старлей сам почувствовал неловкость.

– Христом-богом прошу – не дуйтесь на меня. Я ж в опере – первый раз в жизни. Столько лет мечтал!

– И сколько же? – лукаво поинтересовалась миленькая соседка.

– Да ровно как себя помню! Вообще-то я только сейчас оказался в большом городе. А всю прошлую жизнь – по военным гарнизонам. Откуда там опера возьмется? Вы должны меня понять...

Ей сразу стало веселее. Да он вовсе не задавака! Просто... Понятно, что человек пережил в мясорубке войны. А тут так все красиво, торжественно! Вот и увлекся.

– Это вы простите меня. Веду себя как дурочка!

– Да что ж вы такое на себя наговариваете! Вы такая красавица. Робею даже.

– У вас что, никогда девушки не было?

– Когда мне? Сразу после школы – на фронт!

– Бедненький!

И ее рука легла на его руку. Поначалу Лев слегка вздрогнул, но руки не отнял. Повернув голову, он как будто впервые разглядел соседку. А что? Хорошенькая! Ладненькая фигурка, уже почти оформившаяся. Разницы в возрасте между ними – почти никакой. А глазки какие умненькие!

А уж Ида-то! Женская природа всегда активнее. Она тоже – не только отец – оценила его еще на подходе к театру. Высокий, с крупными чертами лица, огромными ручищами пехотинца, оторванного не одну траншею, не один окоп простой саперной лопаткой, без использования землеройной техники. Такой обхватит так обхватит!

В антракте к директору подошел большой чин из областного управления торговли. Этот крайне редко покидал свой персональный кабинет, да и на совещаниях устраивался где-нибудь в уголке и ни разу не выступал с трибуны, какой бы животрепещущий вопрос не обсуждался. Нетрудно догадаться, где служат подобные молчуны. Но в форме Борис Михайлович его не видел ни разу.

– Борис! – безапелляционно обратился он. – Пошли. Нас с тобой позвали. Кой куда!

Директор встретился. Времена были, мягко говоря, непростые. Особых промахов по работе он за собой не числил. И все же, все же... Чего греха таить – пропадали в то время люди ни за поных табаку. Так у него однажды «увели» главного механика. Пришел улыбчивый молодой человек – мягко, вежливо пригласил на

улицу для вроде бы несущественного разговора. И – все! Механик будто сквозь землю провалился. Ясно, что руководителю предприятия небезразлично, куда у него мог подеваться ведущий специалист. К тому же – единственный, кроме него, коммунист на холодильнике. Стал обзванивать различные инстанции. Пришел «секретчик» из торго – запросил характеристику на задержанного и настоятельно посоветовал не поднимать лишнего шума. Директор возмутился.

– Мне работник нужен. Семье – отец. Что прикажете – сделать вид, будто так и надо? Вы хоть что-то объяснить можете?

– Замените товарища Совцова кем-нибудь на время. Когда разберутся – вас поставят в известность. У нас люди просто так не исчезают. Всего хорошего.

Спустя месяц был суд. Упекли бедолагу на самые крайние Севера. За сущий пустяк – анекдотик про Сталина в узком кругу по пьяни рассказал. Видать, и в «узких кругах» были у органов свои глаза и уши. И за это – пятьдесят восьмая? Десять лет лагерей?! Коллектив холодильника семью осужденного не бросил: жену, до этого не работавшую, взяли учетчиком, двоих детей она, местная – механик в Молотов приехал холостым – отвезла, от греха, в область – в поселок Половинка к родителям. Навещала их урывками, убеждала, что папа в командировке, скоро приедет.

Так что было отчего напрячься директору. Но, слава богу, на этот раз обошлось.

– Ты чего так побледнел, Михалыч, – удивился чин. – Я тебя, что ли, прямо тут под арест подвести хочу? Ну ты... фантазер! Зову тебя в конкретное место. Не для всех открытое. Спецбуфет называется. Семью, если хочешь, можешь взять с собой. Туда печений-шоколадов натащили с коньяками – невпроворот. Не в общем же буфете солидным людям толкаться!

– Вы идите, – решительно сказала Ида. – Я останусь здесь. Левушке в полевой гимнастерке уютно будет среди многозвездных начальников.

«Ого! Он уже для нее Левушка! Грамотно билетик пристроили!» – переглянулись между собой родители и понимающе синхронно кивнули.

Молодые люди проболтали весь антракт – обо всем на свете и ни о чем, перескакивая с пятого на десятое.

– А хочешь, я тебе расскажу, что будет дальше? – предложил он. – Я ж книжку читал...

– Да ты что, дурачок? Неинтересно же будет смотреть! Вот выдумал так выдумал!

Это милое «дурачок» еще долго переливалось у него в голове звонкими нотками серебряных колокольчиков. Так ласково его еще никто не называл! Они заболтались и не заметили, как зал снова наполнился зрителями, как снова медленно-медленно стал уменьшаться свет. Им даже соседи сзади сказали:

– Молодые люди! Нельзя ли поскромнее себя вести!

Третий акт буквально порвал зал на британский флаг!* Трагическая любовь красивых молодых людей, угасание жизни главной героини не могли оставить равнодушными даже самых огрубевших за тяжелые годы – кто тогда не терял близких? Чахнувшая на глазах красавица Виолетта арией «Addio del passato» («Прощай, прошлое») повергла зрителей в состояние грусти, сожаления от близкой утраты. А ее дуэт с Альфредом «Parigi o cara» («Париж, мы покинем») просто обрушил зал в рев! Слезами заливались даже самые стойкие! Те, кто поинтеллигентнее, прикладывали к глазам платочки, кто попроще – плакали в ладони! Ида вцепилась рукой в кисть офицера и даже этого не заметила. А Лев... Он будто застыл как статуя. Война научила – в моменты наивысшего напряжения у него срабатывал внутренний стержень. Парень превращался будто в скалу! Сильную, мощную скалу, готовую прийти на помощь любому!

После окончания спектакля он пошел проводить семью. Как ни

настаивал, денег за билет с него не взяли.

– Считайте, что мы вас пригласили – как фронтовика, это для нас большая честь, – успокаивала его мать семейства. – И вы нас еще больше обяжете, если согласитесь вместе с нами поужинать.

– А не поздно?

– Вы обязаны госпитальный режим соблюдать?

– Честно говоря, да. Медсестра дежурная будет недовольна – я у нее не один, нас в палате – больше двадцати душ и каждого нужно перед отбоем осмотреть. Швы там, повязки поменять, температуру, давление замерить...

– Тогда приходите завтра, дом наш запомнили? Часикам к семи вечера, – поддержал прощание директор. – Честно говоря, мы так поздно не ужинаем, как сегодня придется. Вот когда на юге жили – это было запросто. Здесь совсем другие порядки. Режим военного времени, будь он неладен. В шесть утра я всегда на работе. И Идочка – тоже.

– К семи-то я как раз освобожусь. Нас, выздоравливающих, днем в ОПРОС отправляют. А к вечеру мы свободны.

Женщины недоуменно переглянулись.

– ОПРОС – это не то место, где вопросы задают, – пояснил отец. – Так называется Отдельный полк резерва офицерского состава. Звучит солидно. На самом же деле – обычная шарага временного формирования. В помощь тем организациям, которые нуждаются в бесплатной рабочей силе. К нам тоже оттуда присылают чуть не каждый день. Если захотите, Лева, я на вас персональную заявку оформлю. Подыщем на холодильнике что-нибудь... поинтеллектуальнее. Ящички вам таскать – не по чину. Да и ноге неплохо бы дать отдохнуть – быстрее поправитесь, фронтовик вы наш. Будете, скажем, Идусе помогать. А то у них в бухгалтерии – ни одного мужика.

– Не возражаю, товарищ директор. Как скажете.

– Но хоть чаю-то мы можем попить, – вмешалась в разговор Ида. – Ненадолго, а?

*Идиоматическое выражение – означает «порвать в лоскуты»: британский флаг будто состоит из лоскутков на синем фоне с красно-белыми разграничительными линиями.

– Госпиталь – та же часть, – строго завершил дискуссию отец. – Офицеру нужно быть вовремя к отбою!

И добавил, уже значительно мягче.

– Завтра – это уже завтра, лапочка. Потерпи.

Офицер, конечно же, завтра был как штык. Еще более нафабранный, чем вчера – с блестящими орденами и медалями. Младшие окружили его, просили потрогать награды. Посыпались вопросы – а это когда вам вручили, а это – за что. Лев смущался, отвечал односложно.

– Да все они – с одной формулировкой: «За образцовое выполнение приказа командования». Ничего особенного. Просто – за войну.

– А вы настоящих немцев живьем видели? – серьезно, со значением спросила младшая Светка.

– Конечно. Много раз.

– Они страшные?

– Да ладно! Ни рогов, ни копыт у них нет. Мы их и не боимся.

Ида – как чувствовала – встретила его еще на пороге дома.

– Вы как раз вовремя, Левушка. Папа вот-вот появится, мы без него ужинать не садимся. Пойдемте ко мне в комнату.

Он чувствовал себя совсем неловко. Зачем притащился, спрашивается? Ну, люди из вежливости пригласили – это вполне понятно. На кой черт им этот... подстреленный? Своих проблем мало?

Ида угадала настроение гостя.

– А давайте для начала попьем чай вдвоем? Вы, поди, голодный? Я бутербродики захвачу.

– Да нет, что вы! Нас в госпитале хорошо кормят!

– А то я не вижу! Вы, наверное, легче меня будете – хоть я вам только до плеча! – и упорхнула на кухню.

В ее комнатухе господствовали книги. Много-много книг. Пробежав глазами по корешкам, увидел своего любимого Пастернака. Потянулся было...

– Лева, вы что – левша? – Ида вошла тихо, незаметно.

Он быстро отдернул руку.

– Как бы... да. Хотя у меня и правая нормально развита. Отец

научил. Он тоже по рождению был левшой.

– И что потом случилось? Переучился? Да вы садитесь за письменный стол – другого места в моей каморке все равно не найдется.

Она поставила поднос с двумя стаканами чая в подстаканниках и тарелкой бутербродов с ливерной колбасой. «А ведь не шикует семья директора холодильника», – мысленно отметил он. – Ни тебе буженины, или какой другой копчености. Видать, скромные люди. Совсем не злоупотребляют. Не то что наш ротный старшина – вечно что-то жрал, и откуда доставал только, гад? Когда все – по нормам».

Ида словно прочитала его мысли.

– Мы с работы домой ничего не приносим. Отец категорически запретил. Только – что положено по пайку, продовольственным карточкам, да на рынке маленько прикупаем с зарплаты. Вы ешьте, не стесняйтесь! Так что вы там рассказывали об отце. Он у вас кто? Тоже военный?

– Генерал-майор. Только он не на фронте сейчас – не пустили из-за старых ран, еще в Гражданскую полученных. Ходит плоховато. Резервы готовит. А левая рабочая рука его здорово выручала, когда он был красным кавалеристом. Когда за тобой гонятся, преследователь норовит зайти слева, чтобы рубануть с незащищенной стороны наверняка. Вот тут-то его с левой руки самое то шашкой полоснуть. Сколько раз это жизнь ему спасало! Но он и правую развил настолько, что научился одинаково писать обеими. И, естественно, рубить с правой не слабее, чем с левой.

– Интересно как! Вот бы научиться!

– Он и меня так приучал. Для этого нужно левую руку пристегнуть к телу намертво ремнем и все делать правой. Вроде и у меня получается.

– А стреляете вы с какого плеча?

– Да как придется. Привычка уже выработалась ориентироваться по обстановке. Но вот гранаты ношу на поясе справа, не как большинство. Все же левая у меня по сильнее. И половчей. Так удобнее.

– Просто... Я увидела, как вы левой рукой хотели снять с полки Пастернака. И подумала... Если я вас этим неловким вопросом обидела – простите Христа ради.

– Да вот еще! Пустяки!

– Любите этого поэта?

Он кивнул – и начал, аккуратно откусывая от бутерброда (удержаться не мог – живот на самом деле сводило от голода), читать по памяти.

Февраль. Достать чернил и плакат!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.
Достать пролетку. За шесть гривен
Чрез благовест, чрез клик колес
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.
Где, как обугленные груши
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

И тут она продолжила – тоже по памяти.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Повисла долгая пауза. Сгущающиеся сумерки за окном будто создали неповторимый уют интимности начинающегося вечера. Раздался легкий стук в дверь, и тут же в щелчку просунулась любопытная рожица Ленки.

– Голубки, что ж вы свет не включаете?

– Дуй на кухню, – цыкнула на нее Ида. – Маме помоги на стол собрать.

– А все готово! Меня за вами послали.

– Сейчас идем!

Ида поднялась, Лев – вслед за ней.

– Вы напрасно стесняетесь, что левша. Пушкин был левшой. И Лев Толстой.

– А еще – Александр Македонский, Наполеон, Карл Великий. Я все про них знаю.

– А из женщин – Клеопатра! – кокетливо улыбнулась Ида.

И такая она была... Аппетитенькая, теплая. Да у Левки, кроме поцелуев, ничего такого и не было в жизни. Последний раз – разве что в школе.

Отступление пятое

В Киркинесе многие из наших поначалу кинулись было ублажаться с вполне по-европейски доступными норвежками. Приглянулась и ему одна блондиночка. Но тут кто-то из офицеров на беду подцепил сифилис. Как беднягу песочили перед строем! В результате появился грозный приказ о запрете неформальных контактов с местным населением – и большинство устранилось. А потом, в Кенигсберге, когда занимали виллу, хозяйка поманила Льва пальцем на второй этаж, и – только они поднялись – стала деловито стаскивать с себя одежду. Он думал недолго. Грохнул пи-столетом по столу и кивком указал ей на дверь. Попыток фрау не повторяла – сама скромность и предупредительность сквозили в ее дальнейшей линии поведения. Пока замкомвзвода, тот самый лихой старший сержант Мартиросян – как раз и отхвативший эту виллу при расквартировании – на ней же, хозяйке, не подцепил гонорею. Вот уж хохоту было, когда он стал на уколы в санчасть бегать. Да еще на какие уколы! Пенициллин был на вес золота. Тратить его на таких ухарей никто не собирался – на серьезные ранобольных бы хватило. Вкалывали... молоко. Подскакивала такая температура – под сорок два! Чтобы гонококки при сорока градусах подошли. Потом взбухшую от гноя рану вычищали – и все, боец к бою готов. И так бедняге Мартиросяну пришлось пройти процедуру два раза! Второй укол – контрольный. Чтоб впредь не-повадно было! А то бы это «добро» как раз Льву и досталось – в первую очередь, по старшинству звания. Как говорится – Бог миловал!

– Я вижу – вы литературу хо-рошо знаете.

– Хотел в ИФЛИ* поступать. Кабы не война...

Они долго шли по коридорам на кухню – раньше здесь был барак-общежитие в форме буквы «П» с дощатым сортиром на заднем дворе, затем строение превратили в дом на две большие семьи: кухня и душ – общие. Импровизированный душ директор смонтировал сам из бельевой выварки, садовой

лейки и армейского калорифера, воду таскали с колонки. По негласному уговору, когда соседи ужинали или гостей принимали – вторая семья им не мешала. Длинный переход молодые люди потратили на анализ любимого стихотворения.

– Мне особенно нравится кольцевая композиция четырехстопного ямба, – делился Лев, «оседлав» любимого конька. – «Навзрыд» в начале – и «навзрыд» в конце. И потом... Этот ярко выраженный черный цвет – прямо зримая связь с природой: «чернеющие проталины», «грохочущая слякоть»...

– И еще у автора чувствуется влияние футуризма – неточные рифмы, например, – подхватила тему Ида.

– Да и символизма достаточно: грачи – «обугленные груши».

Они бы еще долго дискутировали на литературные темы, да только коридоры, один за другим, кончились. На кухне все обернулись к ним, и оба почему-то застеснялись. Война – а они вон о чем...

На ужин были... картошка с селедкой да бутерброды с маргарином на черном хлебе. Так питалась семья руководителя, у которого в распоряжении продуктов было больше всех в городе!

Лев пришел и на другой день. Вывалил на стол все из вещмешка – банки с американской рисовой кашей, яичным порошком, ячменным кофе, пластиковый пакет кубинского сахара, три луковицы, внушительный шмат сала, каравай черного хлеба.

– И не вздумайте отказываться. Иначе мне этот сухпай в горло не ползет при детях! А горячий супец нам и так в обед наливают. Иногда – с мясом.

Мать Иды не стала спорить. Молча убрала все это добро в шкаф.

– А у нас сегодня – блинчики. Отец муку отоварил по карточкам. Шикуюем!

Он приходил еще и еще. Родители, сестры Иды были ему всегда рады – не говоря уже о ней самой. Отличный парень этот Левушка! Правильный! Хоть и генеральский

сын – а гонору ни на грош. Интеллигентный. Видать, воспитание поставлено в их семье на достойном уровне: оба сына генерала воюют, причем младший – даже не офицер. Уж папа-то мог бы найти им занятие более безопасное – при желании. А не стал! Вот и сын его... Что уж там скрывать? Красивый! Соседи напрочь обзавидовались. Особенно – соседки.

Через два месяца Лев решил.

– Сегодня звонил родным. Они – не против. Ты выйдешь за меня?

Так что в полк старлей возвращался с кольцом на безымянном пальце правой руки. Свадьбу отложили на потом – когда определится место дальнейшего прохождения службы. Оно могло быть где угодно – как Родина прикажет. Над этим тогда не шутили. Каким оно будет, будущее? Да уж не хуже, чем во время войны.

В полку творилось черт-те что!

– Сокращают нас, – сходу ввел в курс непосредственный начальник-комбат. – Кадровики как с ума сошли! Трясут документы с утра до ночи и с ночи до утра. На сто раз каждого проверяют и перепроверяют: кому сколько до пенсии осталось, какое имеет образование – и прочая ерунда. Нас, командиров подразделений, толком и не спрашивают. А могли бы поинтересоваться – с кем нам служить комфортнее. Дураку понятно, что такая по численности армия не нужна, как в войну. Так ведь не каждый, кто форму натянул – воин. Может, ему ее примерили совсем вопреки желанию и его от нее тошнит! Оно ведь по жизни за-всегда так. Я хоть и без дипломов – семь классов одолел, помене твоего будет – дак ведь про таких, как мы с тобой, маршал Жуков не зря сказал: «Академиев не кончал и в оных не нуждается». Потому как с маслом в башке порядок и книжки читать любим. Я вот в одной прочитал, как оно складывалось в Великую французскую революцию.

– Это в которую? Их там три было.

– А хрен его знает – книжка мне без обложки досталась, в одном сгоревшем доме нашел. Не в

* Институт философии, истории и литературы в Москве. Существовал в 1931–41 гг. В 1941 году вошел в состав МГУ.

этом суть. Народ когда у них победил – выбрали Парламент. И сразу же он разделился на две группы – Гора и Болото, так их прозвали. Ну, ясное дело, болот всегда больше. В группу Гора вошли самые активные, толковые депутаты, которые знали, что они хотят и как нужно действовать. А большинство – эти самые болотники – раздолбай на раздолбае! Им бы побазарить всласть, а делать они ничего и не собирались. Потому как ни рожна не умели! Вполне возможно, что по документам у них все кругло получалось, не хуже, чем у тех, кто в Горе состоял. А на деле? Что хорошего, скажи, если у нас бумажка важнее человека получается? И плевать, что у того в душе творится! Какие у него устремления? Вот я тебя бы, Левка, ни за что не отпустил. Но, видимо, все же придется. Хоть и классный ты боец!

– А эти что говорят про меня? Многомудрые?

– Да они не только про тебя... Задача у них – как можно побыстрее и побольше народу из вооруженных сил сплавить. За всякое гэдэ цепляются. Мол, перспективен ли офицер для роста, если у него нет военного образования? То-то, мол! А станет ли он учиться – хотя бы заочно, если оставить на службе?

– Дак! – старлей чуть не захлебнулся от злости! – Когда мне было?

– И я так же думаю. С твоим-то боевым опытом – чему учиться? Преподавать нужно! Как не по уставам, а по правде жизни воевать! Как «языка», скажем, брать, или как боевой дух у солдата поднимать, когда по нему из всех видов вооружения вражина лупит что есть мочи. Да кто ж меня слушает?! Как бы самого...

– Да вас никто не тронет, товарищ майор! Не посмеют! Вы же еще и финскую кампанию захватили!

– Было дело. Чуть яйца не отморозил, когда наша седьмая армия прорывала первую линию Маннергейма. Да и у горы Копла эти чухонцы нам всыпали по первое число. Это ж сколько мы там народу зазря положили!

– И много вам осталось до этой самой пенсии?

– Да мало. В том-то и дело. Дослужить дадут, в этом-то нет сомнений. И что я потом, в сорок лет – на печку? Валенки сушить?

– Да вас с руками оторвут хоть куда! Люди с таким опытом стране нужны позарез!

– Ой, не знаю. Ладно. Поживем-пожует. Давай о тебе поговорим. Ну, что военный трудовой стаж год за четыре – кто на передовой сражался – ты и без меня знаешь. Тебе сейчас полных сколь годков набежало?

– Скоро двадцать три.

– А стажу – без малого шестнадцать лет. Во как! Соображай: всего-то девять годков отслужить – и в тридцатник с небольшим выйдет полный пенсион. И можно начинать все сначала. Так что есть над чем подумать. А если пробьешься на севера, где год за два? Такую цель и ставь. Здесь из этого ни рожна не выйдет. Давай отправим тебя туда, где обженился. Предложат МВД – не ерпенься. Там тоже люди работают. Преступников в стране – пруд пруди. Поразвелось за войну хабарников, пока мы тут воевали. Лагерея будет куда больше, чем сейчас – как почнут их всерьез за шиворот брать. Особенно тех гадов, что с фашистюгами хороводились. Ох и до черта же их наберется. Полная коробочка! А ты, пока дослуживаешь, подумай, какую мирную профессию выбрать. Чтоб понадежней да поденжней. Писатель там, артист – еще бабушка надвое сказала – выйдет толк, не выйдет. Их и так навалом. Среди них чтоб выделить – мохнатая лапа нужна. Или уж талант – чтоб как у Пушкина. Ему хорошо было экспериментировать – сельцо не одно кормило. У тебя – другой коленик, самому придется пробиваться. А сейчас гуманитариев будет еще больше. Как начнут все врать про войну! Техническая специальность – для мужика самое то. У тебя, против меня, времени как раз – вагон, чтобы стать крепким спецом с жирной зарплатой. А захочешь стишки крапать – да сколь угодно в нерабочее время. Выйдет талант наружу – тогда можно и на эти хлеба перейти, ни когда не поздно.

– У меня такие же мысли вызревали. Вы как раз очень точно сформулировали. Когда один – ладно. А вот когда семья...

– Вот именно. У нас, в родной деревне, издавна порядок был: пришел парень с военной службы – его мигом женить потребно. Иначе он, пока всю водку не выжрет, да пока всех баб – холостых, женатых – в большую кучу... Так и скурвиться недолго.

– С этой стороны я теперь кругом застрахован!

– Вот и молоток! Насчет перевода я похлопочу – земля у меня в «строевой части»^{*} за литр шнапса любую бумажку сотворит за пять сек. Ты, главное, не кочевряжься! Слушай, что человеки по-старше тебя советуют.

Уже через неделю старлей вновь оказался в Молотове. Попрощался на дорожку с комполка – тот тоже увольнялся, собирался на родину, в Саратов. С друзьями-офицерами выпили «на ход ноги» как следует – Мартиросян где-то под это мероприятие ящик хорошего французского коньяка наддыбал. Как бы случайно в подвале одной немецкой виллы нащупал и сам, рискуя жизнью, пригубил – кто этих скотов немцев знает? Вдруг отравленное?! По его хитрой нагловатой морде очень заметно было, что проверял он питье основательно!

С годик они с женой послужили в грузинском городе Ахалкалаки Закавказского военного округа, где и оформился перевод в Министерство внутренних дел. Еще пара лет прошли на Урале, в городе Углеуральском, где появился на свет их первенец. И вот они, вожделенные для стажа севера: город Воркута Коми АССР. Вторым сыном стал коренным воркутянином. Отец времени зря не терял – пока служил, окончил заочно Ленинградский горный институт, в тридцать три уволился из органов уже специалистом по подземным разработкам угольных месторождений. Они так и остались в Заполярье на ПМЖ до самой пенсии, которая вышла им на пять лет раньше, чем в целом по стра-

^{*} Отдел кадров у военнослужащих.

не – северные мужчины выходили на «заслуженный отдых» в пятьдесят пять, женщины – в пятьдесят. Конечно, Госплан у нас – не благотворительная организация и не случайно отправлял в «третий возраст» раньше на целую пятилетку. Естественно, Севера здоровые отнимают: сплошная ночь зимой, круглый световой день летом, когда луна и солнце, не мешая друг другу, торчат на небосклоне одновременно. Опять же – всего два времени года: в мае еще снег, а в июне он разом, за пару дней, исчезает – и на три месяца наступает жаркое лето. В сентябре – опять зима. Ни одного деревца в округе – тундра голимая кругом. Загородного отдыха, как в средней полосе, нет. Эти катаклизмы – против природы человека, потому и организм изнашивается быстрее. Но вопрос о том, кто сколько проживет на этом свете – чисто философский. Это – как карта ляжет!

Наши герои, что называется, прижились. Зарплата – не чета центральным районам страны. Опять же – «северный завоз»: продуктов самого высокого качества – в изобилии! Регулярный отдых на Черном море, как это было принято у северян – Сочи, Ялта, где их с их тугими кошельками ждали с распростертыми объятиями. Наши северяне сразу договорились с конкретной хозяйкой, что будут ездить к ней ежегодно, как только узнают о графике отпусков – и традиция эта тянулась до тех пор, пока сочинский домишко не снесли ради постройки многоэтажного дома. Как на свою дачу! Родилась сразу же и другая привычка – основательная остановка по пути на юг в Москве. Большой театр стал чуть ли ни родным домом.

Сыновья не очень разделяли увлечение родителей. Старший предпочитал драматическое искусство, хоть и играл на фоне в школьном эстрадном квинтете. Быстро научился активно «стрелять» билеты и в Вахтанговский, и в Малый, и в театр Маяковского. Младший вступил в сообщество арбатских фанатов «Спартака» и пропадал на стадионах. Отец с матерью на них не давили – пусть делают что хотят. Вкусы у всех

разные! В Воркуте вместе катались на лыжах, на коньках – не смотря на морозы. Вместе ходили в плавательный бассейн, где Ида Борисовна удивляла всех бесстрашными прыжками с пятиметровой вышки – на Черном море выросла! А в Москве каждый развлекался по-своему.

Что в кассе Большого билетов не купить, совсем не смущало. Спекули издали видят «упакованных», солидных людей. Поэтому в первый же день в столице они щедро отсыпались, чтобы к вечеру быть отдохнувшими, свежими – уверены были, что спектакль без них не начнется. Останавливались обычно у кого-то из друзей – реабилитированные москвичи, вернувшиеся домой, всегда были искренне рады принять семью бывшего начальника спецчасти самой крупной колонии Воркуты. Многие именно его стараниями досрочно вышли на свободу и вообще выжили. А многие так до пенсии в Воркуте и проработали и лишь по истечении лет вернулись в родные пенаты – материальные соображения зачастую перевешивали эмоции. Не для всех Крайний Север представлялся сплошной каторгой.

Отступление шестое

Это потом литераторы и публицисты вобьют в сознание людей, что освобождение незаконно арестованных началось только после смерти Сталина. Чепуха на постном масле! Проверка документов на соответствие юридическим нормам ШЛА ВСЕГДА! И если находилась хоть малейшая зацепочка, дела пересматривались в пользу невинно пострадавших и в сороковые-пятидесятые – в годы, так сказать, «массового разгула сталинских репрессий». Просто, как во все времена, порядочные специалисты делали свою работу на совесть, сволочи – сволочили, гноили неповинных людей. Как, впрочем, происходит это во все времена!

Изрядно отоспавшись, Ида шла в парикмахерскую, где ей делали самую модную прическу – по последнему писку! Днем они отправлялись проверенной тропой гостей

столицы: ГУМ-ЦУМ-Детский мир-Елисейский гастроном. Хоть и хорошо снабжались Севера – неслучайно продуктовые посылки из Заполярья регулярно шли в центр России в адреса родственников, друзей, знакомых – но изысков в столице все же было побольше. Да и модную одежду где покупать, как не в Москве?!

Вечером они садились на метро или в такси и отправлялись в Большой. Еще на подходе к Театральной площади у них начинали спрашивать лишний билетик. Они шли уверенно, будто наверняка знали, что «Риголетто», «Севильский цирюльник», «Лебединое озеро» и, конечно же, «Травиата» без них не начнутся. И уже на подходе к центральному входу многоопытные «бригады» ловчил-жучков взглядом указывали шустрым исполнителям на эту пару: «Вперед, это – наши клиенты, такие торговаться и ментов звать не станут».

Эпилог

Спустя почти четверть века старший сын Иды и Льва, окончив на Урале университет, по «двухгодичному» призыву в лейтенантских погонах был направлен командовать мотострелковым взводом – как вы думаете, куда? Именно в то место, где закончил войну его отец. Жизнь и судьба – качественные, непредсказуемые драматурги! Писателю такого порою ни за что не выдумать. Только Гумбиннен уже к тому времени стал Гусевым, Тильзит – Советском, Кенигсберг – Калининградом.

Внук Иды и Льва в конце века ушедшего «срочную» служил недалеко от дома, на Урале. В мирное, можно считать, время – хотя и после Великой Отечественной войн у нас хватало. Домой вернулся младшим сержантом – целым и невредимым, как и его отец. Продолжив династию людей в погонах.

Но это – уже другая история. Просто – для ясности: все, что изложено выше, вы от потомственного лейтенанта и узнали.

В

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ГАВРИЛОВЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Светлана ГАВРИЛОВА

г. Екатеринбург.

Автор благодарит Романа Парфёнова за предоставленную фотографию; Татьяну Коротовских и Ирину Старцеву за помощь в подготовке иллюстраций.

Я и мои сверстники родились через 20 лет после Победы в Великой Отечественной войне. Мы застали поколение победителей, к которому относились наши бабушки и дедушки. А следующее поколение – дети военного времени – это наши родители.

Воспоминания старших о войне вошли в нашу жизнь очень рано – из их рассказов, поступков, из неосознанных и непонятых до конца в раннем возрасте реплик и фраз...

И только потом, уже в старшем возрасте, начинаешь осознавать, как же тяжело и сложно было нашим близким в годы войны, и почему они давали нам – своим детям – так много того, чего были лишены сами. Они учили нас бережно относиться к хлебу, потому что им довелось голодать. Они покупали нам много красивых игрушек – у них таких не было; они водили нас в кино и театры, возили на море и в красивые города... Все,

что не увидели, не получили, не доиграли в своем военном и послевоенном детстве и молодости наши родственники, они предоставили нам. А еще – тепло и заботу, и то особенное восприятие мира и истинные ценности, которые они усвоили тоже из войны...

В юности каждый из нас больше думает о настоящем и будущем. Кажется, что родители всегда будут живы и здоровы.

Но старшее поколение уходит – вместе с их миром и их воспоминаниями, да и наше тоже уже начинает уходить...

И вдруг начинаешь понимать, что сама повседневная жизнь наших бабушек, дедушек, родителей в годы войны уже была подвигом: в тяжелейших условиях они воевали, работали в тылу, заботились друг о друге, берегли друг друга – вплоть до самопожертвования...

Я хочу рассказать историю моей семьи в военный период. Она – со счастливым концом – все выжили и вернулись в родной город. Но каких невероятных усилий это стоило! Я преклоняюсь перед волей и мужеством моих близких и восхищаюсь любовью, которая их всех связывала.

История эта была написана моим папой Игорем Андриановичем Гавриловым для стенгазеты предприятия «Уральское проектно-конструкторское бюро «Деталь» в канун празднования Дня Победы в 1987 г. Рассказ был напечатан в двух номерах – начало и продолжение, но сохранился только второй номер стенгазеты – его отдали на память моему папе, когда провожали на пенсию в 1988 г., и этот ватманский лист с машинописным текстом остался у нас дома. А предыдущий номер стен-

Семья Гавриловых, слева направо:

в первом ряду – Серафима Александровна, Олег, Андриан Максимович, Нина; во втором ряду – Герасим, Игорь. Фото к. 1940-х гг. Архив семьи Гавриловых.

газеты с началом рассказа на предприятии не сохранился.

Но «рукописи не горят»: начало военной истории нашей семьи мне рассказал на диктофон мой дядя, папин брат – Герасим Андрианович Гаврилов, недавно отметивший 90-летний юбилей, проживающий в Санкт-Петербурге.

Я представляю этот рассказ в виде воспоминаний двух братьев – от первого лица.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРАСИМА АНДРИАНОВИЧА ГАВРИЛОВА

Беженцы

Накануне Великой Отечественной войны наша семья жила в городе Шлиссельбурге*, расположенном на берегах Ладожского озера и реки Невы. Отец Андриан Максимович Гаврилов работал кузнецом на Невском судоремонтном заводе, мама Серафима Александровна занималась хозяйством и воспитанием детей – Игоря, Герасима и Нины, тринадцати, одиннадцати и восьми лет соответственно. Жили мы в бревенчатом доме на берегу Староладожского канала. При доме имелся палисадник, сад, огород. Наша семья держала кур, коз и собаку.

В начале войны отцу дали «бронь», и он продолжал работать на заводе вплоть до его эвакуации.

Утром 6 сентября 1941 г. началась массовая бомбежка г. Шлиссельбурга. Немецкие самолеты летели со стороны озера и бомбили город непрерывно до вечера**. Поскольку ближайшие территории возле города уже находились под немцами, мы заранее были подготовлены к бегству: наши вещи были собраны в мешки, катули. Вечером мы погрузились в лодку (на веслах) и поплыли по Староладожскому каналу в сторону Новой Ладogi. Двое суток мы плыли до Кобоны, потом еще три километра по речке Кобонке до деревни Низово. В этой деревне отец нашел для

* Уральское проектно-конструкторское бюро «Деталь» – головная организация по разработке радиовысотомеров для всех типов летательных аппаратов. Первое название предприятия – ОКБ-379; находится в г. Каменске-Уральском.

** С 1944 по 1992 гг. город назывался Петрокрепость.

Дореволюционная панорама г. Шлиссельбурга.

Вид на Казанскую часовню,
Благовещенский собор
и Никольскую церковь.
г. Шлиссельбург.

Шлиссельбург в период оккупации.
Горящий дом.

Шлиссельбург в период оккупации. Панорама.

Староладожский канал. Шлюзы. Архив семьи Гавриловых.

нас жилье: договорился с местным старичком, который предоставил нам баню, топившуюся «почерному». В этой бане наша семья пережила зиму 1941–1942 г. Отец устроился на работу кузнецом в Новую Ладугу – на судоремонтный завод. А мы с мамой, сестрой и братом остались жить в этой «черной» бане в д. Низово. Морозы в ту зиму были страшные, топить баню приходилось каждый день, и она была внутри вся в дыму.

В Новой Ладогe

В марте 1942 г. отец увез в Новую Ладугу моего старшего брата Игоря – устроил его на судоремонтный завод поддувало³ в кузнечный цех. А в апреле уже вся наша семья переехала в Новую Ладугу. Мы жили в общежитии, занимали часть комнаты площадью 15 кв. метров. В этой же комнате проживала еще одна семья. Помещение разделяли занавески.

Потом мама тоже поступила на завод в кузнечный цех – стала работать поддувало³ вместо Игоря, а брат занял вакансию помощника кузнеца-молотобойца, помогал отцу. Папа, мама и брат получали рабочие продовольственные карточки, а у нас с младшей сестрой были карточки иждивенцев. Время было голодное, весной мы варили щи из крапивы, собирали разные травы, коренья. В июле 1942 г. отец заболел дистрофией: работа кузнеца была тяжелая, а свои порции продуктов он отдавал нам – детям, чтобы уберечь нас от

голода. Отец слег, был очень слаб. Его сняли с военного и трудового учета и признали инвалидом. Чтобы спасти отца от смерти, мама решила увезти семью в эвакуацию – в более благоприятный климат. Она оформила документы. И мы отправились по реке Волхов в город Волхов, который накануне освободили от немецких захватчиков.

ВОСПОМИНАНИЯ ИГОРЯ АНДРИАНОВИЧА ГАВРИЛОВА

На Восток

В Волхове мы сели на поезд с эвакуированными ленинградцами. Состав направлялся в

Краснодарский край. В нем один вагон был пассажирский, остальные – теплушки. Мы попали в пассажирский. Ехали в основном женщины и дети. В каждом вагоне выбрали старосту, одной из обязанностей которого было получение хлеба и продуктов на остановках. После Вологды выяснилось, что поезд в Краснодарский край не пойдет: немцы начали там наступление.

Нас повезли по северной дороге на Киров-Пермь-Свердловск и далее до Томска. Поезд двигался в основном ночью, днем останавливались около какого-нибудь города. Пассажиры запасались водой, кипятком, получали хлеб и продукты. Наш состав почему-то на всех станциях оказывался на самом последнем пути. Приходилось лазить под вагонами, стоять в очередях. Люди, у которых были родственники в городах, мимо которых шел поезд, сходили, оставались у родственников. У кого не было, ехали до конца. Через 23 дня прибыли на станцию Томск.

В Томске эвакуированных уже ждали и распределяли по области. Довольно большую группу, где была и наша семья, на катерах доставили в рабочий поселок Красный Яр. Он находится примерно в 100 км от Томска. Всех эвакуированных обеспечили жильем барачного типа.

Освобождение Шлиссельбурга. Январь 1943 г.

³ С 8 сентября 1941 г. по 18 января 1943 г. город находился в немецко-фашистской оккупации.

В Красном Яре

В Красном Яре тогда был большой деревообрабатывающий завод. Располагался он на берегу реки. Делали на нем шпалы, столбы, заготовки для прикладов к автоматам. Вся жизнь поселка была связана с заводом. Дровесина на него доставлялась по реке и на машинах. Километров на 30 от поселка уходила в тайгу дорога-лежневка, по которой шли газогенераторные машины. Чурки для них заготавливались на этом же заводе.

В поселке были две школы, клуб, библиотека, баня, несколько магазинов, заводская контора. Недалеко от поселка располагался колхоз. Местные жители жили в своих домах, имели огороды, коров, свиней, кур. От реки (старица Оби) во все стороны уходили тайга и болота. Летом было обилие грибов и ягод, осенью – кедровые орехи.

В Красном Яре сестра Нина пошла в школу, а мы с братом ухаживали за больным отцом и помогали маме. Мама работала подсобной в лесохозяйстве. Бригаду, в которой она трудилась, вывозили в лес – валить деревья, рубить сучья.

В 1943 г. отец немного окреп. Мы с братом продолжили обучение в школе.

Наша школа была небольшой, всего 3 класса: 5-й, 6-й, 7-й. Некоторые ребята учились после однодвухлетнего перерыва. 7-й класс иногда приглашали на помощь на завод. Там чаще всего мы склады-

вали деревопродукцию в штабеля. Осенью помогали убирать картофель в подсобном хозяйстве завода. Летом, в каникулы, ребята работали в колхозе или рыболовной артели, ходили в тайгу за грибами, ловили рыбу в Оби.

К 1944 году отец выздоровел, и его призвали в армию. Подразделения, в которых он служил, воевали с бендеровцами и с японцами.

После окончания школы мне вручили повестку на прохождение всеобщего. Проходить надо было в районном центре: селе Кривошеино, которое было от нас в 50 км. Туда мы со сверстниками добирались на пароходе. Месяц обучались военному делу. В конце учебы наши военные наставники провели с нами беседы о комсомоле и его делах.

Весь наш отряд допризывников вступил в комсомол. В райкоме получили комсомольские билеты и разъехались по домам.

Восьмого класса в поселке не было, и я поступил работать на завод. Приняли меня учеником токаря. В мастерской стояли 2 старых токарных станка с ременной передачей. На них в основном делали детали для ремонта автомашин.

Мы прожили в Красном Яре 3 с половиной года.

В конце декабря 1945 г. вернулся из армии отец. После демобилизации он уже побывал в Петрокрепости. К той поре вернулся из эвакуации Невский судоремонтный завод, кадровым рабочим которого отец был до войны. Его приняли работать кузнецом.

Шлиссельбург. Здания, разрушенные во время оккупации.

Возвращение

Отец приехал за нами в Красный Яр. Через несколько дней наша семья ушла из Красного Яра в Томск. Морозы стояли около тридцати градусов. Шли пешком. Где по реке, где по тайге. Через три дня были в Томске. Оттуда поездом добрались до Новосибирска. В Новосибирске сели в эшелон с демобилизованными солдатами, которые возвращались домой после войны с Японией. Ехали в теплушках, очень медленно. Новый 1946 год встречали в дороге. В Ленинград приехали вечером, в Петрокрепость добрались глу-

Первый послевоенный дом семьи Гавриловых, построенный в 1946 г. Архив семьи Гавриловых.

Олег и Герасим Гавриловы. Фото н. 1960-х гг. Архив семьи Гавриловых.

Дом семьи Гавриловых, построенный в 1957 г. Архив семьи Гавриловых.

**Вид со Староладожского канала на Благовещенский собор.
Фото Романа Парфёнова. 2015 г.**

бокой ночью. Отец знал, где остановились наши родственники, вернувшиеся раньше. К ним мы и пришли.

Утром прошли по городу. Окрина города превратилась в пустырь, где стояли печи с трубами. Каменные дома уцелели, но были все в щербинах от осколков снарядов. В самом центре, вокруг школы, стоял забор из колючей проволоки. Там размещались пленные немцы.

Нашу семью временно до лета пустили жить знакомые старик со старухой. У них уже жил младший брат отца, мой дядя. Всего нас набралось 10 человек. Дети пошли в школу (в городе их было две), взрослые – работать. Меня приняли учеником токаря на завод, но на второй же день меня и еще трех ребят из цеха направили на погрузочно-разгрузочные работы. В Неве стояло несколько барж с оборудованием, полученным из Германии. Всю зиму, пока стоял лед, мы поднимали из трюмов станки, спускали их на лед, и на санях возили на территорию завода. В конце весны вернулись в цех. Через некоторое время нам уже доверяли работать на станках. По вечерам и в воскресенье работали по благоустройству города: разбирали развалины, садили деревья.

В город возвращались жители, получали участки земли и начинали строить дома. Отец тоже решил строить дом. Наш доверенный, как и другие, оставленные жителями, немцы разобрали и использовали на землянки. Эти землянки тянулись вдоль каналов километров на десять. Мы с отцом по воскресеньям уходили за город, разбирали землянки, добывали бревна. Сбрасывали их в воду, вязали плот и по течению на нем плыли в город. К середине лета мы уже построили домик-землянку на участке. Наша семья переселилась в свое жилище.

Приближался сентябрь, время начала учебы. Закончил на «отлично» семилетку мой брат. У меня тоже были документы об окончании на «отлично» седьмого класса школы в Сибири. Мы с ним с согласия родителей подали заявления в Ленинградский авиацион-

ный приборостроительный техникум и были приняты.

Началась наша самостоятельная жизнь.

В 1947 г. у Серафимы Александровны и Андриана Максимовича родился еще один сын – Олег.

Мой дедушка Андриан прожил долгую жизнь – 91 год, запомнился мне сдержанным, с огромной внутренней силой, заботливым, деятельным: что-то мастерил, хлопотал по хозяйству. Даже в преклонном возрасте он не позволял мне нести сумку с продуктами из магазина, сказав, что сумку понесет он, потому что – мужчина. С войны он вернулся с боевыми наградами.

Бабушка Серафима запомнилась своей добротой. Она тоже постоянно была занята домашними делами, а еще пекла вкусные пироги и угощала нас, внуков, парным козьим молоком – подарком от «козленка Яшки».

Моя тетья Нина Андриановна прожила недолго, всего 35 лет; окончила метеорологический техникум, работала по специальности в г. Шлиссельбурге. Она приезжала к нам в гости в Каменск-Уральский в 1968 г. Я не помню ее, знаю только по фотографиям и рассказам родственников, которые всегда очень тепло о ней отзывались. На память о тете Нине у меня осталась очень красивая кукла, которую она мне привезла, и я назвала эту куклу Ниной.

Мой дядя Олег Андрианович тоже прожил недолго – 51 год. Он работал на Судоремонтном заводе в Шлиссельбурге, помогал родителям, создал семью со своей землячкой Галиной; они воспитали детей – Елену и Романа, очень близких мне по духу. Эта семья запомнилась мне душевностью, гостеприимством и надежностью.

В 1950 г. братья Игорь и Герасим Гавриловы окончили авиационный приборостроительный техникум и приехали по распределению в г. Каменск-Уральский на завод п/я 33 – завод № 379 МАП (1959–1963 гг.).

Герасим Андрианович женился на своей коллеге по работе Дине Тимофеевне, у них родилась дочь Галина. В 1953 г. семья переехала

к родственникам жены в г. Павловск. Тетья Дина была чутким, дисциплинированным человеком с активной жизненной позицией, а еще очень заботливой и хлебо-сольной. Герасим Андрианович в 1968 г. заочно окончил Ленинградский авиационный институт, до 2016 г. работал на п/я 104 – завод № 794 МАП. В 1972 г. их семья переехала в г. Ленинград. Галина окончила НГУ им. П.Ф.Лесгафта, кандидат педагогических наук – человек очень ответственный, рассудительный и гуманный.

Игорь Андрианович, мой папа, остался в г. Каменске-Уральском, в 1961 г. заочно окончил радиофакультет УПИ, с 1963 г. до 1988 г. (выхода на пенсию) работал в Уральском проектно-конструкторском бюро «Деталь», в 1963 г. женился на Елене Александровне, моей маме, потом родились я и мой брат Евгений. Папа был человеком сильным, мудрым, сдержанным, с интересным внутренним миром и большим добрым сердцем, и мы с братом всегда чувствовали его любовь, доброту и защиту. Папа и мама много занимались с нами, и я думаю, что все хорошее, что есть в нас – это от наших родителей, и только со временем начинаешь понимать, как много они для нас значат и как сильно мы их любим...

Из старшего поколения Гавриловых в живых остался только Герасим Андрианович – мудрый,

Андриан Максимович на строительстве нового дома.

Фото к. 1950-х гг.

Архив семьи Гавриловых.

добрый, надежный, отзывчивый, гостеприимный – наш любимый дядя Гаря.

В гости к родственникам папы в Шлиссельбург наша семья ездила часто.

В 1957 г. братья Игорь и Герасим Гавриловы помогли своим родителям построить новый бревенчатый дом в Шлиссельбурге, который до сих пор стоит на берегу Староладожского канала и является любимом местом встреч внуков и правнуков Серафимы Александровны и Андриана Максимовича Гавриловых.

Вид из Шлиссельбурга на крепость Орешек. Фото Романа Гаврилова.

ВОЙНА ЕСТЬ ВОЙНА

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

Геннадий ШЕВАРОВ

г. Екатеринбург

Встречи и разлуки. Города, номера телефонов.

Ничто, ничто не вечно под луной.

Но чем дольше живешь и тянешь журналистскую ляжку, тем с большей неохотой расстаешься со старыми записными книжками, фотографиями, магнитными пленками.

Бесценные торопливые заметки, бесценные кадры.

Как расстаться. Ведь в коробках этих пылятся лица, адреса и голоса героев твоих репортажей, радиоочерков и фильмов. Там, в глуши времени остаются не востребованными истории, приключения, исповеди и случаи из жизни этих исчезающих в тумане лет, но успешных открыться, довериться тебе людей.

Может быть, именно они – последние из могикан...

Дальше тишина... дальше Интернет... в отсутствие сердца.

КАК У НАШИХ У ВОРОТ

Ольга Андреевна Горбунова, пос. Висим:

– Я работала на «Красном Урале», на старании. Потом ой, больна, больна, больна: батюшки, у меня ребят возьмут. Гляжу вечером: до моего сына приехали – давай, Александр Павлович, готовься скорей. Так, я говорю, он не кушал ничего. Ну, давайте, некогда, некогда, на то есть дело. Ну, я заревела, конечно.

На машине приехали, посадили, потом я села, поехали, так куда? В Тагил сразу. Так он кушать ведь хочет. Накормят там его. Я заревела: да что за война. А сын говорит: я и так написал заявление, чтобы меня взяли безо

всякого добровольцем. Так я проводила.

Значит, война идет, идет. Живы – нет, живы – нет. Стала ворожить: что-то падает не баско. А в марте, 16-го получаю похоронную: «Ваш сын погиб на Калининском фронте». Ладно. Идет – через полтора года – второй поспел. Этого провожаю...

А в сорок пятом уже... говорят: иди, тебя в поселковый вызывают. Я пришла – мне вручают... вот тебе от второго сына похоронная. Я пала с этой бумажкой на пол. Вот, говорю, я как теперь жить-то буду. Мне тяжело жить будет. Детей нету, нет и нет, нет и нет, и не стало больше. Все. Все плакала сперва, а сейчас уж ничего: война на то. Надо защищать родину-то. (Поет).

«Как у наших у ворот,
Ай, люли у ворот,
Стоит озеро воды,
Ай, люли да воды...»

Вот так и живу помаленечку... Много живу, много работы переробила всякой. На железной дороге бригадиром работала, дорогу проходили. А никто ничего не делает, больно прячутся да все. Я их стала увещевать: давайте, девчата, ведь это все наше, давайте, девчата, рубить...

Еще до войны на старании работала. Нету откатчиков – давай пошлем Горбунову, айда Горбунова, беги. Забои-то низкие. Катишь и спину шоркаешь. Спину царапает – низко, тяжело катить-то, а катишь – надо поднимать ведь детей-то.

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Фелицата Васильевна Шарунова, Нижний Тагил:

– Без чего не может страна обойтись – без металла. Как раз было обращение к женщинам: овладевать мужскими профессиями. А чего бояться? – я подумала... Прикинула все, выдержу. И пошла работать в доменный цех.

Война началась – я из подручных стала старшим горновым... Нам поручили задание боевое: освоить чугуны в наших домнах для танковой брони. И мы его освоили.

Восьмого марта это как раз случилось. Пробило летку, на меня брызнуло. Кипящий металл, огненный.

Мне надо было бросить да убежать, а я кричу: «Давай сигнал». Это означает: дутье сбавьте. И еще хочу задержать. А она как брызнет, и все на мне вспыхнуло. Я кричу: подводите машину – перекрыть летку. А сама побежала в бассейн тушиться, тут грязная вода отстаивалась.

Ко мне с паровоза составитель бежит, кричит: «Фаина, Фаина...», и брезент раскрыл, хочет закрыть меня. А я думаю, он еще далеко – я же горю вся – рукой махнула, и сама в воду. И сколько я могла в этот момент передумать, что буду есть, чтобы скорей поправиться, не буду стонать...

Из бассейна я, когда потушилась, хочу вылезти... мне тут помогли ребята, подбежали вытаскивать, и спрашиваю: как там домна? Вижу, зарева-то уже нету, значит перехватили.

В красный уголок меня повели, я снимаю все, а сама думаю: здесь первой степени ожог, здесь третьей. Ничего, я жить буду. Карточка хлебные подружке отдала.

Повезли меня в здравпункт.

Все были в клубе, там произошло собрание торжественное, а я обожглась.

В здравпункте сидит женщина – у нее палец оборванный. Я говорю: как это вы неосторожно, ведь вам больно. Она: а вам не больно? Я говорю: я терплю. А сестра дежурила молоденькая – первые дни работает – не знает, с чего начать. Я говорю: ей сначала забинтуйте женщине руку, потом мной займитесь.

«Ну как это, такая площадь обожжена». Я говорю: у вас таз

есть? Марганец есть? – Есть. – Разводите.

А тут из клуба Вера Ефимовна Шкляр приехала, хирург. И секретарь партийный... обсуждают, куда меня положить. Я прошусь: вы меня поближе к заводу...

Ну, это длинная история. У меня рука-то была так привязана, это так, нога тоже... Я рвала все, чтобы пойти работать... Инвалидность мне не надо, и не взяла ее.

СКВОЗЬ СОН

Алексей Яковлевич и Тамара Александровна Шальных, Свердловск:

– ...Я думал, не моей рукой... сомневался. Оказывается, моей рукой написаны...

Да он свой почерк не узнал. Мне кажется, он нисколько не изменился у тебя. Не одной что ли мне писал? Сомневался он... (читает еще одно письмо). «Томочка, моя милая и любимая девушка, здравствуй. Сейчас я снова прибыл в свою часть и узнал, что тебе сообщили о моей гибели... Я был увезен с поля боя без памяти, и это длилось трое суток. А затем лишь только я узнал, что я неспособен к речи и глух. И вот в ночь на 18-е сутки я впервые сквозь сон что-то непонятное проговорил, и ко мне подскочили сестры, и я проснулся и, не выдержав, заплакал, ибо мой разговор был непохож на разговор, а больше походил на детское несуразное лепетание...»

«...Дорогая подруга моя Тамара. Только что пришел на батарею... Шли упорные бои. Оказался раненым один из моих офицеров. Не в состоянии двигаться, он попал в руки немцев. Они его сильно мучили, топтали, кололи ножом и штыками, затем облили бензином и подожгли... На следующий день нам все это удалось установить, и весь личный состав поклялся отомстить... Он был москвич с 22-го рождения и у него была любимая, которая ему часто писала письма... Обижалась на него, что он забыл, нашел другую и тому подобное... мол, выйду замуж за какого-то... который живет рядом с ней. Мы написали ей ответ, что можете на своего друга не обижаться, рассказали как он погиб. А

она написала нам, что она дальше не может жить и отравится...»

«...Завтра убываю на передовую, пока живу хорошо... Больше писать нет времени. Как будешь читать, так вспомни меня... Ни минуты не забывающий тебя твой друг...»

А сейчас жизнь, по-моему, такая напряженная, такие нагрузки... Я вот вспоминаю все, что как до войны хорошо жили: весело, никто не ссорился, ни драк тогда не было, ни пьянки никакой. Очень хорошо жили. А после войны вот жизнь изменилась...

Война не прошла просто так... Не прошла... (вздыхает).

МУЗЫКА В ОБЛАКАХ

Борис Федорович Демьянов, морской летчик, Свердловск:

– А мы с Рыбачьего взлетели. Надо найти этот эсминец, его ищут-ищут, никто не может найти. В Норвегии такие фиорды, такие камни, и думаешь: вот стоит эсминец... И вот мы начали искать, по берегу пошли. Нету, нету, нету... И тут эсминец не выдержал сам и выстрелил. Вот он... Вот мы и рванули в облака, «фоккевульф» сзади остались, мы не трогали. Задачу выполнили, разведали... Молния сверкает, дождь идет... как будто мотор разорвало, нет... везет. Вспомнил, когда учили... радиокompас, есть такая стрелка... куда он идет самолет-то, музыка тише, тише. Я опять подвигаюсь сюда. Туда – нет, сюда – надо. Подправишь только и все. На звук как бы летишь... и я вышел на Керчес, радиокompас меня и привел. Облака разорванные такие...

Все друзья у меня... Коля Зимин был ярославский, вот Ваня Куржаков... Серега Белозеров тоже мужик замечательный был... Все погибшие. Там булькнешь и нет. Там хоронить некого. И не знаешь, где пал даже. Я правду говорю...

ЛЕСНОЙ КВАРТАЛ

Александр Иванович Николаев, гор. Верхняя Салда:

Это прозвище такое «Леший»... Высокий худоцавый человек –

спокоен. Глаза колючие и не то, чтобы радушием светились... Голос негромкий:

– Может быть, начать с той зимы, когда с белофиннами воевал в составе лыжного батальона? Обморозился тогда, да не просто – всю жизнь страдаю от этого обморожения.

Или, начать с Отечественной? Оборона Любавы, морская пехота, ранение тяжелое, госпиталь вологодский, снова фронт...

Вот... значит, после войны я работал, всяко работал... Офицер – нас мало осталось – стал на учет здесь... Устроился в этот цех, от металлургического завода. Проработал, наверное, полгода. Потом меня в горисполком, сделали завкультурпросветотделом. Сорок седьмой год. Я там поработал. Потом меня в горком партии – заведующим отделом пропаганды и агитации... (Пауза).

Особенно мне запомнилось, как я боролся с вейсманизмом-морганизмом.

Вейсман-Морган первый неприятель мой был. Я понятия о генетике не имел, но я громил ее. Совершенно серьезно. Как сейчас помню, Лысенко – это наш великий ученый, а Вейсман и Морган – это ублюдки западной науки. Пособники империализма. И вот организовывал всю эту борьбу. Я – организовывал. Этим я занимался. Ну, ладно. Потом, значит, второе – это языкознание. Целый год мы изучали сталинскую работу про языкознание. Языкознание стало самое главное.

Потом меня избрали председателем горисполкома, в пятидесятом году... Все. Я уже мэр! Работаю недолго... Читаю новое партийное постановление... Там написано: всемерно развивать, поддерживать общественное животноводство в колхозах, совхозах, надлежит передать все фонды на фураж, которые городу полагаются для индивидуального сектора, передать совхозам и колхозам... Я думал неделю. Людей послушал. «Да не надо нам никаких сенокосов, мы своих не выкашиваем. Вместо сенокосов вы дайте нам наших мужиков-колхозников, которые у вас на заводе

работают. Верните их домой, у нас некому косить». Ну, и короче ни один председатель не сказал, что нам нужны сенокосы.

А в постановлении ЦК прямо сказано: надо помогать, сенокосы им передать. Вот так. Ну, я пришел, говорю: я в таком виде не могу выполнять постановление. «Как не можешь? Делай, не обсуждай, твое дело маленькое». Я говорю: не буду.

Ну, что. Со мной много разговаривать не стали. На бюро горкома сняли с работы, исключили из партии... (Пауза). Я уехал в Тагил, там у меня знакомый один был по армии. Меня взяли на Вагонку диспетчером.

Потом услышал о строительстве автозавода в Тольятти. Подался туда, решив новую жизнь начать... Да не задалась. Хуже того – там окончательно сломался. В борьбе за справедливость, да... дурак и не лечится (смеется).

А тут как раз в том же городке, где они живут, открыли дорогостоящее кафе с 40-процентной надбавкой. Я давай, значит, вижу такое дело – тут бы надо дешевую рабочую столовую ребятишкам – я давай ходить... требовать. Ходил-ходил... И написал тогда письмо Брежневу с просьбой как-то разобраться с молодежью... пусть организуют труд. Ну и привел там ряд примеров, фактов, понимаете? Стали меня изучать.

«Ты писал?». – Я. «Почему писал, зачем писал... и пошло. «Это ложь, это ложь, это ложь. Будем тебя судить»... (Пауза). До суда дело не дошло. Меня отпустили. Все – на этом дело кончилось.

Соль была в том, что пожаловался на местные власти и написал прямо Брежневу. Выслали комиссию, чтобы разобрат на месте с трудоустройством молодежи и использованием трудовых ресурсов. «Ах, ты жалуешься? Будь здоров». Вот и все.

Я заболел... Приехал сюда...

ДУРАЦКИЙ ПЛАН

Петр Владимирович Евладов, Свердловск:

– 21 июня мы сделали... выпускной вечер, там попили, ну,

тогда вина не пили, всяких там фруктов попили. Ну, пошла ночь. Пошли, там, гулять ребята. Я домой ушел, вот. А на утро, о-ля-ля... по радио: «Война». На утро после выпускного вечера.

И все, и ребята загремели в армию все. Я, кстати был на год меньше всех...

Меня раньше в школу отдавали, мне семнадцать. Еще в конце года будет восемнадцать. Они все восемнадцатилетние, окончили десятый класс... их всех в армию, а мне сидеть еще в десятом классе год.

Вау! Вот такая вот трагедия. Ну, записался я, куда только мог. Из военкомата прогоняли: «Иди не мешай работать. Ну, вот тебе, на... иди, учись на курсы водителей танков». И окончил эти курсы... и получил диплом, что я водитель танка. Но я не строевой из-за почек, плюс я не строевой по пороку сердца врожденному.

Одноклассники все были в армии, все были мобилизованы, мальчики все. Никто не вернулся. Это был... Сорок первый год – это все двадцать третьего года рождения, тот самый «роковой сороковой».

Кончался сорок первый год, кончался. И вот тут застало меня в цехе вот это известие, как дали по мозгам, значит, под Москвой. Это такой был праздник! Все были ведь, как пришибленные, молчат, ни смеха, ничего. И вдруг такая, такая победиле... Боже мой! Так все воспрянули, и все и разговоры, и смех пошел...

...И ё-мое, не передаваемо. Такое событие!

Ну, и все, и начался десятый класс. И вдруг где-то в октябре по школе слух: «Обком комсомола набирает комсомольцев-добровольцев в школу политруков». Я туда, на улицу Пушкинскую, там был обком, вот. Мама меня пошла провожать на следующий день. На улице Пушкинской нас построили и повели... по улице Малышева туда, к этому, значит, к улице Восьмого марта.

Не доходя, этот вот дом здоровенный... Он назывался: «Дом оброны»...

...И где-то, значит, на четвертый день...

...Вдруг кричат: «Курсант Евладов, бегом, к начальнику школы!» Ну, он в том же коридоре. Я бегом, забегаю: «Курсант Евладов в ваше распоряжение прибыл». Щелк каблуками, честь к шапке, уже шапка со звездочкой, все. Сидит за письменным столом мрачный такой военный, бумаги тут перед ним, тут шпалы, четыре шпалы, полковник. Так посмотрел на меня:

– Что же вы, курсант Евладов, решили обманывать командование.

У Евладова, значит, прилипло, язык прилип, значит, к этому месту. Пауза: «Вы же не строевой, вы, что думали, что нам из военкомата ваши документы не придут? Что же вы скрыли то, когда поступали?»

– Так меня товарищ Лыжин не спросил.

– Да вы сами-то не понимаете, что ли, куда идете? Ведь политрук же это должен козлом скакать перед строем. Перед людьми, которые с ног валяются, а вы должны их дух поднимать, развлекать, анекдоты, чтобы смех пошел, а не усталость. Где вы силы возьмете, кто вы такой? Вам лет семнадцать, вы, что... вы в школе, вы из школы убежали.

Я говорю: «Так, у меня отец в армии, сестра в армии...»

...Я – Ворошиловский стрелок полностью, вот значок, взрослый Ворошиловский. Я снайпером могу быть».

– Да вы от физкультуры освобождены.

Я говорю: «Ну, на коньках-то я же катаюсь на катке».

– Ну да, с девочками вы катаетесь под музыку, это понятно.

Уже смягчился.

«Слушайте, – говорит, на вы – Слушайте, – говорит: Петр Владимирович, вы поймите, что для того, чтобы на войне один боец мог полноценно воевать и быть обеспеченным, сколько должны в тылу людей работать, не покладая рук, сколько?»

Я, конечно, не знаю.

«Так вот, от десяти до двадцати человек, – говорит, – вкалывать должны». Я тогда впервые услышал это слово. «Вкалывать долж-

ны». Говорит: «В тылу, чтобы он был обеспечен и мог воевать и побеждать. Так вот ваше-то место, где нестроевых. Кончайте школу... станьте специалистом, инженером или там кем угодно. Обеспечивайте фронт... Все. Кругом!»

Я – кругом.

– Ну и все, шагом марш. Сдайте обмундирование, переоденьтесь.

Я пошел к двери, а вот так вот шкаф стеклянный, и мне видно. Он меня вот так (перекрестил) в спину. Мне-то не видно, а я в стеклоту увидел. Вот такая была у меня военная карьера.

Ну, там в этой каптерке я от шапки звездочку оторвал. Еще боюсь.

Шапку теперь не примет, скажет: «Куда девал?»

Вышел на улицу... снег, вот так вот искристый, морозный такой день, знаешь, вот так на солнышке сияет. А я посмотрел, слезаньки текут.

Я сейчас вынашиваю совершенно дурацкий план – письмо политическим партиям Российским. Фитиль им такой, в смысле, доброжелательный, но фитиль.

Дела-то ведь серьезные, в общем. Война-то идет, война продолжается. Можно назвать уже, значит, Третьей мировой войной. Можно назвать, значит, не кончившейся Второй мировой, только она под ковер ушла.

СЕМЬ КАРТОШЕК

Елизавета Александровна Мельникова, Свердловск:

– Дома жила хорошо. Приберусь, порядок сделаю. Вижу, что разброс, пол немытый там, газ, все промою, кастрюли где какие все прощурую. Вот сделаю чистоту, лягу полежу. В кино схожу. Я недавно посмотрела... название «Непокоренная маркиза».

А первое кино в жизни смотрела, называлось «У камина». А это был художник, он рисовал свои картины. Свою жену нарисовал в полный рост в белом платье, в шляпе. Играла Вера Холодная, артистка. Этот художник уехал в командировку и оставил ей друга – военного. И вот она с ним подружилась и ушла к нему. И вот пока-

зывают, как они играют в снежки. Потом она простыла, потом умирает она, потом...

А вы знаете, было немое, но такое интересное кино, потому что играла скрипка. А скрипка, она так жалостно играла, когда он сидит у камина... скрипка играет, а он вот так... А он такой высокий, стройный, интересный и сидит и плачет. А камин у него горит. И эта песня поется: «Ты сидишь у камина и смотришь с тоской, как печально камин догорает».

А во время войны я жила плохо, потому что мне всегда не хватало хлеба. Вот. Всегда я... карточки были: то я их потеряю, то что-нибудь, то дочка маленькая. Я стою на работе... она устроилась ко мне на работу. Смотрю – подходит ко мне в цех. Я ведь на работе, говорит. А ей 13 лет. Я прихожу, говорю: моя работает Таня? «Давно, с обеда убежала». Я ее опять – «иди» – устраиваю. Три раза устраивала на работу. И все-таки последний раз подошла к этой женщине, которая ее учит, я говорю: «Вы похвалите ее, что она хорошо работает». Ох, она стала работать, и никуда не ушла больше. Потом стала работать и работать, училась – на шлифовку встала... на два станка уже стала работать...

Мужа моего, он шофером работал, убили в сорок пятом. Мне пришло большое длинное письмо парторга с печатью: мы за него отомстим. А я пришла в военкомат, а тут мужчина какой-то сидел и писал. Я говорю: «Вот мне надо что-то насчет пенсии». А он говорит: «Дайте мне это письмо». Я отдала и больше ходила-ходила: его нет. И потеряла этот документ-то. Вот так все прошло у меня, без пенсии осталась. Похоронки даже не было. Только это письмо... А потом один нацмен писал мне, вот так по-нацменски в женском роде: «Я вашего мужа похоронила». Я запомнила это тоже. Он танкистом был...

Родилась-то я в Кронштадте... Отец был моряк.

А море помню, как не помнить? Знаете, мост такой длинный был, и продавали на этом мосту яблоки, потом огурцы, рыбу. Я никогда не забуду. И мы бегали, ребятишки,

около этого моста бегали. И в лодку садились. А мне всего-то было три года, а сестренке пять. И мы палкой доставали все, что там кидали в море-то. Яблоки кинут. А ведь раньше яблоки-то хорошие кидали, сейчас таких нет. И мы раз и палкой достанем, и целый день так... А папка-то работал все время, мамы не было, мне два года было – мамы не было. Мы одни были, вольные...

Из Кронштадта перебрались в Ленинград, жили на Каменном острове. Отец руку испортил на фабрике, стал дворником... Отец-то дежурит, когда уйдет. Я наведу подружек-то. Они поют, и я с ними пою... девчонки одни сидели и пели. Все так радовались. Вот я и говорю: хоть плохо жили, а как-то весело было... Соберутся вечером да и поют... «Где эти лунные ночи, где это пел соловей, где эти карие очи, кто их ласкает теперь?»

А для фронта делали патроны... я на пайке была... Вот такие были коробки. Лист бумаги макала в битум, а потом завертывали в ящик, и возчик увозил от меня. У нас во дворе был паровоз, и мы вместе с военными грузили. Военный идет, покраснеет – несет ящик, а ведь свинец тяжелый. Несем, я в сорок лет несла, а они все-таки молодые бойцы, здоровей нас, он на плечо поставит и хоть бы хны. А уж паек-то с утра съела, его куда нельзя положить – везде его скушают. Я съем весь, да и кожу целый день. А потом 16 часов отработаешь, оставляют на два часа партию грузить. Вот про что толкую. Вот.

Нет, не качало меня. Мы ходили все как будто так и надо. Суп ели один раз в столовой. Лошадь одна была во дворе, три бабы запрягались: две там, одна отсюда сзади и продукцию – длинные железяки – на склад и со склада в цех, а там рубили станки на патроны-то, а там сверлили, порох насыпали и все... Моя дочь насыпала.

Вот я один раз нашла семь картошек, на территории где-то их выростили. Семь картошек. Я принесла их в кочегарку – говорю, мне надо картошки испечь. Работница сидит в кочегарке и плачет: я не ела два дня, не ела, дай мне кар-

тошку». Я ей дала. Пришла в цех, там тоже женщина плачет: дай картошку – я ей дала. Дочке – две и себе две унесла, и все картошки-то у меня разошлись. Вот как было, дорого все это было...

В молодости я всегда спокойная была. Мне даже муж говорил: «Будь такой, как прежде».

«Будь такой, как прежде». Перед уходом на войну мне сказал.

СЛАДКОЕ И ГОРЬКОЕ

Зинаида Федоровна Зуева, рабочий поселок Билимбай:

– У нас в Билимбае был завод чугунолитейный. У меня папа на нем даже работал... под домной. Чугун они плавляли, а потом этот чугун отправляли на барках по Чусовой по реке, куда-то сплавляли, железной дороги не было. И вот барки у нас здесь строили (такие мосты ли, плоты ли – не знаю, как их назвать, ну, барки называли). Приходили к нам с низовья... батями мы их называли – лоцманы. Лоцманы, которые знали, как по Чусовой проходить безопаснее, провозить этот чугун. Вот там у нас была пристань, на пристани пушки стреляют, весело было, лавешки всякие торгуют...

Вот мы танцевали, у нас правленский сад был, теперь все крапивою заросло. Вот в этом саду танцевальная площадка была, мы ходили туда на танцы... «Дунайские волны», «На сопках Манчжурии»... Тут лодки у нас были у берега, брали – катались, всегда так весело духовой оркестр играл в саду.

Папа здесь жил, а мама жила по улице Ленина, вот тут недалеко... Маленькие были, с горки маму-то катал, лет по пять им было. Он домой пришел, да и говорит: «Мама, я невесту катал, Польку Лебедеву». Ее и стали с тех пор звать «Федюшкина невеста, Федюшкина невеста». Вот он когда подрос, стали маму-то сватать, ей семнадцать и ему семнадцатый, он не женится, она не идет. Их силой стащили, поженили, обвенчали старики – и все. Они хорошо с папкой жили, никогда не ссорились.

У нас папа никогда, никак-никак не ругался. У него самое было

ругательское слово, если он сердится, повесой назовет. Лошадь там или кого: ну, повеса! Это уж он так осердился. Выше некуда. Маму тоже он никогда не ругал. Мама всегда говорила: «Вам бы моя судьба досталась, как бы вы, девки, так же прожили, как я». Она сама скромная была...

Молодежи и сейчас много в Билимбае, но только все несоюзливые какие-то. Поглядишь на них, вроде идут муж с женой, молодые. И вот которые идут хорошо, прямо сердце радуется со стороны глядеть на них: друженько идут, разговаривают, так мило на них и посмотреть. А другие: гав-гав-гав. Да это что такое, это что за жизнь. Нет, не нравится мне такое, как это так жить? Сейчас свадьбы-то какие-то смешные. Зачем они пузыри-то вешают? Поедут регистрироваться, надуют на машине этих разных пузырей. Вот какое украшение. А пузырь лопнул, и они разлетелись в разные стороны. Пожили недельку и разлетелись. А раньше как. Вышел – живи. Горько, сладко – живи-терпи. Все твое. Сладкое твое и горькое твое... (Поет).

«Ах, зачем эта ночь так была хороша. Не болела бы грудь, не страдала душа. Полюбил я ее, полюбил горячо, а она на любовь смотрит так холодно. Знать, понравился ей моей жизни конец, и с постылым назло мне пошла под венец... И решил в ту же ночь жизнь покончить свою, вышел на берег я – небосвод голубой. Любовался, стоял я над быстрой рекой. Волга в волны свои молодца приняла...»

Вот и все, вся и песня.

А во время войны мужиков совсем почти не было, одни старики. Голодно было, так не нам одним. Все переживали. Мы хоть страха не видели. А люди, которые эвакуированные приезжали, сколько там навидались. Ребятишки-то... вот начнут взрывать у нас чего-нибудь в карьере – они как закричат: мама, бомбят, бомбят. Они думают: бомбежка началась, боялись. А мы хоть этого здесь не видали. Было и холодно, и голодно, дров не было, да чего сделаешь, сырьем топили – шипят только, и все.

Не мы одни переживали, все переживали. У меня ребяташки-то немного подросли: Геннадия было 12 лет, Мише было 10 лет, и они сразу пошли на шлаковатную работу: там парашюты клеили, в церкви у нас, где клуб теперь. Да голодные-то, да по 16 часов они стоят. Да как падут на полога-то, так и спят-то... Один раз случился пожар, шелк да клей – все воспламеняющееся, у них там все и загорелось. А ребяташки там спят, их разбудить-то не могут. Рабочая сила все вот такая. Да голодные-то они все спят на пологах, что делать. Ладно, а по трассе ни машины не ходили, ни кони не ходили, не было ничего. Вытаскивайте их на пологах-то на улицу. Сперва рабочую силу на пологах вытаскивали, потом тушить начали. Вот какие рабочие были. Бывало, бужу-бужу и зареву... (плачет). «Вставайте, ребята, мои матушки». Мама, о-ооо... Да если бы отец дома был, может быть, ребята не мучились бы не работали... идите, родные, идите. Уговорю. Встанут да опять пойдут. Всяко было, не всегда хорошо было. Злому татарину не пожелаю такого добра, как нам досталось. Их трое да двое у меня стариков. Надо всех накормить...

(Поет): «Если ночь была спокойна, солнце весело взойдет. А если не взойдет в тумане, ветер дунул – дождь пойдет. В сад гулять не выйдет няня и дитя не поведет...»

У КОЛОДЦА

Красноармеец Ковров, случайный попутчик, станция Агрыз:

– Ну, я лично про себя скажу. У меня была куриная слепота, есть такая болезнь. Как только солнце село, уже человек не видит. Она у меня долго была. Я и в санчасть из-за этой куриной слепоты попал было, да ушел на передний край. Днем-то я могу оборону держать, так рассудил. Там врач был, старший лейтенант, помню как сейчас: «Вы куда, Ковров?» Я говорю: «На передний край, оборону держать, что я буду сидеть у вас». А там болота...

Страшное болото, товарищи, было. Вот так идешь-идешь, а как бухнешься – все! Все здоро-

вье было потеряно у солдат. Днем еще можно костер разжечь и высушиться, а ночью уже не разожжешь, потому что немец бомбил, все время наблюдал с аэростатов. Потери итак большие были у нас... Где? Под Старой Руссой, сорок третий год, И потом нас оттуда перекинули на 2-й Украинский фронт.

Под Кривым Рогом тоже сильные бои были. Там я чуть не пропал.

А случилось так, послали меня в штаб полка. Иду по лощине и вижу: мессер летит. Прямо на меня. Думаю, чего он, неужели гоняться будет. Я – куда? Некуда. Лощина, и все. Смотрю: на меня пикирует. Куда мне? Вижу – колодец. Понимаете, рельса такая и колодец. Я – в этот колодец. Вот так руками-то поймался, а он как налетел: тук-тук-тук-тук. Пуль несколько в рельсу попали, они рикошетом ушли в сторону. Я только боялся, чтоб пальцы не стукнуло, а то упадешь, и все – без вести пропал. И в жизни никто бы не нашел меня там. Может быть, когда-нибудь... Ну, ладно, он ушел из пике, я вылез, значит, и вроде побежал. Он второй заход делает, опять на меня. Ну, куда деваться? Я вертаюсь, раз в колодец! Вот так было, товарищи... В колодец. Ну, тогда уже сел у колодца и жду, пока он уйдет, пока горячего не будет у него. И азарт кончится.

(Смеется): Скажете, войну у колодца просидел...

Воевал я, как все. Уж потом, после войны узнал: мать моя, оказывается, несколько писем получила благодарных от командования: благодарим тебя, Евдокия Петровна, за хорошее воспитание, пятое-десятое. Таких писем много приходило солдатским матерям, даже посылки приходили. В сорок четвертом мама моя посылку получила из армии: пять килограммов сахара. Кто жил в войну на Урале – знают: пить чай с сахаром – редкость небывалая. Так мать соседей всех на этот чай звала.

Вот война заканчивается, нас на Забайкальский теперь фронт перебрасывают. Даю телеграмму домой с Москвы, мол, проезжаю

мимо на восток. Точнее как укажешь.

И вот моя мама приезжает из деревни на станцию, сидит трое суток на чемодане, чтобы меня не пропустить. А солдаты – все солдаты. Все одинаковые, друг на друга походят.

Ждала трое суток, а встреча у нас пяти минут, наверное, не заняла. Я ее увидел. Ну, мать есть мать. Упала в обморок, я ее поймал, успел подскочить. Тут люди собрались. Все рады за меня, что мать встретил...

Ну, и пять минут, уже команда: по эшелонам. Дисциплина есть дисциплина. Попрощались, и я уехал опять воевать. С войны – на войну.

А мать... какое сердце у матери, а?

ОБРУБОЧЕК

Вера Васильевна Попова, Свердловск:

– Невьянский переулочек знаете?.. Вот здесь был детский садик во время войны. Дети железнодорожников. С трех лет и до семи. Война для ребяташек сначала была как что-то новое и интересное.

В войну играли, а потом надоело – не стали играть. Особенно после стихотворения «Пугало огородное», где все отказались изображать Гитлера. И даже, когда они... Кот там вышел и сказал: никогда я больше не вернусь сюда. Собака обиделась. В общем, все ушли, и они решили, что будет пугало огородное – ему все равно. Все ближе, говорит, цель, «все уже круг, но пугало сбежало вдруг. И закричало на ходу: бандитом стать я не могу...» Ну, вот, они и перестали у меня играть в войну...

Помню один паренек наш, как-то там, разобьет нос, упадет. Я холодный снежок положу, говорю: лежи будто раненый, пройдет – на фронте хуже. И это магические слова были: фронт, таран... Жили впроголодь, но дружно. Да, и потом они друг другу: давай, не плачь, я тебе снежок положу... Так управлялись.

И еще мы в госпиталь ходили... Раненые оживились, угощали де-

тей сахаром. Но когда вышли из госпиталя, то дети засыпали меня вопросами: «Немцы стреляли в наших бойцов все в руки и ноги, чтоб они не могли наступать и стрелять?» Их удивило, что у всех нет то руки, то ноги. Особенно их поразил безрукий слепой – дядя Миша: «А как ест дядя Миша?», «А где у него дом?», «А как он поедет домой?»

А этот на фото... безрукий. Ночью политрук меня вызвал: приходите, Лепухову сделали операцию, он злобствует неимоверно, срывает зубами повязки... Молодой, красивый... у него вот этой нет кисти, а здесь тоже нет. Ему сделали операцию. Щупальца такие, знаете, чтобы папиросу можно было... Красивый мужчина, белорус был. И он злобствовал: зачем мне жить? А в операционной одного оставили – он уже скинул ноги, и к шкафу. И зубами открывает шкаф. Прибежала няня: Лепухов буйствует!

А он хотел найти какую-нибудь дрянь выпить и отравиться.

Я смотрю, а в одной палате с этим Лепуховым... лежит обрубочек на другой-то кровати. Ну, я-то, раз этот злобствует – подошла к обрубочку. Он, значит, то-другое. Приласкала. Говорю: лежите спокойно, теперь будете осваивать протезы. Дала ему какую-то книжку. Теперь к этому подседа. Молчит. Тогда я стала разговаривать с ним. Говорю: «Так молчать и будем, я же усну около вас». Он: «Да, все сейчас с нами нянчитесь, а потом кому мы нужны будем?»

Как кому? Людям. Жизнь есть жизнь. У вас глаза с собой, ноги здоровые, а руки... протезами научитесь... Ладно. В общем, он сердился, а потом и говорит: «Вот выйду я из госпиталя, вы со мной куда-нибудь пойдете? Вас это устроит?» Я отвечаю: «Глядя по тому, куда». Он: «Ну, в театр, предположим». Я говорю: «С удовольствием, и в первую очередь, в музыкальную – это мой любимый театр». Так что вы думаете? Он меня три раза в музыкальную комедию водил.

«Веселую вдову» смотрели. Тогда постановки-то хорошие были. Одни декорации чего стоили.

Потом... Вика-то пела: «Уж я пьяна...» («Перикола»)! И еще третий какой-то.

А первый у нас выход был в филармонию, день, кажется, Красной армии был. Я сначала думаю: ну, Вера Васильевна, держись, будто ты сто тысяч выиграла. Иначе он почувствует фальшь. Ну, я, значит... все мужчины за женщинами ухаживают, а я – за ним. Пояс расстегну – он не может – протезов у него еще не было. На одной руке, кажется, был... да. Все надо было: и причесать, и заправить бары куда положено. Он мне шепчет: «Вера Васильевна, бары уберите». У гимнастеров назад надо убрать бортики-то... все ведь это надо знать, как что к чему. Вот, и хорошо мы, чудесно сходили.

ЧЕРНАЯ ТАРЕЛКА

Неля Владимировна Ефимова, Свердловск:

– Слушайте, Молотов говорит, Молотов говорит. Значит мы: «Господи, Молотов говорит». Подбежали, там динамик, стоим и слушаем... что сегодня в пять часов утра, мы так, ну, не осознали. Вы знаете, даже подружка моя говорит: «Ну, вот теперь за границу будем ездить запросто». Я говорю: «О чем ты говоришь, война!»

«Ну и что, повоюем и все».

Мы с подружкой собирались на концерт Ойстраха. На трамвай залезли, значит, сели и едем. Я ей говорю: «Ну, не знаю, так хочется, так хочется попасть, посмотреть поближе». Она и говорит: «Да что твой Ойстрах, да Ойстрах, да Ойстрах. Сама-то почему не играешь на скрипке?»

Я ей говорю: «Я играю на скрипке, но не так, как Ойстрах». И вдруг поворачивается мужчина и говорит: «Извините, пожалуйста, я вас приглашаю. Сегодня в семь тридцать приходите, пожалуйста, я вас встречу».

Только радио! Я помню, когда принесли эту тарелку в дом, установили, и мы слышали в первый раз: «Говорит Москва». Представляете вот, и каждое утро в шесть утра мы все припадали и слушали, что, чего, как.

Я очень рано узнала, что Левитан в Свердловске, очень вскоре. Я не знаю, может даже, я сейчас не могу вспомнить, когда это произошло... Интеллигентный человек, он такой красивый. Я подбежала и говорю: «А я вас узнала по голосу». Он говорит: «О-о-о!» Так это удивился. И спросил, что я, кем работаю, я собираюсь в Москву вот поехать, учиться и ну, необыкновенный человек.

Ну, я уж не говорю, что этот голос всех нас... завораживал, и мы бегали слушать, потому что, он говорил голосом Сталина. Будто это сам Сталин был для нас.

Я – КИЕВЛЯНКА

Любовь Григорьевна Адамова, Свердловск:

– А я – киевлянка, родилась в Киеве и уезжала из Киева уже под бомбежкой. С эшеленом, который... моя мама сопровождала, потому что это было оборудование Дарницкого комбината шелкового, и мы оттуда ехали сюда в Армию. Но до этого, мы оказались в Сочи накануне войны. Я окончила школу, и мы с мамой отправились в Сочи. Как раз двадцатого июня отправились туда, двадцать второго вышли на Ривьеру, и стоят толпы под репродукторами, и плачут женщины. Так я узнала, что Киев бомбили и, что началась война».

Потом я, уже во время войны, была редактором университетской газеты «Сталинец», так я дежурила ночами в «Уральском рабочем», мы печатали там свою газету. Надо было ждать, выждать время, когда они могут начать печатать нашу многотиражку, и это было обязательно ночью, крысы бегали.

В сорок первом же году сразу уехали на картошку, нас отправили в колхоз, в Красноуральский, кстати, район. Нет, в Красноуральский, в Красноуральский район ездили. Ну, так песни пели на вокзале. Сидели все на чемоданах, пели песни, ехали все как на праздник. Но когда приехали и стали убирать картошку, то наш руководитель, у нас такой был преподаватель истории Юдикис,

он решил, что, пролетел самолет, и что оттуда... спущены были диверсанты. И всех мальчиков, всех наших мужчин собрал в команду и пошли искать диверсантов.

Вот так все переমেжалось. Понимаете? То есть мы жили мирной жизнью, но война была очень близко.

Когда умер Сталин, я ревела. Я свое единственное черное платье разрежала на ленты траурные. Мне очень посчастливилось, у меня был замечательный муж. И когда умер Сталин, он надо мной смеялся...

Я стояла, рыдала под репродуктором, а он смеялся. Он понимал все, что произошло, что это значит и что это было. И как-то до этого не было вот такого как-то повода все это оценить по-настоящему. Да и возможности не было. Хотя он пытался и радио слушать во время войны. Он был очень образованный, очень дальновидный человек. Площадь была вся запружена людьми, снег еще лежал...

...На площади 9 мая. И сидели под репродукторами, ждали объявления о победе... А потом мы возвращались уже после университетского праздника, возвращались под утро... Пустая площадь, из репродуктора песня: «Соловьи, соловьи не тревожьте солдат». Это было на утро после 9 мая.

В ТЫЛУ

Галина Ивановна Попова, Свердловск:

– Ну, что представлял из себя тогда Свердловск?..

Очень было строгое затемнение, все окна были завешаны, освещения никакого. Мы когда возвращались из школы, уроки готовили при коптилках.

Мамин отец, дедушка мой, он жил в Камышине, это Волга. И когда начались вот эти сталинградские уже наступления, он оттуда кое-как выбрался. На каком-то пароме, на каком-то, я уж не знаю, транспорте, он добрался до нас, это был сорок второй год, или сорок третий, сорок второй, по-моему. Он приехал очень плохо одетый, конечно не предполагал таких морозов, которые у нас. У нас, видимо, тоже, я не знаю, не

было возможности как-то его особенно утеплить.

В общем, я помню, он тоже стоял за хлебом где-то в очереди, простудился и прожил у нас очень мало, по-моему, недели две, три, и он скончался от воспаления легких.

А учительница по географии она засыпала буквально на уроке. Видимо, такая дистрофия была. Мы, конечно, уже тут баловались. И у нас тут стоял какой-то скелет, мы его наряжали. Вот, она просто засыпала на уроке.

ГРУСТЬ

Галина Петровна Кузнецова, Свердловск:

– Дров-то не было, приходилось нам дрова валить прямо с корню.

Мама вот с нами соберется и ночью, причем ночью, это чтобы никто не видел. Мы шли в лес, рубили это дерево, на себе все таскали, распиливали его.

Основное лекарство было – рыбий жир... на карточки и муку давали. Муку мы получим и на рыбьем жиру мы эти пончики жарили. Вкусно, в то время было очень вкусно. И мы вот за счет рыбьего жира все и выжили.

Жениха-то, мальчика моего убили. Как раз его в начале сорок пятого года. Ушел и все, и не вернулся. Так что все, все проходящее такое. И пели, и любили. Грустить все время тоже... Надо что-то и другое иметь.

Мы театр не забывали. Оперный театр для нас был самый Первый театр. Мы ходили в оперный театр, почти все оперы и балеты смотрели.

СОСЕДКА МАРУСЯ

Любовь Григорьевна Попова, Свердловск:

– А у нас был дворовый театр...

«...Кто-то к сливкам подобрался.

Котик, ты не виноват?

Ты, наверно бы сознался, подойди-ка, плохо, брат.

Морда в чем твоя, плутишка?

Что глядишь по сторонам?

Уличили, ах, воришка.

Не ждала я, просто срам».

При этом я не выговаривала ни одну шипящую и букву «р»

...Пленные немцы... Они же везде были запущены в работу... Что делал тот пленный немец, который прижился к нашему двору, я не знаю, он очень любил одинокую нашу соседку Марусю. И когда у него был перерыв, он приходил, он сидел и у него иногда слезы текли из глаз.

Война есть война. А когда она закончилась, ой это что-то невероятное было.

Все плакали и радовались одновременно. И дети плакали почему-то.

НАШ ДВОР

Лариса Алексеевна Сосновская, Свердловск:

– Значит, руки мыть. Мыла не было, а были такие маленькие бумажечки. Они как бы намыленные чем-то. И вот, придешь с улицы, мама вот эту бумажку даст, только вот так подставишь под воду, и уже она не мылится.

Здесь вот у нас стояли скамеечки, и вот мы соберемся, выходили с песенниками, особенно летом. Значит, выйдем с этими песенниками, усядемся все тут и начинаем петь. И нам очень нравилось, когда соседи выглядывали из окон, слушали нас.

Из подвижных игр, это конечно пряталки, это разбойники, вот соседний дом, оттуда приходили ребяташки, с ними играли. И в то время тоже, сейчас это совершенно исчезло, девочки мы прыгали на доске. Вот я не знаю, в ваше время это было или нет? Бревно обычное и доска.

БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО

Наталья Константиновна Дзюба, Свердловск:

– Мой отец, Константин Васильевич, он великолепно свистел, (напевает «Брызги шампанского») танго там, все мелодии, которые на слуху были, он свистел. Ничего не записано, все потеряно.

Папу на фронт взяли, вы знаете как, не в сорок первом, его же подозревали в чем-то... Солдат на передовой, окончивший пединсти-

тут. Ну, тогда так делалось, еще честь оказана была, что взяли. Связистом он был на фронте, связистом. То есть, он шел в первых рядах, связь же налаживается в начале, а потом... Хлебнул всего.

Сталин-то что, Сталин только допустил такое безобразие повсеместное...

...А люди есть люди. Люди сводили счеты друг с другом. Отца тогда назначили, вы знаете, вот я сейчас точно не скажу, во всяком случае, из учителя, из рядового учителя, его куда-то повысили, повысили куда-то. Ну и что, кому-то это не понравилось. И все, и он – японский шпион, и все на свете...

Там-да-дам, там-да-дам, уже чувствуете, что... (напевает «Прощание славянки»)

А что тут 9 мая, у меня день рождения 8 мая, я родилась в День Победы.

ПЕЧЬ

Валентин Гаврилович Терехин, бригадир Первоуральского новотрубного завода:

– Фронтальная бригада у меня была из девчат да мальцов 15–16 лет. По двенадцать через двенадцать работали. Тяжеленько, устают. Любую возможность, особенно ночью, используют, чтобы прикорнуть в тепле где-нибудь.

Прихожу в столовую как-то следом за бригадой, а они уже уйти успели, долго ли баланду съесть. Суп такой был: лапшинка за лапшинкой.

Вернулся – нету их, весь участок обегал, все закоулки. Куда могли деться?

У меня их семнадцать человек.

А перед этим я дал задание слесарю-газовщику поставить печь для термообработки баллонов на газ. Слесарь этот подошел, спрашивает: «Ну, что, Валентин, зажигать?» Я говорю: «Давай, сейчас же ставь, время теряем». Он и пошел к печи, факел приготовил.

Меня как стукнуло. «Стой, – я ему кричу, – стой!» Забегаю вперед, заглянул в печь – она с огромным подом, метров двадцать длинной. Они все там вповалку спят, в печи-то... А ну-ко он бы зажег горелки. Я ... меня аж... с полчаса я

не мог даже работать, стою и меня вот так трясет. Не помня себя, заскочил в эту печь, их всех расшвырял, раскидал. Они бегом вылезают... (Смеется сквозь слезы)... в саже все.

Им холодно стало ночью, они и забралась в печку, там хорошо, температура градусов двадцать пять, наверное. Все враз и уснули, в четыре утра это было как раз...

В феврале сорок второго.

ИСПЫТАТЕЛИ ТАНКОВ

Николай Николаевич Мальков и Иван Васильевич Головин, Сталинград-Свердловск:

– Сто километров – сменная норма испытателя танка. 50 километров заводского пробега. И 50 километров – пробега военпредовского. Гарантия заводская и гарантия военная.

Сроки отгрузки были совершенно железными. Их никто не имел права перенести, никто не имел права сорвать. Танки с Уралмаша уходили полностью готовыми к бою: укомплектованы экипажами, боеприпасами, заправлены горючим. За несколько часов до начала отгрузки на заводских путях уже стоял наготове паровоз. Причем, шли эти составы с курьерской скоростью, всего за двадцать четыре часа преодолевая расстояние до Москвы. А там ждал уже другой паровоз, стоял под парами...

Водитель-испытатель закреплялся за машиной с момента ее сборки.

Это был адский труд. Встречным потоком ветра сильно охлаждало запястья, ведь руки всегда были на рычагах управления. На запястьях, на шее водителя нередко появлялись фурункулы. Однако, несмотря на мучительную боль, испытатели оставались в строю. Приходилось силой отправлять их на лечение, на отдых.

– Зайдешь, бывало, в цех. Холодно, вентиляции нет, а прокрутка моторам все равно нужна. Дым столбом стоит, рядом человека не видишь. Работали женщины – на комплектовке. А у нас, испытателей, в помощниках подростки были, лет по 15–16, эвакуиро-

ванные из Курской, Орловской областей. Кого я помню? Мишку Котова, Сергея Сухорукова... Однажды мне одного вологодского мальчонку, слабенького такого дали в помощники. Все от него отказывались, а я взял, научил. Эх, давай его потом все к себе тянуть, а он: никуда от дяди Вани не пойдешь. А «дяде Ване» самому лет 25 было. Молодые были, но ответственность каждый испытывал – государственную! Зачитывают телеграмму Сталина: «Товарищи уральцы, дайте новые боевые машины, самоходные установки СУ-122 в такие-то сроки». Все рабочие поднялись: «Пока не сдадим машины, из цеха не уйдем». Так и было... Жили, считай, прямо в цехе. Было там помещение одно, постлали сено, брезент растянули, поспишь сколько-нибудь – и снова к машинам. Выполнили задание раньше срока... Так женщины наши подходили целовать эти самоходки, когда отправляли на фронт.

ЗАКУРИМ ПО ОДНОЙ?

Мариэтта Сергеевна Шагинян, Москва:

– Я знаю Урал только в военные годы. Первые два года и половину третьего. Я попала на Урал с группой писателей, которые были агитаторами Совинформбюро. И до того как нам эвакуироваться в сентябре 1941 года, мы провели очень большую работу в Москве.

Мы ехали в вагоне около 18 дней, тащились из Москвы на Урал.

Когда я приехала, Урал делался мне, по сути дела, родным. Потому что, во-первых, я продолжала работу агитатора. Я объездила весь Урал. Я выступала на полевых станах, рудниках, почти на всех крупных предприятиях Свердловска.

И Урал мне еще потому стал родным, что я поехала туда кандидатом партии, а в сорок втором году, осенью, получила партийный билет в Свердловске, в парторганизации, где секретарем был Павел Петрович Бажов.

А работа на Урале дала мне чрезвычайно много. Я познако-

милась с совершенно особым интереснейшим типом рабочего-уральца.

Почувствовала вот эту гибкость крестьянского труда, приспособленного к объективным условиям существования на земле. И твердую сталь – дисциплину настоящего заводского пролетария.

Причем это так обаятельно соединилось в уральских рабочих!

Ну, например, в Нижнем Тагиле Митя Пестов. Митя был экскаваторщиком. Причем он так работал на экскаваторе... Как музыкант! Спрашивают его: «Митя, а ты спичку можешь экскаватором поднять с земли?»

Это было на моих глазах. Машина затанцевала, задвигалась, как гиппопотам или какое-то другое животное, которое, по сути дела, в своей мускульной энергии изящно. И тот ковш... Ах, да! Причем условились, что Митя поднимет спичку левым концом ковшика.

И вот я видела, как он заставил грациозно опуститься этот ковш и левым зубом поднять спичку. Поднес и сказал: «Можете закурить?».

В Свердловске я жила в гостинице «Большой Урал». Причем в этой гостинице моя дочка родила. Внучка там моя появилась на свет. И мы жили – сестра, дочка, внучка и я. В эту комнату нашу проникали вот такие большие крысы, и мы не знали от них спасения. Кошка удирала от них. И вот ночью как-то внучку мою... Мы проснулись и увидели у нее два кровавых пятнышка: крыса укусила. Ей пришлось, маленькой, делать уколы, прививки такие от бешенства... потому что мы боялись.

Но мы были счастливы. Несмотря на то, что жили в ужасных условиях.

ПАПА

Вера Николаевна Иванова, город Сысерть:

– Мой папа – он в молодости учился в музыкальном училище. Был настолько талантлив, что пел неаполитанские песни, и взял себе псевдоним «Чарский». Еще он ремонтировал музыкальные инструменты. Мог, например, из двух

роялей один сделать. Из двух разбитых роялей очень хороший собрать, получался как новый.

В августе месяце тысяча девятьсот сорок первого года он со своим товарищем отправился в военкомат... Молодые парни. Ходили, надоедали-надоедали и, все-таки добились своего: на войну!

На вокзале все вокруг него сгруппировались. Папу все знали, много людей провожало. Когда их погрузили в вагоны, все туда залезли, а папа последний встал на подножку и запел. У него очень сильный был голос, запел «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону»... Вот эту песню все, кто был на вокзале и в вагонах подхватили, и поезд ушел.

...Все-таки, вы знаете, наше поколение, мы... как вам сказать... не считаем, что мы плохо жили в те времена. Учились, работали. Нормально. Война, бедность. Весь мир был бедный, весь мир. Вот у меня приятельница, жена композитора Лаптева... они в те годы послевоенные в Японию с концертами ездили, когда наши там были войска. И рассказывали про японцев: «На них-то ничего не было, вот одни ремки только». Очень бедно тогда японцы жили и очень голодно. Весь мир плохо жил.

МОЛОКО

Геннадий Петрович Шляпников, город Сысерть:

– Войны я не помню, хотя родился я в военные годы, родился я в сорок четвертом году.

Все мое детство связано с послевоенными годами. Но они насколько не лучше были, чем военные времена, поскольку холод, голод... У матери на руках осталось шестеро детей, отца не было, и ей одной, бедной, приходилось нам быть и за отца, и за мать.

Уже потом, когда я уже был практически взрослый, она мне сказала, ну, просто разоткровенничалась и призналась мне, что не хотела она иметь шестого, естественно, меня. Она всячески старалась, чтобы меня не было.

А в те годы, военные годы, больница была на таком уровне, что там, по-моему, гинекологов-то

никаких не было, потому что все женщины работали и рожали ... без отрыва от производства.

И она мне рассказала, что я специально, говорит, попросилась на тяжелую физическую работу. Там надо было... а в военные годы на производстве ни одного мужика – одни женщины. Женщины таскали мешки с мукой, мешки с сахаром. Очень тяжелый изнурительный труд, и вот она, подымая эти мешки, всячески старалась избавиться от меня...

Тем не менее, вот, я родился. Родился прямо после работы, на русской печке, утром. Вечером она пришла с работы, родила, а утром ушла на работу и сказала моей старшей сестре Ленке: «Ленка, ты там посмотри на печке-то, и покорми, вон молоко лежит, из бутылочки». А сама ушла на работу.

А в душе-то она надеялась, что, ну помучается и помрет.

И, тем не менее, всем чертям назло, как говорится, Геннадий Петрович выжил (смеется), выжил.

Конечно, трудности были. Обижали все, обижали братья. Как сами потом старшие братья говорили. Ну, брали на одну из хлебных карточек... молоко, вот именно для меня. Поскольку мать работала и не могла меня грудью кормить... то меня искусственно, значит, дохаживали. А ребята, старшие братья рассказывают: ну, нам же тоже не хватало. Так молоко выпьем, а тебе крошек в тряпку, намочим водой и дадим, и ты сосешь. А чтоб не водиться, привяжем тебя, уже шестимесячный ты ползал, привяжем полотенцем к стене, прибьем на гвоздь, и хоть закричишь, бесполезно.

Так я был с детства уже приучен, что орать – это бесполезно.

ПАРОМНЫЙ КОВЧЕГ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

Наталья ПАЭГЛЕ

«Я и не думаю требовать, чтобы все, которые пишут путешествия, смотрели на предметы с одной точки зрения и описывали оные одинаким образом... Напротив, ожидаю, прошу и даже требую, чтоб каждый смотрел на вещи собственными глазами...»

Иван Пущин «Записки о Пушкине»

Самая большая ценность, которую нам подарил глобальный мир, это – возможность путешествовать. И ничто нас так не обогащает, как путешествие, которое дает пищу для размышлений. Кажется, только для того и подарены нам длинные новогодние каникулы, чтобы выбрать себе маршрут и отправиться в путь. И мы с Вадимом Осиповым его выбрали.

Санкт-Петербург: «Говорят, под Новый год...»

Вечернюю экскурсию с интригующим названием: «Говорят, под Новый год... по местам исполнения желаний», специально для тех, кто хочет увидеть вечерний Санкт-Петербург в новогоднем убранстве, и те его уголки, где можно загадать желание, и оно обязательно исполнится. А желаний всегда у человека гораздо больше, чем возможностей.

Я привыкла в жизни полагаться, прежде всего, на себя саму и заветные желания планомерно выполнять. Но иногда так хочется поверить в счастливый билет. Иногда у меня получается его вытянуть, как в школьные годы поездку в Артек, или издать книгу методом краудфандинга, или... впрочем, все секреты не стоит выдавать.

Зима в этом году в центральной России юродивая. Снега совсем нет. В Питере плюсовая температура. Жмуро. Серо. Но тем ярче, заигрывающе-смешливо перемигивается новогоднее убранство Невского проспекта. Говорят, под Новый год исполняются все желания, а после его наступления? А в предРождественские дни? Все же

велико стремление человека к самообману.

Собирались мы на экскурсию у памятника Екатерины Великой, с которой мы с Вадимом близко подружились, работая над проектом о дворянском роде фон Сиверсов. И памятник этот нами детально изучен и отснят. Все фавориты императрицы, по-прежнему, окружают ее. Вадим купил мне глинтвейн. И, потягивая согревающий и тонизирующий напиток, растекаяющийся восторгом по всему телу, я испытывала радость от очаровывающего меня Петербурга. И предвкушала очередное и бесконечное знакомство с городом.

Наш гид Ярослав, немного блажененький, как и сам этот вечер, в шубе из косматого искусственного меха, с шевелюрой черных, спутанных волос, под стать этой самой шубе, с мерцающим взглядом, явно подходящим для тех самых мест, по которым нас собирался вести. И начал с улицы Правды (я специально уточнила, что газеты), наверное, не с самого волшебного места в Питере. Но горели в темноте фонари, и в их свете мерцали падающие снежинки, которые не долетев до земли, превращались в такие же мерцающие капли, путающиеся в шевелюре нашего гида и повисали на голых ветках деревьев. И в этом мерцании он показал нам стены бывшей церкви святого Александра Невского, теперь Института Кино и Телевидения, на котором проявляются лики святых, которые не смогли зачистить ни время, ни большевики.

И повел нас дальше во двор, где прижилась скульптура маленькой собачки Гаврюши. У Гаврюши,

Фото: Вадим Осипов

как любой волшебной зверюги, есть своя история, но ее оставим для светлого дня, а в загадочном мерцании одного из вечеров новогодья, лучше погладить Гаврюшу по головке, и она, тебе подмигнув, обещает желание исполнить.

Дальше по скверу – скульптура одинокого человека, но ему не хочется быть одиноким, особенно в этот вечер, и Ярослав предлагает найти ключик, которым можно повернуть замок и избавить человека от одиночества. «По природе своей одиночество противоестественно для человека», – говорит Ярослав, – поэтому к каждому одиночеству надо подобрать свой ключик».

Третья скульптура Правды – кинорежиссер. Можно покрутить за его спиной колесо и запустить творческий процесс съемки фильма или загадать творческое желание. Творческое? Это – пожалуйста! Сколько угодно! Нет, разбрасываться нельзя. Лучше сосредоточиться на одном. Итак, итак... колесо кручу. Есть! Загада-

но!

Эти скульптуры на улице Правды привнес XXI век, должен же он был что-то в этот город принести свое.

А вот и странный балкон, на который указывает Ярослав, опоры его увенчаны головами змей. Прежде, по словам гида, на балконе стоял бюст Ленина и это место называли «Ленин среди гадюк». Ну да в контексте Правды и Петербурга в этом есть что-то мифистическое. Но, к счастью, этот город славен не только Лениным и гадюками, здесь есть еще Сфинксы на берегу Невы напротив Академии художеств имени И.Е.Репина. И мы едем к ним. Черная вода Невы бьется о парапет, вычерчивая по контрасту мерцающее ожерелье противоположного берега. И это в начале января!

Потом мы едем к Атлантам, которые на своих плечах держат Эрмитаж. Между первым моим свиданием с Атлантами и этим вечером прошла целая жизнь – моя и Атлантов. Ну и тогда, и теперь я жалела их раздетых на пронизывающем ветру, не забывая и о собственном желании, дотягиваясь до пальца великана, чтобы потереть, на счастье. Я готова потереть и другие места изваяний, но больше ничего не достать. Может быть, и

пальца хватит, чтобы сохранить сегодняшнее счастье?

По узорчатым от новогодних свечений мостам перемещаемся из одной части города – в другую, едем по таким же узорчатым улицам, в какой-то момент мимо особняка княгини Голицыной, той самой пушкинской Пиковой дамы. И тут внезапно пошел густой снег, скрывая своей завесой движущиеся тени в темных окнах старинного дома. Не пытаюсь просить тени поделиться секретом счастливой карты, лучше – быстрее и мимо. Пиковые дамы шуток не любят.

Сквозь его густую серебристость подъезжаем к Михайловскому замку, чтобы снова услышать печальную историю убиенного Павла. Замок скрыт темнотой и снегом, густой снег засыпал Петра на коне и переплел шевелюру нашего гида, с упоением повествующего о необычном памятнике российскому императору.

Здесь я желаний не загадываю, а вспоминаю, что знакома с этой фигурой Петра и Екатерины на площади Островского, и коней на Аничковом мосту, и Медного всадника, и тех же сфинксов с раннего детства. Мне было три года, когда в нашем доме появилась книга «Из бронзы и мрамора» (1965 г.), привезенная мамой из Ленинграда в 1968 году. Толстая, тяжелая, с множеством черно-белых иллюстраций ленинградской скульптуры и памятников на мелованной бумаге. Помню, как манила меня эта книга. Еще не умея читать, я бесконечно ее перелистывала, рассматривая фрагменты скульптур, а научившись складывать буквы в слова и слова в предложения, читала имена авторов: Коненков, Мартос, Растрелли, Козловский... И так хотела увидеть все эти скульптуры наяву, что казалось мне тогда недостижимой мечтой. Книжка, потерянная и залистанная мною, до сих пор хранится у нас дома.

Снег сыпал и мерцал в новогоднем свечении. Для этого вечера желаний хватит, решила я и пошла к автобусу.

Хельсинки: привет от розового олененка

Из всей Финляндии раньше мы были только в приграничном Лаппеенранта. До Хельсинки ехать

почти всю ночь. Наш гид Татьяна – женщина с острыми и жесткими чертами лица, профи. У нее весь тур разложен по полочкам, что облегчает жизнь нам. Утром при подъезде к Хельсинки рассказывает о Финляндии.

Хельсинки скуп на эмоции. Аскетичен, лаконичен, закрыт от пристального взгляда, бесцеремонно разглядывающего его. В современной архитектуре преобладает минимализм. Поэтому симпатичнее исторический центр с Сенатской площадью и Николаевским собором, перед которым финны поставили памятник российскому императору Александру II.

Мы идем по парку Эспланады в историческом центре, где под новогодними сетками гирлянд спрятаны кусты роз – зеленых и пышных. Встречаем новогодних оленей без Санты, видимо, временно отбывшего по делам. И занимаем его место в санях. Рядом памятник финскому поэту Йохану Людвигу Рунебергу, сложившему государственный гимн Финляндии. Чувствуется легкий морозец, пасмурно, снега нет, поэтому новогодние украшения выделяют контуры улиц и днем создают праздничный антураж.

Подъезжаем к парку Сибелиуса, где зеленеют туи и камни, покрытые лишайниками, определяют северный ландшафт. В Финляндии много камня. В основном – гранит. Он целыми утесами вписан в городскую архитектуру. И в парке на каменных глыбах поднят орган, вернее его бронзовые трубы, так увенчана память композитора Сибелиуса. Автор памятника скульптор Эйла Хилтунен – подруга жены композитора. Рядом с органом, тоже на каменной скале, портрет композитора в бронзе. Все гармонично, легко и мелодично. Чувствуется отношение женщины, подруги жены. Говорят, что в ветреную погоду, трубы органа звучат, создавая мелодию.

В свободное время, отведенное нам гидом, мы идем на набережную залива, где разбросаны палатки рынка с национальной одеждой – шапками, варежками, шарфами, зачем они нужны такой теплой зимой, когда многие финны ходят просто с непокрытой головой? Продают выделанные олени шкуры, а где же зеленые, запре-

щающие натуральный мех? Много изделий из дерева и керамики, женские украшения и всевозможные сувениры. А вот и глинтвейн. Мы покупаем стакан очень терпкого и горячего напитка, и я наслаждаюсь, зажмурив глаза от внезапно прорезавшегося сквозь тучи солнца. Мы идем по пирсу, летом прибрежная часть залива вся заставлена яхтами с парусами, а сейчас нам остается довольствоваться воспоминанием об этой картине, увиденной несколько лет назад в Лаппеенранта.

У самого пирса кормятся лебеди. Пара белых и рядом с ними особь странного молочно-шоколадного цвета. Можно подумать, что это представитель другого вида и только изгиб шеи птицы не позволяет усомниться в том, что это лебедь. Скорее всего, молодой, с еще не устоявшимся цветом.

В лучах яркого света на противоположном берегу залива возвышается наш паром «Серенада». Нет, внешний вид не передает того масштаба, с чем нам придется встретиться потом.

На самом пирсе тоже палатки. Здесь продают горячую еду. Светловолосая, голубоглазая улыбка девушка предложила нам поесть. Мы не стали привередничать и улыбнулись ей в ответ. Она объяснялась на элементарном английском, задействовав элементарный русский, и со вкусом родной финский. Как-то они с Вадимом поняли друг друга, и я получила из ее рук большую тарелку жареной корюшки, запеченные кольца криля, и овощи на гарнир. Вадим взял картошку с лососем и, обняв по горячей кружке глэга, национального напитка из ягод, мы присели за столик. Солнце светило, финская девушка улыбалась, ветер шалил и проникал в палатку, я ела вкуснейшую в мире корюшку, запивая национальным пряным глинтвейном с миндалем и изюмом – «gl gi», самым популярным напитком в это время, и мечтала, чтобы этот день не кончался.

И он меня услышал. Поднявшись по каменной мостовой снова на Сенатскую площадь, мы зашли в городской музей, где можно бесплатно посмотреть четыре этажа экспозиции. И мы смотрели, не зная языка, смогли представить город, и то, как он со временем менялся. Долго сидели перед

экраном, где шел двухминутный ролик хроники. В 1933 году кинооператор снимает кадры на катке, и толпа мальчишек восьми-двенадцати лет в одинаковых кепках и курточках заглядывает в камеру, смеются и катятся на коньках за снимающим. Четкая черно-белая съемка, смеющиеся лица мальчишек, бодро летящих на коньках. «Сколько им лет? – спрашивает Вадим, – многим десять, значит в сорок первом они будут призывного возраста и пойдут на фронт, и многие будут убиты, как и наши мальчишки их возраста».

И это понимание стирает границы времени и противостоит войне и тому, чтобы убивали мальчишек, мчавшихся на коньках в одинаковых кепках и курточках. Недалеко от вокзала в Хельсинки, напротив театра сейчас тоже залит каток. И также мальчишки и девочки бегут здесь на коньках, все в разных курточках и шапках, и оператором их сегодня не удивишь, ну и пусть, лишь бы не было больше зимней войны и сорок первого года.

На первом этаже музея – зона для игр. Здесь много детей с родителями, у напряженной елки – деревянные кресла-качалки, я сажусь в одно и качаюсь. И мерцает рядом елка с новогодними игрушками, сделанными руками детей. Вадим взял со стола фотоальбом одной из самых известных финских женщин-фотографов конца XIX – начала XX века Сигне Брандер. Документальная очень качественная фотография передает жизнь финнов в быту, в праздники, на улицах и в домах. Вадим восхищается: «Девушки давно уже нет, а запечатленное ею время осталось. Великое искусство фотографии».

Рядом с елкой появилась девочка лет трех, с белыми волосами и голубыми глазами: «Папа, посмотри, какая елка, – обратилась она к отцу, слишком четко для своего возраста, и рассматривая стоящую рядом с елкой розовую фигурку, добавила, – ой, какой маленький олененок, папа, я хочу его погладить». Она погладила, к моему удивлению, олененка, сама бы я ни за что не догадалась, так его назвать, походила вокруг елки, восторженно разглядывая игрушки из дерева и бумаги, и взяв отца за руку, пошла с ним наверх. А у фигуры снова появилась девочка лет трех, со светлыми волосами и

голубыми глазами, она что-то говорила на финском языке, и обращившись к молодому мужчине, тараторила и тараторила. Из всех фраз, сказанных ею, я поняла только «папа» и разобрала «fawn», то есть олененок. Она погладила розовую фигуру и потянула отца вверх к лестнице. Тогда я тоже стала разглядывать розовую фигуру, на самом деле угадывая в нем олененка.

Русская речь звучит часто наравне с финской. Мы купили у русского продавца открытки – копии выпущенных в конце XIX века, и подносик с картой Хельсинки 1952 года, когда здесь проходили летние Олимпийские игры, подносы разных размеров здесь популярны, и мы решили, что один из них гармонично впишется на нашу стену среди тарелок, привезенных из разных стран и городов.

**Паром:
море бушует раз, море бушует два**

Что такое круизный паром? Настоящий плывущий город! Заселение в каюты почти трех тысяч пассажиров идет около часа, и судно представляет собою настоящий Ноев ковчег, каких только народов и национальностей здесь нет! Русский, по-моему, каждый второй. Естественно, финны и шведы, африканцы и сирийцы, немцы и французы. Постоянно рядом с тобой звучит разная речь, и русская чаще других.

Плывущий город со своей инфраструктурой: магазинами, кафе и ресторанами на главной «улице», которая называется Променад; с огромным магазином дьюти-фри палубой ниже; с рестораном-буфетом, где расположен островами шведский стол с рыбой разных сортов, мясом, сырами, колбасами, овощами, фруктами и десертами, где вино льется из крана, где кофе и мороженное можно получить из автомата; на других палубах – бассейн и сауны; казино и азартные игровые автоматы; танцпол и зал с уютными столиками, где, потягивая коктейль, можно слушать группу; живая музыка и на сцене Променада. Все сияет и сверкает на главной улице, создавая настроение праздника, иллюзию роскошной жизни.

Слово «роскошь» приходит на ум, как только вступаешь на

главную палубу парома и естественным образом вместе с ним невыигрышное сравнение с «Титаником». Невольно, однако, приходит.

В каюте первого класса на нашей десятой палубе комфортно и, что очень важно для меня – окно с видом на море. Холодное Балтийское море. Отходим от берега в темноте, в окно ничего не видно, кроме спокойных темных волн, плещущихся далеко внизу. Поэтому идем знакомиться с паромом, его широкими коридорами и лестницами, с прозрачными лифтами, постоянно снующими вверх и вниз, с еще более нарядным Проминадом, когда смотришь на него с высоты, с уютными уголками и мягкими диванами.

Наверное, это и есть главное достояние глобального мира, когда можно людям разных народов плыть вместе на одном корабле и улыбаться друг другу.

Шведский стол я запомню рыбой, нежнейшим и вкуснейшим лососем, свежими креветками и мидиями, кажется, доставленными прямо со дна морского. И белым вином, мерцающим в большом бокале.

После бессонной ночи и хельсинских впечатлений долго не выдерживаем и укладываемся спать, чтобы утром бодро чувствовать себя в Стокгольме. Ночью я проснулась и посмотрела в окно. Видимо, зря. Сквозь крошечную темноту шумело море, шума я слышать не могла, но не было никаких сомнений, что оно шумит. Белые барашки пены стремглав перепрыгивали с одной волны на другую. Они торопились, сердясь и ссорясь, расталкивая друг друга, вскипая холодными брызгами, обрушивались в море и насакивали на борт судна. Я припала к окну, и словно наяву, ощутила ледяные брызги и шум, сплетенный из порывов ветра и потоков воды. Оглядела каюту, с полок ничего не падает, пол не кренится и вообще, никаких признаков непогоды не ощущается. Снова посмотрела в окно, голова закружилась, с высоты десятой палубы море, по-прежнему, бесновалось. Так представлялось мне – сухопутному жителю.

Я ярко представила себе картину кораблекрушения, осознавая, что у меня, не умеющей пла-

вать, шансов на спасение нет. Еще не успела пожалеть о выбранном круизе, стараясь подальше в подсознание закинуть негодные мысли о «Титанике», как проснулся Вадим, и удивился моему бдению у окна. «Там шторм», – обреченно сказала я. Он глянул в окно, подтвердил: «Красиво». Ну что еще можно ждать от поэта? И мудро предложил: «Ложись спать, это – не шторм, а волны, здесь север». Быть может, и правда, волны, успокаивала я себя, вон бутылка с водой даже не дрогнет на тумбочке. И все же картина за окном не давала мне покоя, я вставала, припадала к надежному стеклу, накрепко впаянному в корпус судна, и, словно заколдованная, смотрела вниз. Очевидно было то, что паром замедлил ход и то, что ветер продолжался, и волны бесились. Не помню, как я уснула, утром за окном стоял полный штиль.

Мы вышли на открытую седьмую палубу, чтобы почувствовать настроение северного моря, его влажную свежесть, ветер, теперь не способный разогнать морскую волну, но вполне достаточный, чтобы проникнуть за ворот и под капюшон одежды. Кто-то из экипажа подтвердил, что ночью на море было волнение. А теперь оно было спокойно. Неожиданно Вадим вспомнил, что его дед по отцовской линии служил матросом на линкоре «Полтава» и в марте 1917 года стоял в Балтийском море, недалеко от Гельсингфорса, так шведы называли финскую столицу.

– И вот теперь, спустя более сотни лет, я у этих берегов, – задумчиво сказал Вадим.

Паром шел среди стокгольмского архипелага, насчитывающего 24 000 островов. Утро только занималось. И эти острова, лишённые снега нынешней скупой зимой, светились новогодними огнями елок, и гирлянд, наброшенных на деревья, украсившие крыши и фасады домов. Небо меняло краски от ультрамарина до фиолетового и золотисто-малинового, и новогодние острова на его фоне проплавали мимо парома, словно сказочные видения. От крупных до самых маленьких, где размещаются один-два дома, острова из сплошного камня, омываемые холодной водой, для кого-то являются местом жительства и Родины.

В порт Стокгольма мы пришли ровно по времени. И вновь население огромного Ноева ковчега двинулось на седьмую палубу, теперь с парома. Мы встретили женщин из своей группы, которые тут же нам сообщили: «Ночью был шторм, волны были ужасные, доходили до наших окон на девятой палубе!» «Ну это вы хватанули, – смело подумала я, – у страха глаза велики, – и успокоилась: это было только волнение».

Стокгольм: шведские паруса и Юль Томтен

Оказывается, Стокгольм расположен на 14 островах, соединенных между собой мостами. Наш автобус протискивается по узким улочкам в исторический центр, создается впечатление, что все вокруг создано из камня и воды. У городской ратуши гид рассказывает о викингах, средневековых скандинавских мореходах, которые жили в этих местах, и старались умереть в воде, ибо, только такая смерть считалась достойной. Ратуша, знаменательная тем, что здесь ежегодно проходит банкет нобелевских лауреатов. Сама церемония вручения медали происходит в другом месте, а вот банкет здесь. И королевская семья обязательно при этом присутствует. О традициях нобелевской премии нам рассказывали много. Например, что для церемонии и банкета существует обязательный дресс-код, фрак каждому лауреату обязательно шьет королевский портной, старый еврей. И только Жорес Алферов, российский физик, приехал в Стокгольм со своим фраком, который был представлен портному и одобрен им.

Конечно, о премии и лауреатах можно прочитать в открытых источниках. Но сама близость к ратуше, где был каждый из них, производит впечатление. Еще больше впечатляет то место у кафедрального собора Стокгольма – церкви Святого Николая, расположенной в историческом центре, где каждый год произносит речь лауреат Нобелевской премии по литературе. Академия рассылает ученым по всему миру более 2000 писем с предложением называть лауреатов в разных областях, но только 20 процентов возвращается обратно. Мы знаем одного такого

ученого, который получает письма из Нобелевского комитета, это – Леонид Петрович Быков, доктор филологических наук, профессор УрФУ. Он нам как-то показывал пакет. Вот он всегда отправляет свои предложения комитету.

В кафедральном соборе раньше короновали шведских королей и до сих пор прощаются с национальными героями, такими как писательница Астрид Линдгрэн. Я очень хотела попасть в ее музей, но не получилось. Один день в Стокгольме промчался слишком быстро. И Карлсона не нашла. Оказывается, в Швеции его не любят, дескать, нечего потешаться над мужчиной. А вот кукла Пеппи Длинный чулок продается везде. Ее любят.

Другой любимый в Швеции персонаж книг Астрид Линдгрэн – Юль Томтен, рождественский гном, коллега нашего деда Мороза. Он изображается, как правило, в красном колпачке и много шалит в новогодние дни. Часто в сувенирах Томтен фигурирует вместе со снегурим, который является в Швеции символом Рождества. Вместе и порознь Юль Томтен и снегурка присутствуют на многих сувенирах, на открытках, подносах, салфетках, елочных игрушках. И мы купили такую пару себе на память об этих новогодних днях в Стокгольме.

Стокгольм имеет свой колорит. В дни нашего пребывания здесь было темно от нависших облаков и серого камня, зато в сумерках выигрешно светилась новогодняя иллюминация. Вид у города суровый, поверишь, что с викингами шутки были плохи. В этом краю еще надо было суметь выжить. И сегодня завидный уровень жизни обусловлен рядом причин, например, подоходный налог здесь составляет от 30 до 70 процентов, и в течение 200 лет Швецию не разрушают войны.

После обзорной экскурсии по городу на автобусе мы пошли пешком по историческому центру, где узкие улочки хранят дух столетий. А самая узкая, по которой можно пройти, касаясь плечами соседних домов, была в позапрошлом веке убежищем мужчин от своих жен, куда они не могли протиснуться в пышных креолинах.

На площади у королевского дворца смотрим смену караула,

есть в этом что-то от потешных войск. Да и то сказать, Швеция последние двести лет не участвовала в войнах, и, к счастью, в солдатов только играет.

Потом мы отправились в Музей корабля «Ваза». История которого как раз и уходит в средние века, к монархическому правлению Густава II Адольфа.

Шведский боевой корабль, названный так в честь правящей в то время королевской династии Васа, был построен, как символ королевской мощи, и был спущен на воду летом 1682 года. Однако, отплыв сто метров от берега, опрокинулся и затонул. Это случилось из-за конструктивных ошибок. Вина ватых не нашли, так как все чертежи подписывал лично король, а король виноват быть не может. Корабль подняли только в 1961 году, много лет его реставрировали и сейчас показывают в специально построенном для него музее. И если «Ваза» удивляет как единственный в мире сохранившийся парусный корабль начала XVII века, то музей потрясает современными технологиями, воспроизводящими весь процесс подъема и реконструкции судна, вплоть до восстановления по ДНК и черепам облика погибших членов команды. Мы восхищались гигантским кораблем, на постройку которого только дубов ушла тысяча, но, к сожалению, часа нам не хватило, чтобы все посмотреть.

Я и раньше очень любила разглядывать парусники в бутылках, меня поражало искусство мастера, способного, даже в самой маленькой бутылочке, собрать пинцетом сложнейшую модель судна. И теперь с благоговением стояла у витрин шведских магазинов и лавочек, изобилующих новогодними сувенирами, в том числе корабличками, кажется, бьющими парусами в стекло.

В свободный час мы еще раз, теперь только вдвоем, прошли по улочкам старого города. Все-таки, Стокгольм не похож ни на Амстердам, ни тем более на города Германии. Хотелось постоять у каждого дома, рассмотреть архитектуру, полюбоваться в эти дни просто сказочными витринами. Замерзнув, зашли в кафе, чтобы выпить горячего глэга и съесть по кусочку сладкого пирога. Пахло корицей и кофе, напротив в витринах горели

лампы и свечи. И нас ждал в порту паром «Серенада».

Провоо: за спичками и шоколадом

На обратном пути мы заехали в средневековый городок Провоо, известный тем, что через него проходили «Королевские пути», а в начале XIX века здесь состоялась первая сессия финского правительства, созванная российским императором Александром I. И тем, что Леонид Гайдай снимал здесь фильм «За спичками» с непревзойденным Евгением Леоновым в главной роли.

Гуляя по улочкам старого города, по его мощеным круглыми, гладкими камнями дорогам, словно конфетами из нашего детства, которые так и назывались морскими камушками, хотелось просто дышать влажным воздухом, заглядывать в подсвеченные витрины и снова узнавать поменявшего цвет колпачка Юля Томтена с неизменными снегурками. От площади и старой ратуши спускаемся к реке Порвоонйоки, где вдоль всего берега вытянулись колоритные красные амбары, самая узнаваемая туристическая достопримечательность, и визитная карточка города, где теперь находятся кафе и рестораны. На обратном пути прошли мимо Кафедрального собора Девы Марии, где судя по огням в окне, шла служба, и спустились к кондитерскому магазину шоколадной фабрики «Brunberg», славящейся традиционными рецептами высокого качества. Не могу сказать, что я страстно люблю шоколад, но зайдя в этот магазин, невозможно выйти из него с пустыми руками. Как и невозможно пройти мимо сувенирной лавки, где много авторских изделий, и выбрать что-то одно сложно, потому что нравится все. Но выбираю очередную тарелочку в коллекцию с зимним пейзажем и летящей по небу женщиной с гитарой. Что за сюжет? Быть может взят из национального фольклора или художник просто передал рождественское настроение? Но взяв в руки, расстаться с этой вещицей я уже не смогла, так она соответствовала моему ощущению, сохраненному вновь до ночного мерцающего Санкт-Петербурга.

Новогоднее убранство Невского проспекта

Памятник Петру I у Михайловского замка

Центр Хельсинки

Памятник Йохану Людвигу Рунебергу. Хельсинки

Каток напротив театра. Хельсинки

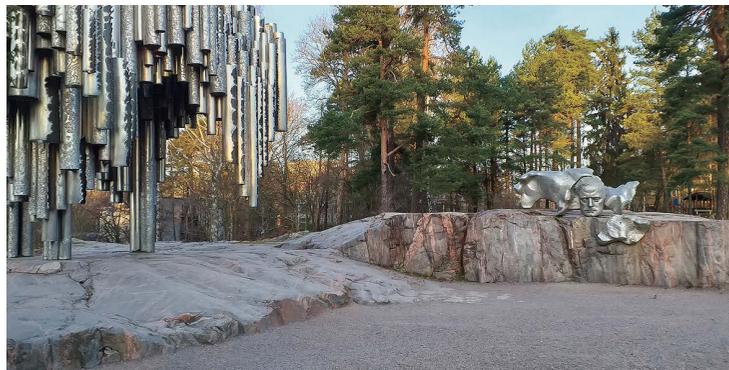
Паром «Серенада»

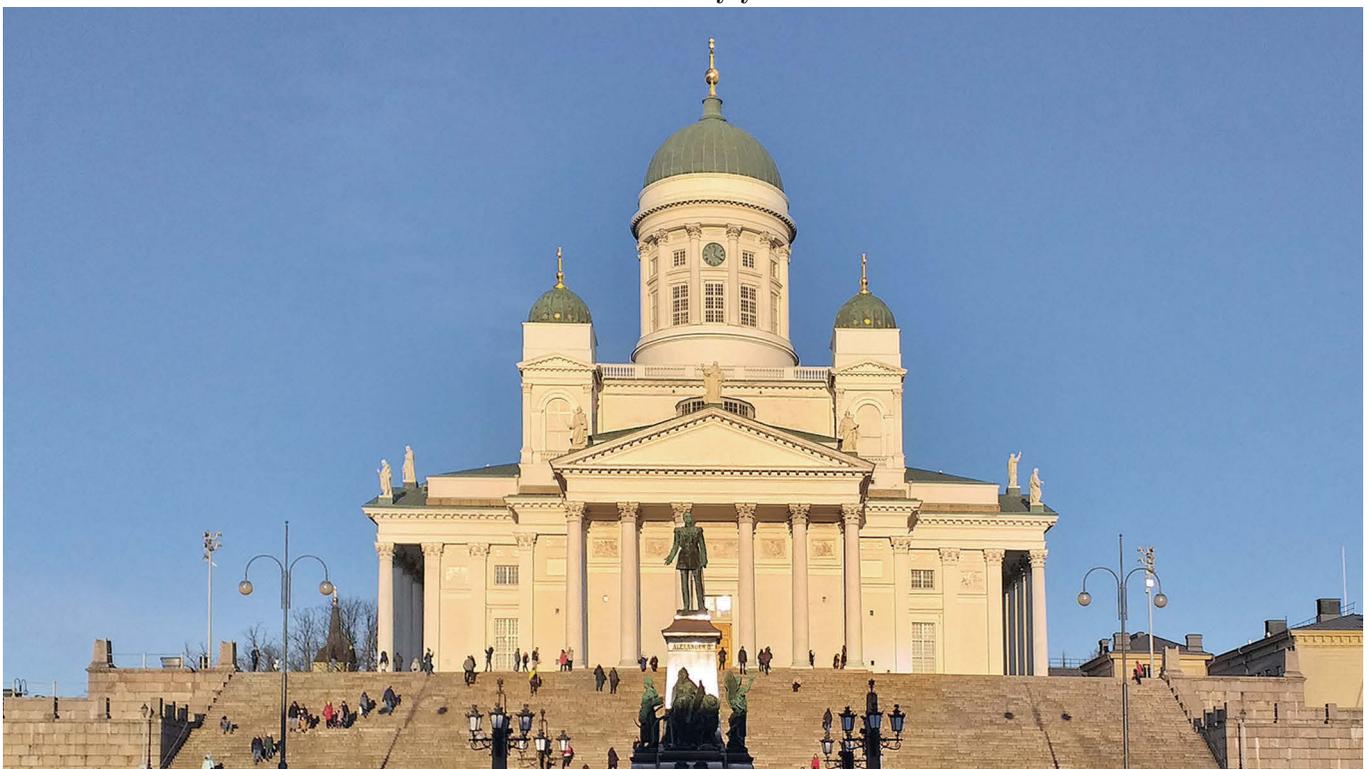
Палуба «Променад» парома

Набережная Хельсинки

Памятник Сибелиусу. Хельсинки

Николаевский собор и памятник Александру II на Сенатской площади. Хельсинки

Одна из площадей
Стокгольма

Ратуша Стокгольма, где проходит банкет Нобелевских лауреатов

Стокгольмский архипелаг

«Паруса
Стокгольма»

Набережная перед ратушей. Стокгольм

Улочки Порвоо.

В ВОЛОГДЕ – ГДЕ...

КОМПОЗИТОР И ОТДЕЛЬНО ВЗЯТЫЙ РОССИЙСКИЙ ГОРОД

Композиторский мемуар

Максим БАСОК

**Композитор,
Заслуженный деятель
искусств РФ, профессор.
Автор многих мемуарных
очерков, опубликованных
в отечественной прессе.
г. Екатеринбург.**

Удивительное дело: скажи кто-нибудь в прошлом, XX веке, насколько близким – да что там! – почти родным станет мне этот старый город на русском Севере в новом, XXI, я, как минимум, был бы зело удивлен. С детства двумя вещественными и вполне прозаическими символами Вологодчины для меня были масло и кружева. Замечу: существование их было абсолютно теоретическим, что ли. Высококачественный съедобный продукт, равно как и исключительно женское украшение заведомо не могли выработать к ним устойчивый интерес хотя бы по причине своего отсутствия в родном городе Свердловске в достопамятные 50–70-е годы прошлого века. В эпоху недолгой моей армейской службы к ним добавился еще один, уже более «художественный» символ. Песня Б.Мокроусова «Вологда», ставшая шлягером в исполнении «Песняров», похоже, раскручивалась также и челябинской группой «Ариэль», один из музыкантов которой служил в одном подразделении со мной.

...А вот чтобы попасть в этот славный город – надо было подружиться с ярким музыкантом и незаурядным человеком Николаем Якуничевым – представителем славного племени хоровых дирижеров. Неоднократно приходилось мне описывать историю нашего творческого знакомства в далеком 1975 году, когда четверокурсник Уральской консерватории (УГК), будущий дирижер Коля взял в работу большой фрагмент моей выпускной оратории «Слушайте звуки века!» Четверть века спустя от Николая Сергеевича – уже многолетнего директора одного из лучших училищ Урало-Сибирского региона, омской «Шебалянки», – последовало приглашение меня туда на выпускные экзамены в качестве Председателя Государственной экзаменационной комиссии (ГЭК). А дальше – он инициировал творческий заказ по созданию хорового сочинения для женского коллектива (а их в то время у него было аж два – училищный хор

и «Музыка для всех») с тем, чтобы акцент там был сделан на тематику русского Севера...

И – стоило мне начать писать музыку (подчеркну: речь принципиально не могла идти о какой-либо материальной заинтересованности: откуда взять средства скромному среднему учебному заведению?), как работа эта сразу стала обретать реальные творческие перспективы. Привожу только факты, которые, не исключено, когда-нибудь привлекут внимание дотошного сибирского краеведа.

За полтора десятилетия нового века (я появился в Омске и достаточно серьезно обосновался здесь в качестве творческой фигуры в 2001: но нужно же время на «раскачку»!) хоровые коллективы спели шесть моих сочинений кантатного жанра. Исполнения четырех из них стали мировыми премьерами, поскольку были написаны специально для хоров, руководимых Н.Якуничевым и его сподвижником пианистом (но отнюдь не только концертмейстером) В.Васильевым. А еще – не считая миниатюр – они же спели два хоровых цикла (один из них также создавался специально для «Музыки для всех»). Вот с него-то, семичастного сочинения для женского хора «Зимние песни» на стихи «знакового» вологодского поэта Николая Рубцова все и начиналось...

...Начиналось-то, собственно, раньше, в июне 2001. Как только выпускники хорового отделения стали показывать свое умение работать с хором (второй раздел Госэкзамена) я – к тому времени весьма опытный председатель ГЭК и не менее опытный композитор – понял, что здесь ожидается какая-то изюминка. Форма экзамена такова, что каждому экзаменуемому необходимо за десять минут показать направление работы с коллективом на материале только что предложенной ему миниатюры. И когда в качестве одного из таких сочинений руководитель хора (Н.С.Якуничев) выбрал раннийopus сидящего рядом экзаменатора-композитора (меня), стало понятно, что

далее надо ждать какого-то интересного продолжения. Ну, не маленькие мы с Н.С. дети, чтобы в такой форме выражать особое уважение старому приятелю. Так, собственно, и произошло. Уже на скромном ужине, посвященном окончанию экзаменов, в ответ на тосты хозяев, направленные в сторону моей скромной персоны, я, как водится, вежливо поблагодарил за внимание к моему творчеству. В ответ, естественно, получил предложение нацеленно поработать для имеющихся коллективов, руководимых Маэстро и директором училища в одном лице. Хотя подобный застольный разговор, как правило, редко выходит на конкретику, я (практический человек) поинтересовался, в каком жанре предпочел бы мой визави представить возможный музыкальный подарок. Н.С. отвечал незамедлительно: скажем, в жанре обработки народной песни, имеющей либо сибирское, либо северное (а именно, вологодское) происхождение. Такой вариант я не исключал, но предполагал, что значительно интереснее было бы написать более развернутое сочинение, пусть и с указанной географической «привязкой». Тем более, что я уже сталкивался в творчестве с поэзией рано ушедшего из жизни яркого поэта-вологжанина Николая Рубцова. Его большую книгу стихов я купил за четверть века до этого в одной из гастрольных поездок с Ансамблем песни и пляски Уральского военного округа, где служил в звании рядового. В начале 80-х написал триптих на стихи Рубцова для смешанного хора. Стало быть, материал был для меня вполне апробирован.

Да, женский хор, конечно, имеет свою специфику. Здесь трудно рассчитывать на массивные «объемы» – как по громкости, так и по диапозону. Зато – налицо заведомый выигрыш в колорите, тонкости, проникновенности звучания. К тому же русская песенность, все же, скорее женская по своей природе. А что до глубоких проблем нравственного свойства, которые отличают рубцовские стихи, то они могут быть воплощены и с помощью принципиально негромкой интонации. Ниже я к этому еще вернусь.

Вот так и начал работу. Концепция хорового цикла у меня сложилась довольно быстро. Ее определило название одного из «знаковых» стихотворений Рубцова – «Зимняя песня». Я давно уже на уровне интуиции почувствовал, что автор – почти исключительно зимний поэт. Ну, или осенний... И не только потому,

что итог его короткой жизни символично подвела рано вырвавшаяся строка: «Я умру в крещенские морозы...», но также из-за заведомо элегического тона большинства его стихов. Как известно теперь, спустя почти полвека после кончины поэта, рок преследует вот уже которое поколение его кровных родственников.

Ну, а для композитора, на мой субъективный взгляд, должно быть привычным делом находить в музыке эквивалент именно лирическому образу. Особенно в тех случаях, когда поэт буквально напрямую говорит с вечностью. Вспомним такие стихи, как «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны», «В горнице моей светло», «Звезда полей»... Кстати, последнее из названных стихотворение, давшее основу финалу моего цикла, и призвано было перевести образный строй в подобную плоскость.

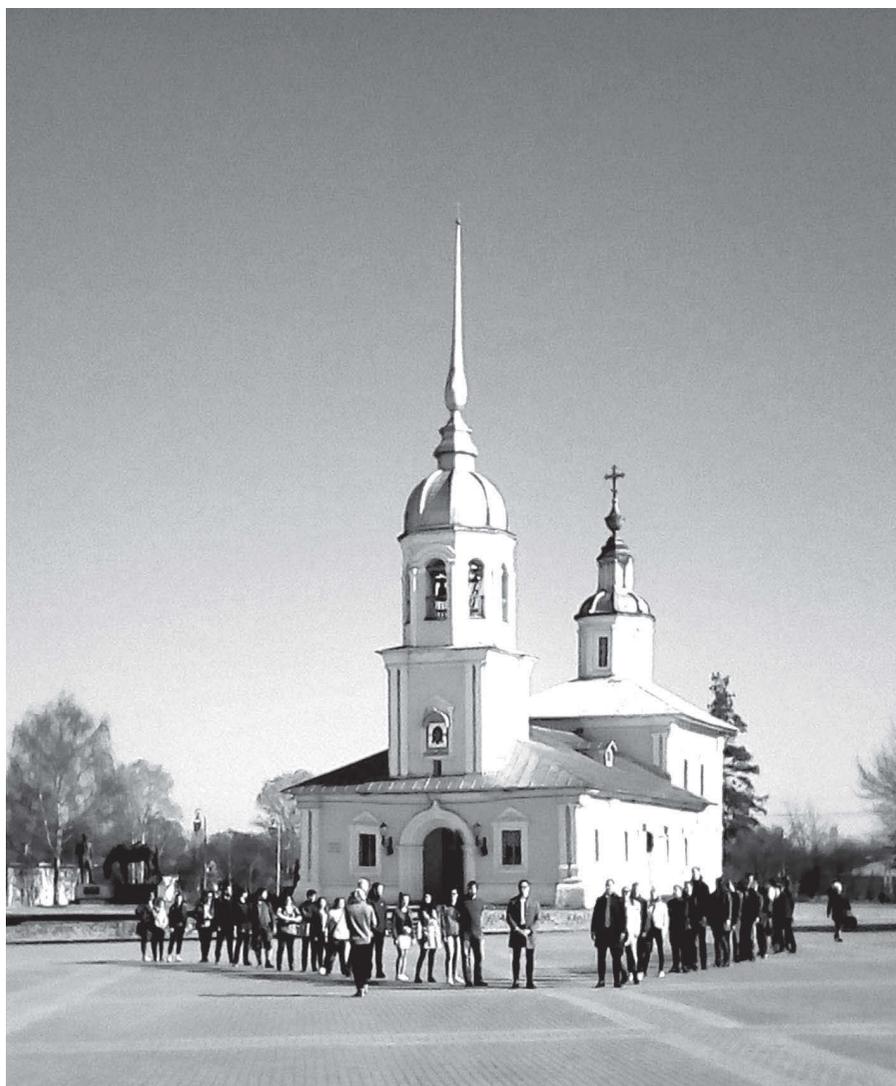
Уже на следующий, 2002 год, опять же, во время моего летнего «председательства» в Шебалинке, я познакомил Колю Якуничева с фрагментами цикла. Предварительно получил «добро», а зимой с нарочным передал в Омск полный нотный материал. Щедрый мой будущий соавтор-дирижер внятно пообещал, что обязательно пригласит меня на премьеру непосредственно в Вологду. Почему – щедрый? А потому, что с некоторых пор (точнее – с начала девятидесятых годов прошлого века) профессиональные композиторы в основной массе стали вынуждены заниматься своим творчеством как любимым хобби. Если ты получаешь удовольствие от сочинения музыки, то вовсе не имеешь права просить у окружающих компенсации за свою работу. Видимо, в этом кроется смысл приравнивания творческих союзов по своему статусу, скажем, к обществу охотников и рыболовов. Так что приглашение автора (как выяснилось позже, еще и в сопровождении супруги!) в другой город на мировую премьеру его сочинения сегодня вполне может рассматриваться как подарок – и весьма не рядовой.

В июне 2003 будущая поездка стала обретать реальные черты. В сентябре хор «Музыка для всех», рано утром сделал остановку в Екатеринбурге, спустя полсуток должен был сесть в поезд до Вологды уже в компании с композитором. То время, которое коллектив коротал в столице Урала, отнюдь не рассматривалось его руководителем как отдых. Более того – сюда вошли и трехчасовая репетиция (когда еще репетировать, как не в поездках?),

и час аудиозаписи «Зимних песен» непосредственно в Концертном зале УГК. Почему бы не воспользоваться возникшей возможностью спонтанно, на глазах (или – ушах) автора познакомить его со свежей дирижерской трактовкой цикла? Последняя, по моему мнению, оказалась настолько убедительной, что целесообразность «закрепить» ее записью сразу после первой репетиции ни у кого из присутствующих не вызвала сомнений. Желаящие могут убедиться в этом, послушав CD хора «Музыка для всех» под названием «Задержиcь, заря!»

Вечер нашего прибытия в Вологду выдался на удивление теплым. Что удивительно: все-таки шел уже сентябрь. С погодой нам очень повезло: так, на одном из выступлений хор пел в легкой концертной форме на пленэре, непосредственно у стен старинного Софийского собора часов в семь вечера. Интересно, что из моего цикла для этого исполнения среди прочих мы выбрали хор «Выпал снег» со словами «Снег летит на храм Софии...» Было много заинтересованной и искренне благодарившей нас публики.

Секрет многократных появлений концертной единицы из дальней Сибири в северной Вологде оказался сколь необычным, столь и простым. Местная публика не была избалована выступлениями хоровых коллективов. В областной филармонии имени знаменитого вологжанина – композитора с мировым именем Валерия Гаврилина – стационарный хор (мужской камерный) появился несколькими годами позже описываемых событий. Мобильный же омский коллектив в прошлые приезды дал в городе несколько премьер хоровой классики (например, спев крупные сочинения Шуберта). Также в его репертуаре постоянно присутствовали произведения «легких» жанров, особенно тепло встречаемые публикой – песенная классика И. Дунаевского, отечественные и зарубежные хиты прошлых десятилетий, негритянские спиричуэлс... Последние примеры – заслуга Вячеслава Васильева, тонкого стилизатора, аранжировщика, солиста-пианиста. Из сказанного понятно, что не случайно тогдашний всенародно выбранный мэром Вологды Алексей Якуничев (родной брат хормейстера) мог позволить роскошь неоднократно приглашать в город на гастроли «Музыку для всех» – небольшой по составу (пятнадцать артисток плюс дирижер и концертмейстер), недорогой по финансовым затратам и от-

ными именами. Первым из них надо назвать поэта «золотого века» с яркой человеческой и писательской биографией Константина Батюшкова. Прекрасно образованный представитель старого дворянского рода, взявший оружие в годы Отечественной войны 1812 года, офицер, дошедший с русской армией до Парижа... Властитель дум молодежи, запечатлевший в стихах мечты и чаяния прогрессивного вольнодумца... Его стихи, созданные на пике творчества, на рубеже двадцатых годов XIX века, стали образцом для молодого Пушкина. Увы: дальше поэта ждала жестокая судьба – более тридцати лет немоты из-за прогрессирующей душевной болезни, как бы в вынужденной северной ссылке...

В самом центре Вологды, на высоком берегу реки, давшей городу имя, стоит необычная скульптурная группа – юноша, ведущий за повод изящного коня, как бы в память о военной молодости Батюшкова. Наш добровольный гид – представительница городского Управления культуры, красивая неброской красотой круглолицая блондинка – подвела нас к памятнику, произнесла, по-северному трогательно окая: «И вот он тут один – с лошадкой. Ни жоны, ни деточек...» (Возможно, уже тогда, после этих безыскусных слов у меня возникло желание написать «кантату-портрет», по типу «Поэмы памяти Есенина» Г.Свиридова или «Голоса из хора» С.Слонимского. Но об этом – позже...).

Во время моего первого посещения Вологды состоялось еще одно необычное событие, получившее творческое продолжение. Полтора недельное пребывание на Вологодчине хора «Музыка для всех» включало до десятка концертных выступлений. Одно из них – в городе металлургов Череповце. Похоже, там Н.С. собирался петь мою музыку по минимуму, поэтому высказал сомнение, надо ли мне ехать с коллективом. «Что ты – заводских труб не видел?» – сыронизировал маэстро, чем сразу отбил у меня охоту к новым впечатлениям.

Однако Н.С. не учел, что не привык композитор М.Басок отдыхать просто так, без видимого смысла. Тем неожиданнее для него прозвучало мое предложение. Уж если я остаюсь в городе, пусть он поможет найти мне площадку, где я мог бы выступить с авторским показом перед юными вологжанками. (Ну, не давал мне покоя опыт филармонических концертов, за двенадцать лет работы в концертной организа-

цию не требовательный в вопросах быта коллектив. Ну, а на описываемых гастрольях в качестве «гвоздя программы» была обещана мировая премьера хорового сочинения на стихи знаменитого поэта-вологжанина, да еще и в присутствии композитора...

Премьерное исполнение «Зимних песен» состоялось в Концертном филармоническом зале (историческое здание городской Думы) и вызвало в городе значительный интерес. Присутствовали все первые лица города и области. Исполнению сопутствовал успех – были и вызовы на бис и по-северному основательные аплодисменты. Позже, на торжественном ужине мы с хормейстером услышали много теплых слов в наш адрес. На мой взгляд, безусловно субъективный, поэзии Н.Рубцова – очень глубокой, прочувствованной и русской по своей сути – до сих пор в отечественной музыке не найдено образного эквивалента. Композиторы песенного направления, как правило, считывающие внешний, сюжетный «слой», как, впрочем, и

бардовские авторы (кто сегодня в России привычно не называет себя композитором?), как правило, не находят в стихотворениях поэта удобных для себя стандартов. Да их и не может быть: лирик философского плана Рубцов никогда не писал собственно песенных текстов. Вкупе с этим у поэта – на удивление яркое образное мышление, часто в сочетании с откровенно неудобными размерами строк и нестандартными масштабами стихотворения (то очень большими, то, наоборот, весьма скромными). Это задает непрофессионалам (неофитам) очень сложные творческие задачи, которые те, не обладая необходимой культурой и профессионализмом, решить, как правило, не в состоянии. Мне приходилось знакомиться с развернутыми подборками песен на CD с традиционных рубцовских праздников, ежегодно осенью проводимых в вологодском крае. Увы: в большинстве своем – это продукция вполне усредненного качества.

Вологодчина знаменита еще несколькими крупными литератур-

ции вошедший в привычку). Коля хмыкнул и тотчас связался с городским Отделом культуры, после чего дал мне в руки телефонную трубку. На уровне заместителя заведующего мы быстро договорились о творческом контакте. Подчеркну: с моей стороны речь вообще не шла о финансовых условиях. Выступить я готов был абсолютно безвозмездно. Имело место обычное авторское любопытство: что за дети в этом тихом северном регионе, каковы их культурные запросы, чем можно их «зацепить»?..

Выступление обещало быть рядовым. Работать концерт предстояло в общеобразовательной школе – только не в обычной. В единственной в городе (полагаю, и в области) – с театральным уклоном. Как выяснилось позже, происхождение этой особой творческой единицы было тоже необычным, с интересной предысторией. Работала на одном из оборонных заводов женщина, снедаемая тайной любовью к классической музыке и театру. Много лет и на весьма ответственной должности главбуха. И когда время ее выхода на пенсию практически совпало с закрытием (или перепрофилированием) предприятия, она решила заняться меценатской деятельностью особого характера. Сделала все, чтобы «пробить» в соответствующих сферах детское образовательное учреждение театрально-музыкального статуса, чтобы стать там тем же главбухом – я бы сказал, финансовым «ангелом-хранителем»... Постоянно принимая деятельное участие в стратегии развития школы, подборе профессиональных кадров и т.д. Познакомившись с нею, я был просто потрясен ее деятельной активностью. И хотя областной центр Вологду с ее двумя театрами (Драма и ТЮЗ), а также скромной – но Филармонией – нельзя было назвать культурной провинцией, вновь открытая школа «с уклоном» добавила свои краски в общую палитру.

Обо всем вышесказанном я узнал позже. А тогда, в первый визит, мое внимание привлекло скромное, но вполне выразительное оформление фасада каменного двухэтажного старинного особняка в центре города, делавшего его похожим на миниатюрный театр. На рекламных щитах красовались монтажи сцен из спектаклей – оперных и балетных, фотографии хора, крупные актерские планы... С одной особенностью: все лица – детские. Рядом – вход с ответвлением в маленькое кассовое помещение. Театральной специфики явно больше, чем школьной.

Однако последнее впечатление оказалось обманчивым, как только я вошел внутрь. В фойе сновали группки детей разных возрастов, занятых одинаковым делом – кажется, примеркой балетных тапочек. Были и другие приметы, характерные для привычных нам «многопрофильных» ДШИ. Так, по стенам было развешено множество живописных работ, принадлежащих кисти явно незрелых авторов. Впрочем, особо глядеть по сторонам было некогда: хозяйка встретила меня почти сразу у входа. И вскоре выяснилась подробность – почти по незабвенному Н.В.Гоголю. Информацию из Отдела культуры передали по цепочке чуть искаженно. Из нового варианта следовало, что, будто бы, кроме собственного выступления, композитор (я) должен был еще и проверить, насколько хорошо в школе поставлен творческий процесс. А для этого детей, предупрежденных всего-то за день до мероприятия, обязали принести на встречу ноты сочиненных ими музыкальных произведений. Ну, как не вспомнить чиновника для особых поручений незабвенного И.А.Хлестакова? Самое интересное, что несколько ребят продемонстрировали-таки (издалека!) мне нотные листочки, но настолько стеснялись показать их вблизи (не говоря уже собственно об исполнении), что я махнул рукой и, конечно, не стал смущать ни их, ни педагогов. Тем более, что среди последних не наблюдалось людей с профильным композиторским образованием.

Встреча же с детьми и их творческими руководителями, по моему, получилась интересной и содержательной для обеих сторон. Полагаю, что вологжан – юных и взрослых – заинтересовала и моя музыка. Сужу об этом по характерному моменту. После концертной части директор школы, по образованию хоровой дирижер, пригласил меня чуть задержаться для общения с коллегами. В живом обмене мнениями мы затронули многие актуальные проблемы – прежде всего педагогического, репертуарного характера. На меня большое впечатление произвели масштабы творческой деятельности школы, немалое количество музыкальных постановок. Широки были зарубежные контакты, в частности, выразившиеся в активных обменных гастролях хора с детскими коллективами северных стран. В свою очередь, директор сделал мне конкретное творческое предложение. Одна из сотрудниц школы И.Колчина написала либретто для оперно-ба-

летного спектакля, которое в буквальном слове, зависло... В городе на тот момент не оказалось профессионального композитора, который мог бы выполнить заказ, особенно, если учесть, что автор либретто не являлся профессиональным литератором. Стало быть, оно, вероятно, нуждалось в доработке. Мне необходимо было представить, насколько готовый текст совершенен в драматургическом и литературном плане или, хотя бы, мог быть взят в качестве основы с перспективой будущей совместной доработки. Получив либретто для ознакомления до завтрашней встречи, я откланялся, вполне довольный результатами дня. Возможно, намечалась перспектива нового театрального опуса.

Предложенное мне либретто, с которым я ознакомился сразу по возвращении в гостиницу, было написано на основе известной сказки В.Одоевского «Городок в табакерке». Хотя ряд деталей свидетельствовал о любительском литературном статусе либреттистки, в некоторых моментах ощущалось присущее ей определенное драматургическое чутье. Так, вполне отчетливые характеристики получили разные группы персонажей, представляющие силы действия и контрдействия. В литературном тексте, хотя и усредненном, но вполне укладывающемся в традиции жанра либретто, почти не было небрежной рифмовки. Да, И.Колчиной оказалось не под силу разрешить суть драматургического конфликта сказки – так этого, между прочим, не смог (не захотел?) сделать сам автор – В.Одоевский. Те, кто в детстве – или позже – внимательно читал это сказочное повествование, вряд ли забыли хитрый финальный поворот, с помощью которого отечественный писатель-романтик буквально на глазах читателя уходит от ответственности за главную сюжетную «несостыковку». По сюжету мальчик Миша попадает в сказочное царство музыкальной шкатулки, подаренной ему Папенькой. Чудесная музыка возникает здесь в результате целой системы жесткого и требовательного диктата, когда Царица Пружинка повелевает Дядькам-Молоточкам ударять по Мальчикам-Колокольчикам. Воспитанный на рыцарской литературе, Миша желает противостоять подобному несправедливому мироустройству. Он ломает Пружинку – по его мнению, главное орудие угнетения. И что же? Вслед за этим чудесная музыка тотчас перестает звучать. Миша просыпается: все

происшедшее было сном. Мальчик, пересказав его Папеньке, обращается к нему с вопросом, как понимать ситуацию внутри музыкальной шкатулки? Папенька же попросту уходит от ответа, ссылаясь на то, что мальчик все поймет, когда станет большим и изучит законы механики. Каково?..

Решив взяться за предложенную театральную работу, я отчасти уподобился Ходже Насреддину из знаменитого анекдота. Помните: тот пообещал хану научить ишака говорить за двадцать лет. При этом герой ничем не рисковал, учитывая продолжительность действия договора... Встретившись наутро с директором школы, я указал ему на заведомую неразрешенность конфликта в либретто, что допустимо (пусть с натяжкой) в чистой литературе, но совершенно немисливо на театре, где все сценические акценты должны быть расставлены абсолютно однозначно. Иначе непонятно, о чем конкретно делать спектакль. Директор согласился с моими доводами, однако предложил повременить с выводами относительно, скажем так, неудобства предложенного мне материала. Он был убежден, что все несовершенства мы с либреттисткой преодолеем в процессе доработки. Поможет в этом и будущий режиссер-постановщик. Сейчас же самое важное – начать писать музыку. Честно говоря, я не сильно сопротивлялся высказанным доводам. Тем более: сюжет любопытный, еще и заведомо с музыкальной спецификой. Нужны – и музыка табакерки, и портреты Мальчиков-Колокольчиков, и Дядек-Молоточков... И вообще – интересна необычная сказочная атмосфера. В общем – стоило, как уже говорил выше, ввязаться в драку – а там посмотрим...

...Именно так я и поступил. Продолжением контакта с потенциальными работодателями стала встреча с директором и бухгалтером, на которой мы предварительно оговорили условия будущего договора. Через четыре месяца я должен был написать примерно четверть объема опуса в клавире и лично показать воложанам материал. Если он устроит театр, я продолжаю работу, получив четверть гонорара (весьма скромного). Если нет – мне выплачивается та же четверть суммы, и договор расторгается. Причем дальше я волен распоряжаться материалом по собственному желанию. Я не очень силен в юридических тонкостях, но, по крайней мере, в указанном варианте определенный риск был и для меня (я приступал к работе без реальных

финансовых гарантий), и для театрального коллектива.

На сочинение музыки к «Городку» я набросился, можно сказать, жадно. Кажется, удалось найти яркие характеристики как групп героев (Колокольчики, Молоточки), так и создать индивидуальный портрет суровой и мрачной Царицы Пружинки. Как будто бы, выразительным получился и фон действия – отдельный номер «Музыка табакерки». В общем, к началу 2004 года было готово довольно много фрагментов для нового опуса, что и стало поводом для второго приезда в Вологду. С работодателями сговорились устроить авторский показ в начале февраля – в период, когда у меня, в то время еще и консерваторского декана, был краткий промежуток между учебным процессом на заочном и дневном факультетах. Это посещение Вологды оставило в моей памяти два момента – позитивного и негативного свойства. С одной стороны – музыка, сочиненная для «Городка», безусловно понравилась руководству школы (что и завершилось подписанием официального договора). С другой – мое пребывание в Вологде сопровождалось каким-то грустным, даже подавленным настроением. Вероятно, сказалась январская усталость после сессии в Консерватории плюс мрачная и промозглая погода. Холодный северный ветер царил в городе все четыре дня. Яркий контраст с щедрым на тепло прошлым годом сентябрем, когда мы с женой испытывали исключительно положительные эмоции – и от удачной премьеры, и от открытия для себя красивого древнего и молодого города с его особым обликом.

В описываемый визит я попытался заинтересовать «отцов города» моим замыслом хорового сочинения на стихи «знакового» представителя вологодского края К.Батюшкова. Тем более, что незадолго до моего визита в одном из старинных зданий в самом центре было открыто что-то вроде мемориальной комнаты поэта. А вдруг повезет – и удастся получить еще одну заказную работу? Увы: пришлось вспомнить бытующую в нашей семье поговорку, что не бывает разом «два горошка на ложку». Меня вежливо выслушали, но дали понять, что город не заинтересован в подобном творческом контакте. Почему – Бог весть, может быть, потому, что я не был местным автором. Впрочем, отказ меня совершенно не обидел: я уже был уверен, что буду делать кантату и без всякого заказа. К тому времени стихи Батюшкова мною вполне овладели,

и я понимал, что создание нового «вологодского» опуса станет лишь вопросом времени. Что позже и произошло... Дополнительным трогательным штрихом описываемого февральского визита стало посещение мною мамы хормейстера Коли Якуничева, Марии Александровны, которая по телефону высказала желание познакомиться с другом ее сына. В маленькой квартире на первом этаже стандартной пятиэтажки в центре города царили чистота и патриархальный уют – с домоткаными половиками, скромной мебелью и утварью. И угощала она меня вполне крестьянским ужином – толченой свежесваренной картошкой с натуральным подсолнечным маслом и деревенским салом. Предложила пригубить самодельного самогона, подкрашенного свекольным соком – тоже продуктом деревенского происхождения. И разговоры у нас были вполне степенные – об особенностях жизни в провинции на склоне лет. Где из удовольствий – при отсутствии необходимости ежедневно ходить на работу (замечу: собеседнице моей было около восьмидесяти, за плечами – много лет труда на Севере, причем частично – даже за Полярным кругом) – посещение утренних служб в храме. Там можно поставить свечки за здоровье живых и за упокой ушедших. Услышал, между прочим, что собеседница моя посещает ту же церковь, что и живой и в здравии тогда российский литературный классик Василий Иванович Белов, и общается она с ним просто как с добрым знакомым. (А как хотелось мне в свое время взять за основу оперного сочинения один из его ярких романов, впоследствии составивших эпопею «День шестой»... Увы!.. В новых реалиях трудно представить себе пытливого читателя, который заинтересовался бы коллизиями эпохи коллективизации, густо замешанными на фольклорном материале с ярким символом: постройкой мельницы «для ради нужд опчества». Не надо забывать, что сюжет романа развивается в тяжелое для крестьянства время, от конца двадцатых до середины тридцатых, куда вошли и перипетии НЭПа, и «год великого перелома», и последствия голода на Украине)...

В общем, покидал я Вологду вполне довольным тем, как складывались мои творческие и человеческие отношения с городом и его обитателями. Отдыхать было некогда: сразу за работу. Всякую: педагогическую, административную, творческую... Вынужденный же простой в ней состоялся, когда я в одночасье заболел

и оказался в общей сложности аж на полтора месяца на больничной, а затем на санаторной койке. Слава Богу: в конце этого вынужденного простоя сложилась возможность по чуть-чуть – пусть по часу в день – продолжать работу над «Городком в табакерке». Это позволило мне, как минимум, ощущать себя в рабочем тонусе. А что еще композитору нужно?

В сроки сдачи готового материала в результате этого форс-мажора я немного не уложился. Работодатели с пониманием отнеслись к ситуации и не возражали против сдвига срока месяца на три. И вот в апреле в компании с моей супругой (за что ей спасибо: после болезни сердца это был мой первый серьезный дальний выезд) я – снова в Вологде. Сложилось так, что худсовет детского коллектива оповестили о моем показе с запозданием. По крайней мере, половина его состава совсем не была готова к прослушиванию, вдобавок ко всему два человека (причем ведущие фигуры) были травмированы: появились на костылях и отнюдь не в хорошем настроении. Добавлю к этому, что по какой-то причине показ запланировали на одной из музейных площадок со стильным историческим интерьером. И – столь же стильным коричневым пианино с инкрустированными плоскостями, очевидно, позапрошлого века. При этом – очень расстроенного и с несколькими «не отвечающими» клавишами. Впрочем, беспокойство мое оказалось напрасным, окружающие как-то прониклись и атмосферой, и моей музыкой, так что мне сразу объявили, что работа моя принята, и все формальности мы оформим завтра...

Только люди творческих профессий поймут волнение, которое не покидало меня до и во время показа. Но когда я уже после него вышел на высокое крыльцо, то испытал что-то вроде шока. Прямо передо мной в лучах дневного солнца сиял красавец Софийский собор XVI века. И ведь был я на этой площади раньше и до показа многократно, да поди ж ты: раньше даже не огляделся. И сияние это показалось мне символическим: дальше все после болезни у меня пойдет хорошо. И здоровье будет, и смогу всерьез заниматься делом. Пока – а прошло уже, Слава Богу, почти полтора десятилетия, – это предчувствие меня не обмануло.

Что же до судьбы опуса «Городок в табакерке» – она пока не очень сложилась. Первое время – года два после описываемых событий – по Интернету вологодские «театралы»

меня все обнадеживали, что еще немало, еще вот-вот, и удастся осуществить постановку. Видя, что дело затянулось, я перестал беспокоить их письмами. Сам же на материале оперы собрал развернутую сюиту для фортепианного четырехручного ансамбля, которую многократно исполняли в концертах и дети, и взрослые. Один из моих омских коллег-инструменталистов В.Тебенко сделал переложения нескольких номеров сюиты для ударных инструментов с фортепиано, которые тоже стали репертуарными у ударников. Позже материал оперы я использовал для флейтовых ансамблей.

Увы: когда в 2019 году я появился в Вологде – уже по другому, но тоже творческому поводу, мой визит в Школу-Театр оказался довольно грустным. Вырваться туда удалось поздним вечером: с утра и днем потоком шли доклады музыкально-ведческой конференции. Мы с моим спутником довольно долго искали здание, так что он уже засомневался: а точен ли наш маршрут. Но я уверенно шел, памятуя, в том числе, о том, что двадцать один час для учреждения с театральным уклоном – отнюдь еще не вечер. Но приветливых огней на фасаде что-то не замечалось, афишных щитов – тоже. Из темного помещения тоненькой струйкой текли отдельные дети – в большинстве с родителями. Фойе было скудно освещено, уборщицы домывали полы. Вахтерша – пожилая симпатичная и словоохотливая женщина – с полным пониманием и доверием отнеслась к моим словам и на все вопросы ответила подробно. Оказалось, что перемен в Школе произошло много. В основном, неселых. Директор, с которым мы вели переговоры пятнадцать лет назад, перешел на работу в другой коллектив. Главбух – «ангел-хранитель» ушла в мир иной. Сегодня есть проблемы по части содержания старинного здания: так, по правилам противопожарной безопасности в зале нельзя (пока!) проводить зрелищные мероприятия – только репетиции. Пока (опять, пока!) это фактически школа – но не театр. О том, что «Городок» в конечном счете не удалось поставить, я узнал на следующий день из телефонного разговора с бывшим директором...

Стало ли прошедшее поводом для уныния? Отнюдь. Вполне состоявшимся считаю творческий проект, связанный с именем К.Батюшкова. Шестичастная кантата, получившая название «Венок поэту», с успехом прозвучала в трех российских городах – Омске (пре-

ьера в Училище им. В.Шебалина с учебным струнным оркестром, дирижер Ю.Кукель-Краевский, хормейстер Н.Якуничев, партия рояля В.Васильев), Екатеринбург (юбилейный авторский концерт 2011 года, вариант для смешанного хора дир. А.Шабуров, хормейстер Т.Гнускова).

О третьем исполнении скажу особо. Узнав из Интернета о том, что в уже упомянутом выше Череповце Вологодской области есть творческая единица – городской Камерный хор, я по телефону связался с его руководителем Сергеем Зуевым с творческим предложением спеть «Венок поэту». Маэстро заинтересовался и попросил запись для ознакомления. Но, слабо владея на то время «техническими средствами», я вынужден был послать запись премьерного исполнения ему не по Интернету, а... по почте в виде любительского CD. Реакция С.Зуева была довольно необычной. После трех примерно минут брызжания по телефону на тему неважного качества записи, за которой занятому человеку пришлось еще и на почту идти, он выятно пообещал, что, поскольку музыка ему нравится, он обязательно ее исполнит. Одно условие: в Череповце нет достаточного количества инструменталистов. Так не буду ли я возражать, чтобы хор пел в сопровождении фортепианного квинтета. Поскольку больших divisi в партитуре не было, и музыка в камерном варианте сохранилась бы без больших изменений, я сразу дал согласие. И уже вскоре – менее, чем через полгода – С.Зуев выслал мне по Интернету запись своего коллектива с яркой афишей и программкой, а также подробными комментариями, где уведомил обо всех бытовых трудностях, преследовавших коллектив в период концерта. Сетования обычные: недокомплект теноров, загруженность в преддверии майских праздников... ну и так далее. По моим понятиям, качество исполнения было очень пристойным, без всяких ссылок на провинциальность.

Увы: примерно через год после нашего столь позитивного творческого контакта я прочел в «Музыкальном обозрении» некролог о безвременной смерти маэстро – ему не исполнилось и пятидесяти пяти. Но исполнение его коллективом «Венка..» стало символическим: музыка на стихи К.Батюшкова успела вернуться на родину поэта, в Вологдину...

СВЕРДЛОВСКАЯ ГЭС НА БОЛЬШЕКОННОМ: СКВОЗЬ СТЕКЛО НЕГАТИВА

Валентина ЖУК

Историк, руководитель Музея
энергетики Урала компании
«Россети Урал».
г. Екатеринбург.

В Музее энергетики Урала хранится уникальный фотофонд, посвященный строительству первой электростанции нашего города в советское время – Свердловской ГЭС. Изображения запечатлены на фотопластинах, всего в фонде их 124 штуки. Фотопластина представляет собой твердую основу – стекло, на которую нанесена светочувствительная эмульсия. В фотографическом процессе фотопластины являются носителями негативного изображения и используются для получения позитивных отпечатков. Наибольшее распространение фотопластины получили во второй половине XIX – начале XX веков. Несмотря на то, что во второй четверти XX века фотопластины были практически полностью вытеснены из художественной и бытовой фотографии фотопленочными материалами, они все еще используются небольшим числом профессионалов для специальных видов съемки и

научной фотографии. Преимущество фотопластин в их долговечности. Фотофонду Свердловской ГЭС больше 90 лет, все негативы дошли до наших дней в прекрасной сохранности. Благодаря высокому качеству фотоматериалов и размерам самих негативов, с них сегодня можно сделать фотографии очень большого формата, на которых в мельчайших деталях предстает главная свердловская энергостройка 1920-х годов.

Гражданская война тяжело отразилась на развитии энергохозяйства Екатеринбурга. Центральная электростанция, построенная еще в 1895 г. на 2-й Береговой (ныне ул. Горького, 43), была в разбитом состоянии, ее оборудование изношено, город испытывал острый недостаток электроэнергии.

В газете «Уральский рабочий» появилась статья «Беда грозит Екатеринбургу»: «Город сидит в темноте. Голодная норма для освещения города – 700 киловатт, станция же лишь может обеспечить половину. И то для центральных кварталов, а остальным остается лунное освещение... Необходимо районная электростанция. Этот вопрос назрел!»

В 1923 году из советских и кооперативных предприятий было создано Акционерное общество «Свердловская ГЭС» с уставным капиталом 2 млн рублей. Этот капитал был распisan между основными акционерами следующим образом:

Исполком 600 000 руб. 30%
Мелкие акционеры 600 000 руб.
30%
(пром.)
Гормет 350 000 руб. 17,5%
Пермская ж/д 250 000 руб.
12,5%

Негативы с изображением Свердловской ГЭС.

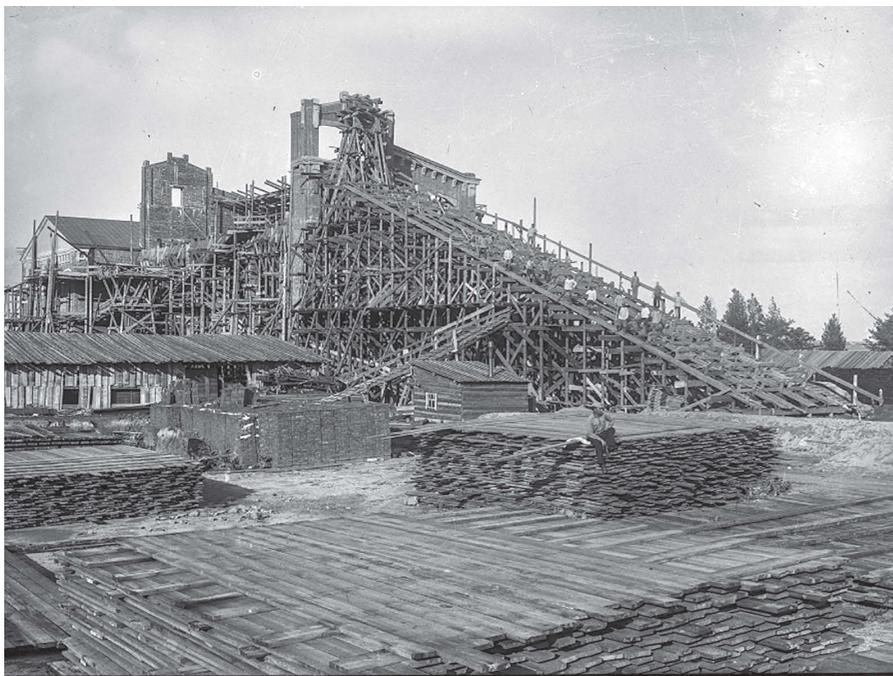
Главэлектро 100 000 руб. 5,0%
Мелкие акции 100 000 руб. 5,0%
Итого: 2 000 000 руб. 100%

Местом для строительства будущей ГЭС (Государственной районной электростанции) был выбран небольшой полуостров на берегу Верх-Исетского пруда, в 5 км от Екатеринбурга, где были обнаружены залежи торфа. В народе за полуостровом закрепилось название «Большой Конный» или «Зеленый остров». По одной из версий происхождение названия связано с тем, что в дореволюционное время жители Екатеринбурга часто пасли там своих коней, полуостров утопал в зелени, был отдаленным и глухим.

В газете «Уральский рабочий» от 17 марта 1927 г. можно прочесть: «...Это место действительно было диким – паслись мустанги местной породы, приезжали компании, которые в хмельном состоянии старались быть на почтительном расстоянии от милиции, одним словом, существовало торфяное болото, до которого никому не было дела. Сколько сотен лет ходило человечество по этому острову, далекое от мысли о том, что ходит по источнику света, тепла и энергии – торфу...»

Было решено, что работать станция будет на местном сырье – торфе, которым был богат полуостров, а затем его начали добывать и возить с Широкой речки.

8 июня 1924 года на Большом конном состоялся торжественный митинг, посвященный началу

Главный корпус ГЭС в строительных лесах.

строительства главного здания электростанции. Под гром аплодисментов и мелодию Интернационала в фундамент была заложена медная плита с надписью: «Ильич на 8-м съезде партии сказал: «Электрификация – это вторая программа партии. 8 июня 1924 г.»

Строительство велось в основном «вручную»: лошади, тачки, телеги, лебедки... Часть работ была механизирована: при прокладке водоподводящего канала в грунте применялось пневматическое бурение с использованием электровоздушного компрессора, для подачи материалов действовал электрический элеватор.

На протяжении всего строительства возникали проблемы с доставкой необходимого оборудования, потребовалось дополнительное финансирование.

Из отчета Свердловского Горсовета за 1925–26 гг: «Несмотря на самый усиленный нажим со стороны акционерного общества и вмешательства в это дело со стороны Горсовета, ГЭТ (Государственный электротехнический трест) систематически нарушал свои обязательства по снабжению новой электростанции необходимым оборудованием.

Стоимость постройки всей электростанции (вместе с вспомогательным оборудованием и запасами торфа) – выразится, примерно, в 4 200 000 рублей».

За все технические вопросы по строительству отвечал Главный инженер станции Лев Иванович Фольварков, окончивший Санкт-Петербургский университет и имевший за плечами большой опыт работы на разных энергообъектах России. Финансовыми и организационными вопросами руководил директор-распорядитель АО «Свердловская ГЭС» Исаак Абрамович Канторович, уральский инженер-электротехник. Во многом благодаря их настойчивости и преданности делу все работы были завершены.

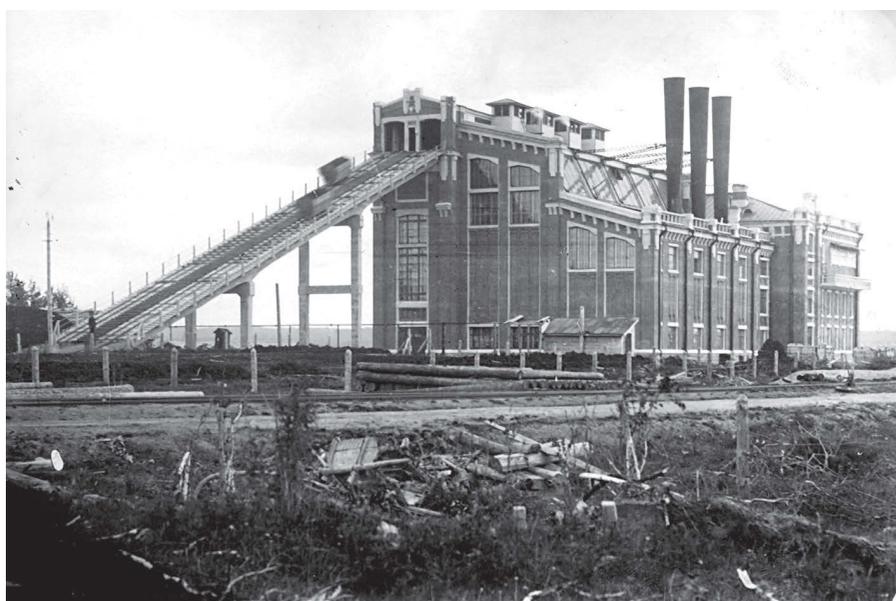
Пуск долгожданной станции состоялся 12 марта 1927 года и под-

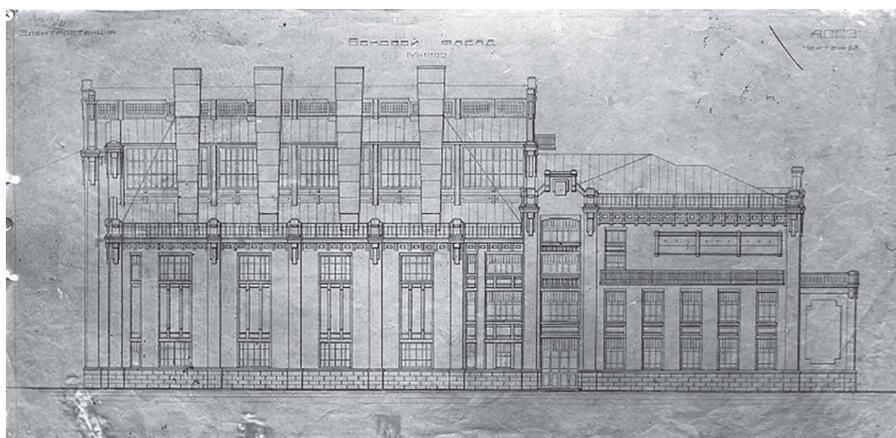
Торжественная закладка фундамента Главного здания ГЭС.

Инженеры-руководители строительства ГЭС. В первом ряду 3-й справа – директор ГЭС И.А.Канторович, 4-й справа – гл. инженер Л.И.Фольварков.

Свердловская ГЭС, общий вид.

Архитектурный проект ГЭС.

робно был освещен в «Уральском рабочем»: «Сама станция красива и чиста, как только что выпущенная из мастерской игрушка...»

Ровно в половине первого тов. Пылаев разрезал красную ленту, которая связывала паропуск и турбогенератор, и сердце новой красавицы забилося. С бешеной скоростью закрутился видимый с одного конца вал, и стрелки амперметров задвигались. На распределительном щите зажглись контрольные лампочки, и поплыл в новеньком зале мягкий, характерный гул...

Директор завода «Красная Кровля» повертывает рычаг всего на три сантиметра влево, и новый цех его завода за четыре километра от станции получает жизнь.

Зам. пред. Горсовета тов. Кушнерук поворачивает другой рычаг, и за пять километров зажглись лампочки в Свердловске...»

Само здание станции выдержано в «кирпичном» стиле с элементами модерна.

Главной особенностью электростанции было то, что все устанавливаемое на ней оборудование – турбогенераторы, паровые котлы, было произведено только на советских заводах, притом часть оборудования была выпущена впервые.

Новой ГЭС было решено дать имя в честь председателя СНК СССР А.И.Рыкова, но после объявления его «врагом народа» станция получила имя В.В.Куйбышева.

Мощность первой очереди составила 3000 кВт, затем после расширения доведенная до 11 000 кВт.

Вместе с электростанцией возводился рабочий поселок для строителей и энергетиков, по тем временам он наверное был лучшим в Свердловске. Здесь строились комфортные 2-х этажные деревянные дома на каменном фундаменте по 10 квартир, с водопроводом, и в перспективе должны были появиться теплые уборные. Был построен клуб и летний театр для проведения спектаклей и агитации. В прессе того времени Большеконный полуостров называли «Электрогородок».

Свердловская ГЭС позволила развить электрические сети Свердловска. Строились линии

**Памятник В.В.Куйбышеву
у входа на ГЭС.**

220/127 вольт, 6 киловольт. Появились первые трансформаторные подстанции, был создан первый Дежурный аварийный пункт.

В 1930 г. по высоковольтной линии через Верх-Исетский пруд от Свердловской ГЭС была передана электроэнергия строящемуся Уралмашу. Город стремительно рос и станция играла в этом ключевую роль.

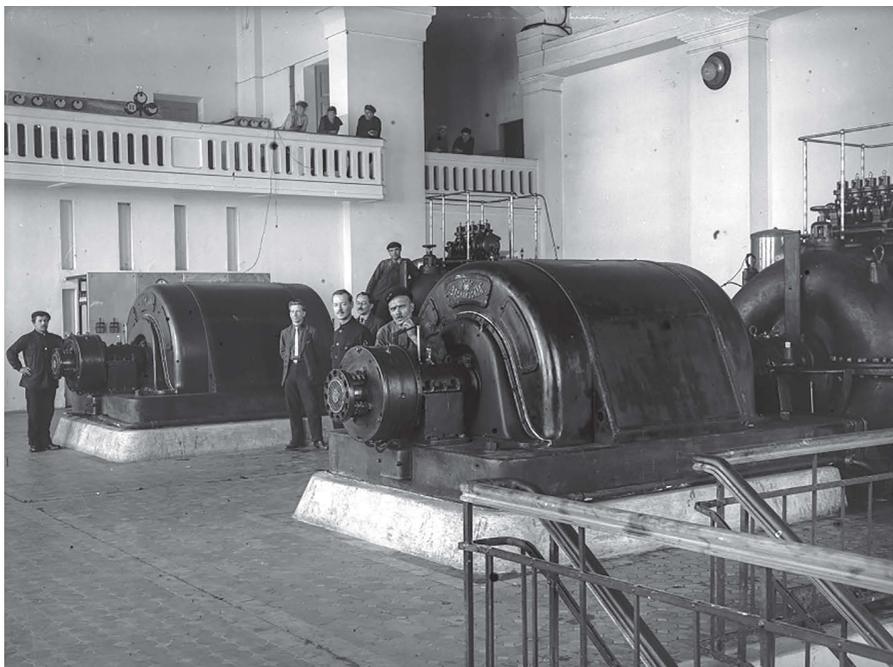
Но не так удачно сложились судьбы строителей станции, вложивших в нее все свои знания и силы.

Энергохозяйство Урала в начале 1930-х гг. переживало трудные времена. Огромное количество аварий из-за нехватки квалифицированного персонала, а вследствие этого – отсутствие электроэнергии, простой предприятий. Было необходимо найти оправдание такому положению. В результате было сфальсифицировано дело о контрреволюционной диверсионно-вредительской организации в энергохозяйстве Урала. По делу в качестве обвиняемых проходило 14 свердловских специалистов-энергетиков, получивших высшее и специальное образование еще до революции. Одним из главных обвиняемых был И.А.Канторович.

Из обвинительного заключения от 7 декабря 1933 г.

Доставка оборудования.

Машинный зал ГЭС.

«ПП ОГПУ по Уралу вскрыта контрреволюционная диверсионно-вредительская организация в энергохозяйстве Урала. Организация была создана и руководилась помощником управляющего Уралэнерго по финансовой части Канторович И.А., вовлекшим в организацию ряд крупнейших специалистов энергетиков Урала.

Конечной целью организации было свержение Советской власти при помощи интервенции капиталистических стран.

Практическая деятельность была направлена по линии:

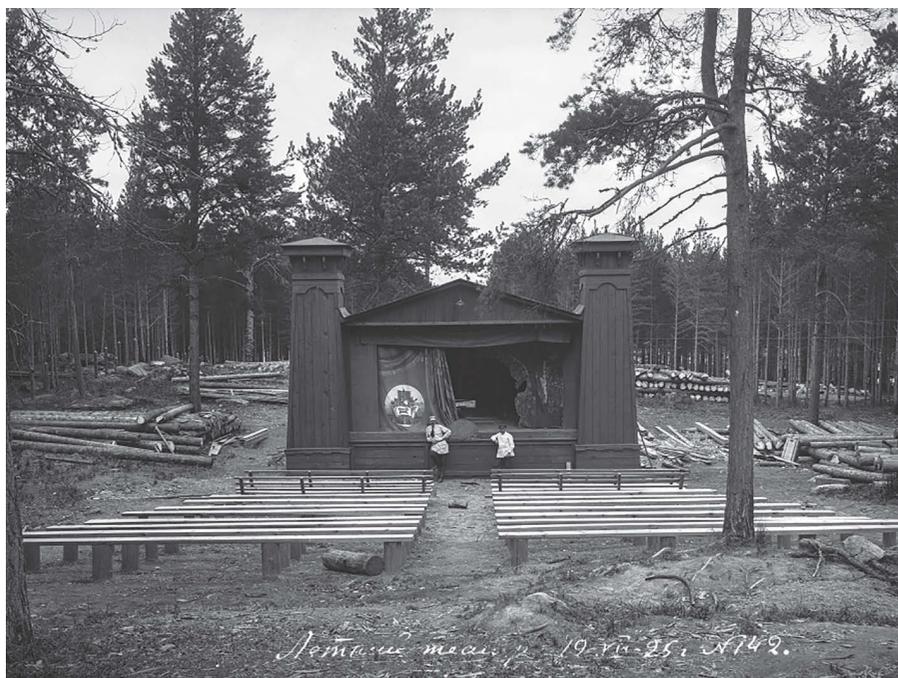
Расстройство работы промышленности, путем прямой диверсии и вредительства в сетях и подстанциях

Задержки развития промышленности и народного хозяйства посредством срыва строительства электростанций.

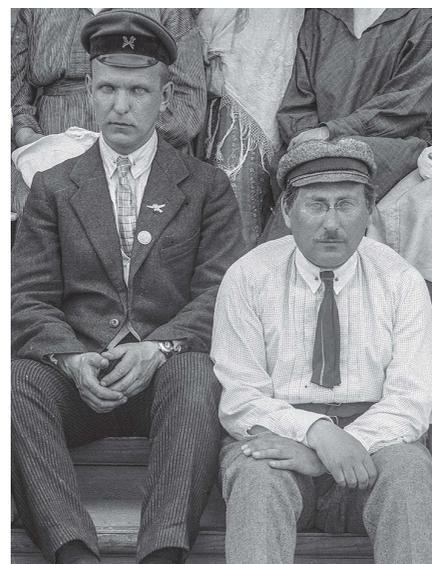
В целях активной помощи интервентам организация ставила задачу создания боевых ячеек из антисоветского персонала, обслуживающего линии передач и подстанции».

Дом рабочего поселка энергетиков.

Летний театр.

Л.И.Фольварков и И.А.Канторович.

гией бурно развивающийся город до середины 1960-х годов, затем электричество и тепло стала давать Среднеуральская ГРЭС. Станция на Большеконном была остановлена, генерирующее оборудование демонтировано, и небольшая ее часть действует в настоящее время как распределительная подстанция «Береговая».

Сам Большеконный полуостров как будто «застрял» в прошлом: он так же утопает в зелени, среди сосен можно увидеть обветшалые домики рабочего поселка, пожарную каланчу и здание электростанции, крыша которой буйно заросла березами. Пока столица Урала в течение десятилетий прирастала новыми высотками, пейзаж полуострова почти не менялся, сохранив свою историю до наших дней.

В

Все «буржуазные спецы», проходившие по этому делу, были отправлены в лагеря, и дальнейшая их судьба неизвестна. И.А.Канторович, не дожидаясь оглашения приговора, покончил жизнь самоубийством в камере екатеринбургской тюрьмы.

Выписка из книги дежурного ПП ОГПУ по Уралу с 1 на 2/IX – 1933 г.:

«В 6 ч. 20 мин. дежурный специалист корпуса № 1 сообщил по телефону, что арестованный Канторович, находившийся в камере

№ 21, покончил жизнь самоубийством через повешение... Акт о смерти находится у коменданта ПП».

Главный инженер станции Л.И.Фольварков в 1931 году послеграничной командировки был арестован органами ОГПУ по ложному обвинению во вредительстве. Ему повезло больше, дело было прекращено, и он был выслан в Первоуральск, работал на Новотрубном заводе, умер в 1971 году.

А Свердловская ГЭС работала и набирала мощь, снабжая энер-

БИТВА НА КУРСКОЙ ДУГЕ: БИТВА, О КОТОРОЙ ВСЕ ВСЁ ЗНАЛИ

**Мария
ГАБТРАХМАНОВА**

Научный сотрудник
Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал».

5 июля 1943 года началась Курская битва – одно из крупнейших сражений в истории Второй мировой войны. По обе стороны линии фронта протяженностью до 200 километров сражалось около 4 миллионов человек, свыше 13 тысяч танков, 69 тысяч орудий и минометов, около 12 тысяч самолетов. 12 июля 1943 года в районе деревни Прохоровка произошло грандиозное танковое сражение, в котором приняли участие 1200 танков. Битва на Орловско-Курской дуге продолжалась 48 дней и завершилась 23 августа 1943 года победой Красной армии.

Из тагильчан в Курской битве приняли участие будущий Герой Советского Союза радист-пулеметчик танка В.А.Вересков, командир роты противотанковых орудий Н.П.Чурсин.

Здесь же, на Курской дуге, свой боевой путь начал Уральский добровольческий танковый корпус (УДТК), созданный в весной 1943 г. на средства тружеников трех уральских областей – Свердловской, Пермской и Челябинской.

В ходе сражения на Курском направлении немецкая армия потерпела жестокое поражение, после которого она уже не оправилась: все мечты о победе Германии над Советским Союзом сгорели в горниле битвы на Курской дуге. Было разгромлено 30 вражеских дивизий, вермахт потерял 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, 3,7 тыс. самолетов.

Курская битва вошла в историю как одно из ключевых сражений Второй мировой войны, коренным образом изменившая ход Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом.

Однако столь масштабное действо потребовало тщательной под-

готовки и с той, и с другой стороны. Именно тому, как велась подготовка к сражению на Курской дуге, в которой оказались задействованы все – от командующих фронтами и армиями до разведчиков, диверсантов и антифашистов – и посвящена эта статья.

По сути, подготовка к Курской битве началась за полгода до самой битвы – с наступления Красной армии зимой 1943 г. на Харьков.

В начале февраля 1943 г. советские войска, окрыленные победой в Сталинграде, предприняли наступление, получившее название «Харьковская наступательная операция». Целями наступления было освобождение городов Белгород, Курск и Харьков. Шесть советских армий из-под Сталинграда были переброшены в район Орла: здесь, согласно амбициозному плану, они должны были взять в окружение немецкие силы в Орле и вокруг него. Следующей целью должно было стать соединение с другими силами советских войск, чтобы как бы клещами зажать немцев между Смоленском и Брянском. Конечной целью всех действий Красной армии было достижение в середине марта реки Днепр, чтобы таким образом уничтожить остатки немецкой армии «Дон».

В результате мощного наступления войска Воронежского фронта продвинулись на 100–260 км в западном направлении и нанесли тяжелое поражение противнику.

8 февраля 1943 г. был освобожден Курск,

9 февраля – Белгород, 16 февраля – Харьков. Однако закрепить достигнутый в ходе наступа-

тельной операции успех Красной армии не удалось.

Немцы категорически не хотели терять крайне важный в экономическом отношении Донбасс, а потому перешли в решительное контрнаступление. В результате упорных и кровопролитных боев в феврале – марте 1943 г. немецкие войска остановили советское наступление («Третья битва за Харьков») и вновь заняли города Харьков и Белгород. Но захватить повторно Курск они не смогли.

Вот так и образовалась Курская дуга (еще именуемая Орловско-Курской дугой) – выступ в линии фронта глубиной около 150 и шириной до 200 километров, обращенный в западную сторону. Именно этому выступу предстояло в ближайшие месяцы стать главным театром военных действий.

Здесь были обращены взоры как советских, так и германских военачальников в начале марта 1943 г. после того, как линия фронта стабилизировалась.

Германскому рейху как воздух нужна была победа в следующем крупном сражении – очень уж неудачно для него начался 1943 г.: в последний день января 6-я армия Ф.Паулюса капитулировала в Сталинграде. Незадолго до этого Гитлер даже присвоил генера-

лу Паулюсу чин фельдмаршала, свято веря в то, что «фельдмаршалы не капитулируют» («Еще ни один немецкий фельдмаршал не попадал в плен» – написал Гитлер в последней радиোগрамме Паулюсу). Таким образом, он, как видно, надеялся предотвратить катастрофу в Сталинграде. Но Фридрих Паулюс это убеждение фюрера опроверг: он не только сдался, но и впоследствии, находясь в плену, сотрудничал с советским командованием, участвовал в «Союзе немецких офицеров», в Национальном комитете «Свободная Германия», став одним из самых активных пропагандистов в борьбе с нацизмом (правда, такая антинацистская активность Паулюса стоила свободы его жене, дочери, сыну, невестке и внуку). На Нюрнбергском процессе фельдмаршал Паулюс выступил как свидетель обвинения с советской стороны. При этом самому Ф.Паулюсу никаких обвинений предъявлено не было.

Известие о капитуляции 6-й армии, привело, как описал в своем дневнике 4 февраля 1943 г. министр пропаганды Геббельс, «к шоку в немецком народе».

Большие проблемы у Германии и ее союзников возникли не только на Востоке, но и на Юге.

Один из самых популярных в немецкой армии генералов, Эр-

вин Роммель, (которого вполне официально именовали «Лис пустыни» в армии, в прессе и в народе), в марте 1943 г. попал в Тунисе (Северная Африка) со своим «Африканским корпусом» почти в такую же ситуацию, как Фридрих Паулюс в Сталинграде. Чтобы не терять понапрасну солдат, Роммель запросил у Гитлера разрешения эвакуировать войска и оставить Тунис. Однако Гитлеру, по-видимому, хватило капитуляции Паулюса: разрешения на вывод войск он не дал. Вместо этого он отстранил Роммеля от командования корпусом «Африка», назначив командующим его заместителя, генерала фон Арнима. Но смена командования не спасла положение: «Африканский корпус» в составе 250 тысяч человек (!) все равно капитулировал, только чуть позднее – в мае 1943 г.

Сам же Роммель через некоторое время после своего отстранения примкнул к тайной оппозиции генералов вермахта, которая подготовила и осуществила в июле 1944 г. неудачное покушение на Гитлера.

Таким образом, в начале марта 1943 г. в связи с чрезвычайно напряженным положением на фронтах Второй мировой войны верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии Адольф Гитлер полагал, что имеется только один способ поправить ситуацию – провести крупную военную операцию. Разумеется, успешно провести.

По мнению немецкого историка Романа Тёппеля, автора книги «Курск 1943: величайшая битва Второй мировой войны»: «Идея операции «Цитадель» принадлежала генералу, имя которого меньше всего связывают с этим событием, генерал-полковнику Рудольфу Шмидту». В марте 1943 года он занимал пост командующего 2-й танковой армией. Ему удалось увлечь своей идеей – в начале 1943 г. отрезать Курскую дугу – командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Х.Г. фон Клюге.

10 марта 1943 г. в письменном донесении фон Клюге Шмидт предположил, что было бы раз-

Митинг перед началом Курской битвы. Июль 1943 г.

умным «создание более сильной оперативной группировки» с вводом в действие из местности южнее Орла в направлении Курска во взаимодействии с другой группой из района Харькова в направлении на север, но во всех вариантах – только после окончания распутицы.

«Этот был в точности тот же самый план, что и план будущей операции «Цитадель», – пишет Р.Тёппель в книге «Курск 1943: величайшая битва Второй мировой войны».

До самого конца Клюге оставался самым горячим сторонником плана окружения Курского выступа. Это подтверждает и реакция Клюге, который поздним вечером 10 марта 1943 г. позвонил Шмидту и заявил: «Должен сказать, что в Вашем ходе мысли что-то есть».

На следующий день, 11 марта 1943 года, Гитлер снова посетил штаб-квартиру группы армии «Юг» в Запорожье. Здесь же присутствовал и командующий группой армии «Юг» генерал-фельдмаршал фон Манштейн. В начале весны он больше всего хотел устранить «Курский выступ», который угрожающе вклинивался в расположение германских войск. И устранить как можно скорее, не дожидаясь, пока противник соберется с силами и ударит первым. На встрече с Гитлером Манштейн вновь выразил желание устранить дугу вокруг Курска до наступления распутицы. Но услышал в ответ от Гитлера, что «дуга никуда не денется», но при этом «будут потеряны возможности для нанесения мелких наступательных ударов». «Большие операции, – говорил Гитлер далее, – в ближайшее время невозможны». «Путем продолжающихся ударов мы должны сохранять инициативу и держать соотношение потерь по возможности 1:10. Русского надо периодически ослаблять, в меньшей степени путем использования дивизий, и в большем – современного вооружения. И дальше мы должны остановиться и обороняться».

Двумя днями позднее, 13 марта 1943 года, во время посещения группы армии «Центр» в

Смоленске и совещания Гитлер, по-видимому, получил «решающий посыл» для принятия решения. Помимо Гитлера, Цейтлера (начальника штаба сухопутных войск (ОКХ) и Клюге в совещании принимали участие и командующие армиями и среди них – генерал-полковник Р.Шмидт, который получил возможность изложить свой план лично Гитлеру.

Гитлер, очевидно, будучи впечатлен этим планом, в тот же день, 13 марта 1943 г., издал оперативный приказ № 5, содержащий указания по ведению боевых действий в следующем месяце, т.е. в апреле. В нем говорилось: «На северном фланге группы армии «Юг» немедленно начать создание мощной танковой армии, чье формирование должно быть завершено до середины апреля, с тем, чтобы после окончания распутицы быть готовым к наступлению прежде русских. Целью данной операции является уничтожение вражеских сил перед 2-й армией посредством удара на север из района Харькова в совместных действиях с ударной группировкой из района расположения 2-й танковой армии».

Таким образом, Шмидту, Клюге и другим генералам удалось убедить Гитлера в том, что наступление на Курской дуге – это самый лучший вариант летнего наступления.

План наступления, предусматривавший взять в «клещи» войска Красной армии в районе Курска и получивший позднее название «Цитадель», появился на свет.

По странному стечению обстоятельств именно в тот же день, когда Гитлер издал приказ № 5, 13 марта 1943 г., на него была совершена очередная попытка покушения. В ходе посещения Гитлером Смоленска полковник фон Тресков и его адъютант фон Шлабрендорф подложили в самолет фюрера бомбу. Операция не увенчалась успехом, поскольку в бомбе не сработало взрывное устройство.

Всего через восемь дней, 21 марта 1943 г., была предпринята новая попытка убить Гитлера. Активный участник немецкого движения Сопротивления генерал-

майор барон Рудольф-Кристоф фон Герсдорф собирался взорвать себя вместе с фюрером во время посещения последним выставки советской трофейной техники в Берлине. Герсдорф, который должен был проводить Гитлеру экскурсию по выставке, закрепил на себе взрывное устройство. Однако по неизвестным причинам время посещения Гитлером выставки было сильно сокращено, и предполагаемая жертва покушения досрочно покинула место действия, а Герсдорф едва успел деактивировать детонатор.

Тем временем, советское командование также рассматривало образовавшуюся дугу в районе Курска как удобный плацдарм для будущей наступательной операции. Советский Генштаб очень быстро осознал возможности, предоставляемые растянутой линией фронта в районе Курска, для оперативного командования. Отсюда можно было проводить наступательные операции во фланг и тыл группы армии «Центр» в районе Орла, равно как и операции против группы армии «Юг» у Белгорода и Харькова.

Р.Тёппель в книге «Курск 1943: величайшая битва Второй мировой войны» указывает: «Одновременно Ставка, высший орган руководства Красной Армией, уже с марта полагала, что немцы выберут именно Курский выступ для проведения наступательной операции весной 1943 года».

Ему вторит исследователь Ник Корниш в своей книге «Курская битва. Величайшее в истории танковое сражение. Июль 1943 г.»: «14 марта Сталин, озабоченный ухудшением ситуации на юге, вызвал заместителя Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза Г.К.Жукова в Москву».

Далее Г.К.Жуков был направлен в штаб Воронежского фронта для оценки ситуации. В своем докладе Сталину, сделанном по итогам поездки, Жуков был прямолинеен: «Мы должны немедленно взять все, что можем, из резерва Ставки и резервов соседних фронтов, потому что, если мы этого не сделаем, немцы возьмут Белгород

и будут развивать наступление на Курск».

Напомним, что А.Гитлер подписал 13 марта 1943 г. приказ № 5, а, согласно Н.Корнишу, уже 14 марта Г.К.Жуков выразил уверенность И.В.Сталину в том, что немецкие войска намерены наступать в районе Курска (при этом, откуда взялась эта дата «14 марта», неизвестно).

Р.Тёпфель вслед Н.Корнишу задается вопросом: «Откуда советское руководство с самого начала получило информацию о намерениях немцев атаковать Курскую дугу?»

Действительно, могла ли информация о готовящемся немецком наступлении быть «слита» советской стороне буквально на следующий день или даже в тот же день, когда Гитлер поставил свою подпись под приказом № 5, 13 марта 1943 г.?

Как ни странно, но потенциальная возможность для этого была.

Роль советской (и не только советской) разведки в подготовке к битве на Курской дуге сложно переоценить.

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн признавал: «Провал «Цитадели» можно приписать ряду причин, причем одной из существенных явилось отсутствие момента внезапности».

В учебнике «История России. XX век» (авторы: А.А.Данилов и Л.Г.Косулина) читаем: «Активно готовились к летней кампании и советские войска. Советское командование, получив информацию о подготовке немцев к наступлению в районе Курской дуги, решило перейти к преднамеренной обороне».

В том, что план операции «Цитадель» был «слит» задолго до начала сражения, мало кто из исследователей сомневается (хотя есть и такие), но вот вопрос о том – кто, как, когда и кому его «слил», по большому счету, до сих пор остается открытым.

Еще начиная с 1960-х гг. об этом много писали немецкие исследователи. Они пытались установить причины провала операции «Цитадель», которая, казалось бы, была так хорошо подготовлена.

Откуда вообще «Советы» узнали о том, что немцы вознамерились наступать летом 1943 г. именно на Курской дуге?

В качестве источника утечки информации (не конкретно планов наступления в районе Курска, а в целом) немцы одно время называли даже начальника Партийной канцелярии НСДАП и личного секретаря Гитлера Мартина Бормана. Он как-то подозрительно исчез из Берлина в первых числах мая 1945 г. и больше его никто не видел. В Советском Союзе в течение десятков лет на полном серьезе считали, что Борман благополучно добрался до Южной Америки и «осел» на постоянное место жительства в Аргентине или Парагвае. Сторонники различных диковинных теорий отправляли Мартина Бормана еще дальше на юг, прямо в Антарктиду, где у нацистов, по слухам, была (а некоторые считают, что есть) некая секретная военная база.

Ну, а вот немцы, как это ни удивительно, оказывается, все эти годы думали, что личный секретарь фюрера Мартин Борман был «выдающимся информатором и советником для Советов» и после войны под другим именем жил в Советском Союзе. Об этом, в частности, написал в 1971 г. в своих мемуарах Рихард Геллен, начальник отделения Иностранных Сухопутных армий Генштаба, а позднее начальник службы разведки ФРГ.

В действительности же Борман ни в Аргентину, ни в Парагвай не уезжал. 1 мая 1945 г. около 11 часов вечера в числе нескольких сторонников почившего фюрера, не пожелавших по примеру Гитлера и Геббельса покончить жизнь самоубийством, он покинул «фюрербункер» и был или убит 2 мая 1945 г., или в конце концов все-таки совершил самоубийство. Останки Бормана были случайно обнаружены в 1972 г. (всего через год после «сенсационного разоблачения» Гелленом Бормана в качестве советского шпиона) при производстве дорожных работ. Годом позже они были идентифицированы при помощи наложения фотографий черепов и реконструкции лица, а окончательно в принадлежности

найденных останков зловещему Мартину Борману специалисты уверились в 1998 г. после экспертизы ДНК (хотя сторонники конспирологических версий этим результатам, конечно, не верят и до сих пор сомневаются).

Таким образом, Мартин Борман в качестве кандидатуры на роль супершпиона отпадает. Да и не был он никогда замечен в симпатиях к Советскому Союзу, совсем даже наоборот.

Зато в таких симпатиях одно время подозревали шефа гестапо (германской тайной государственной полиции) Генриха Мюллера: по крайней мере, он открыто восхищался советскими разведчиками. Казалось бы, что здесь такого? Министр пропаганды Геббельс тоже восхищался работой иностранных разведслужб и упрекал шефа немецкой разведки и контрразведки – абвера – Вильгельма Канариса в непрофессионализме.

7 апреля 1943 г. Геббельс записал в своем дневнике: «Английские шпионы мастерски работают в Швейцарии, мы могли бы взять с них пример. Наш адмирал Канарис по сравнению с английскими шпионскими центрами действует как дилетант».

К слову сказать, в отношении Канариса Геббельс, вероятно, был неправ. Плохим разведчиком он не был, просто работал на «другую сторону»: участвовал в Германском Сопротивлении, выступал против жестокого обращения с советскими военнопленными, сотрудничал с британцами и спасал евреев. То, что все это происходило буквально под носом у фашистов, как раз доказывает, что В.Канарис был разведчиком хорошим. В 1944 г. он был смещен с поста начальника абвера и в апреле 1945 г. казнен за перечисленные выше деяния.

Однако восхищение Геббельса английской разведкой никому не дало повода подозревать его в тайной работе на спецслужбы противника. В отличие от Мюллера. Все дело в том, что, так же как и в истории с Борманом причинами для подобного рода измышлений стали весьма туманные обстоятельства гибели шефа гестапо

Мюллера 1 или 2 мая 1945 г. Вальтер Шелленберг (в годы Второй мировой войны – начальник внешней разведки службы безопасности РСХА) в своих мемуарах (впервые были опубликованы в 1956 г. под названием «Лабиринт») утверждал, что Мюллер еще в период войны был завербован НКВД, и в мае 1945 г. вместо того, чтобы погибнуть в пылающем Берлине, отправился в Советский Союз, жил в Москве, где и скончался в 1948 г. Есть также версии, согласно которым Мюллер умер в Калифорнии в 1982 г., будучи завербованным ЦРУ, или же добрался до Патагонии (Южная Америка) и почил там. На самом же деле, останки Мюллера, в отличие от останков Бормана, были обнаружены еще в 1945 г. Тогда же они и были идентифицированы и захоронены на еврейском (!) кладбище в результате возникшей путаницы. Ошибку довольно быстро исправили, и с конца 1950-х СМИ называют другое кладбище, где был похоронен в итоге Г.Мюллер – в Нойкёльне.

Можно только догадываться, действительно ли Мюллер имел какое-либо отношение к советской разведке или же только восхищался ее работой, но вот подозрения о наличии «крота» в высших военных сферах Германского рейха не лишены оснований.

Чаще всего «слив» плана операции «Цитадель» исследователи связывают с именем Рудольфа Рёсслера (часто в литературе встречается написание «Росслер»).

Пауль Карл Шмидт, в годы Второй мировой войны – пресс-секретарь рейхсминистра иностранных дел Иохима фон Риббентропа, в двухтомном исследовании «Восточный фронт» (издал под псевдонимом Пауль Карель) называл Рёсслера «настоящим асом советской военной разведки против Германии, сопоставимым с советской звездой шпионажа доктором Зорге...»

Далее Пауль Карель утверждал, что немецкий шпион Рудольф Рёсслер снабжал из Швейцарии советское руководство перво-классной информацией о подготовке к операции «Цитадель».

Подготовка к Курской битве. Минеры создают минные поля. Лето 1943 г.

Был ли Рёсслер немецким шпионом-антифашистом и как он очутился в нейтральной Швейцарии?

Рудольф Рёсслер родился в 1897 г. в семье чиновника баварского лесного ведомства. По национальности он был немцем, по происхождению – из служащих. Окончил народную школу и гимназию (1916) в Аугсбурге, близ Мюнхена, что давало ему право на поступление в университет.

Однако вместо университета Рёсслер отправился на фронт – бушевала Первая мировая война. После войны он занимался журналистикой и издательской деятельностью. Был корреспондентом нескольких газет. В 1922 г. активный молодой человек основал Аугсбургское литературное общество, с 1925-го редактировал журнал «Форм унд Зинн», с 1929-го руководил «Бюненфольксбундом» – Народным театральным союзом в Берлине и издавал журнал «Национальный театр».

Приход в Германии к власти фашистов коренным образом повлиял на жизнь Рёсслера: в 1934 г. он покинул родину и поселился в нейтральной Швейцарии.

В течение последующих пяти лет Рёсслер занимался сугубо мирной деятельностью: основал и возглавил в Люцерне издательство «Вита Нова», которое публиковало классические произведе-

дения. Однако в 1939 г. он начал сотрудничать с подразделением швейцарской разведки «Бюро Ха» («Ха» – от имени ее руководителя, майора Хауземана). Здесь его очень ценили. Сотрудничество продолжалось до 1944 г.

Казалось бы, причем план операции «Цитадель»? Где, как говорится, Швейцария и журналист Рёсслер и высшее командование вермахта? И где, наконец, советская разведка?

Еще в советский период стало известно о существовании во время Второй мировой войны в ряде стран Европы целой шпионской сети под названием «Красная капелла».

Советский разведчик-диверсант Павел Анатольевич Судоплатов, в годы Великой Отечественной войны возглавлявший Особую группу при НКВД СССР по организации разведывательно-диверсионной и партизанской деятельности в тылу противника, в книге воспоминаний «Победа в тайной войне» писал о «Красной капелле» следующее: «(Советская) Военная разведка имела свою собственную агентурную сеть в Германии, Франции, Бельгии и Швейцарии и действовала независимо от НКВД. В 1938–1939 гг., перед началом войны, военные оказались достаточно дальновидными и послали во Францию и Бельгию двух сотруд-

ников – Л.Треппера и М.Гуревича вместе с радистами для работы в условиях военного времени.

На этот период военные также имели свою нелегальную резидентуру в Швейцарии, руководимую бывшим работником венгерской секции Коминтерна Шандором Радо и Урсолой Кучинской (кодовое имя «Соня»), позднее, в 1941 г., ставшей связной между нами и немецким физиком Клаусом Фуксом, который работал в Англии.

В подготовке резидентур к оперативной деятельности в Западной Европе в условиях военных действий и перехода на нелегальное положение были допущены серьезные ошибки. Агентурная сеть Треппера, Гуревича и Радо слишком сильно была связана с источниками еврейской национальности, что делало их уязвимыми в условиях немецкой оккупации.

К августу 1942 года «Красная капелла» в Берлине, включавшая военных агентов разведки и НКВД, была уничтожена. Но в Германии и Швейцарии уцелел ряд важных источников информации и агентов влияния. Агентурная сеть во Франции и Швейцарии продолжала работать всю войну».

Даже в учебнике «История СССР» 1990-го г. (авторы В.П.Островский (руководитель), В.И.Старцев, Б.А.Старков, Г.С.Смирнов) отмечалось, что «еще в апреле 1943 г. Г.К.Жуков подготовил доклад о возможных действиях противника. Подтверждали соображения Жукова и сведения разведывательных служб. Наиболее ценные из них были сообщены антифашистской организацией «Красная капелла», которой руководил разведчик-антифашист Леопольд Треппер, и группа Шандора Радо».

П.П.Судоплатов вспоминал о «Красной капелле», и в частности, о группе Радо: «Заделы «Красной капеллы» сыграли важную роль по линии военной разведки в получении данных об исследованиях в области ракетного оружия и создания атомной бомбы в Германии. Информация была точной.

Сотни радиogramм в Москву от «Красной капеллы» из Швейцарии с июля 1941 до октября 1943 г.

содержали ценнейшую информацию: приказы немецкого верховного командования, сведения о передвижении войск и массу оперативных подробностей боевых действий».

И все потому, что у Ш.Радо был свой источник выше упомянутой ценной информации – Рудольф Рёсслер, который, по воспоминаниям П.А.Судоплатова, в разгар войны сам вышел на резидентуру «Красной капеллы» в Швейцарии: «Рёсслер, немецкий эмигрант, встретился с Радо, когда Гитлер напал на Советский Союз. Он дал понять, что считает Радо связанным с советской разведкой, и предложил ему передавать информацию из немецких военных кругов».

На первый взгляд, со стороны Рёсслера, решившего вдруг поработать на советскую разведку во имя победы над фашизмом, все выглядит более, чем красиво и самоотверженно. Но если взглянуть на это дело под несколько другим углом, все начинает видеться в ином свете. По сути, Рёсслер раскрыл Шандора Радо как советского разведчика и начал сотрудничать с ним. Но вот сам ли Рёсслер оказался таким догадливым или кто-то помог ему «разоблачить» Радо?

П.А.Судоплатов в книге «Победа в тайной войне» пишет: «Английская разведка знала о группе Радо, поскольку еще накануне войны внедрила своего агента «Джима» в «Красную капеллу» в Швейцарии. «Джим», участник гражданской войны в Испании, был подставлен Кучинской («Соне») в Швейцарии еще в 1939 году. По этой причине английская контрразведка не трогала «Соню» всю войну. «Джим» вернулся к англичанам только в 1946 году, «Соня» к этому времени успела выехать в Германию».

Относительно личности Рудольфа Рёсслера имеются самые разные мнения, порой очень противоречивые. Например, в статье «Секрет агента Вертера. Кто в штабе Гитлера помог нам выиграть Курскую битву» еженедельника «Аргументы и факты» (№ 34, 21.08.2013) журналист Георг

**Командир противотанковых орудий
Н.П.Чурсин.**

гий Зотов цитирует слова некоего Дитриха Майнца, «историка-исследователя из швейцарского города Базель», назвавшего Рёсслера «весьма загадочной личностью в истории мирового шпионажа».

Р.Рёсслер и правда был полон загадок и тайн. В период Второй мировой войны он действовал под псевдонимом «Люци», и утверждается, что «до мая 1944 г. советская разведка даже не знала его настоящего имени!» Так, по крайней мере, утверждает Д.Майнц.

Большой секрет представляли источники информации Рёсслера-«Люци».

Не исключено, что у него имелись связи в штабе Гитлера. На Рёсслера, по некоторым данным, работало около двухсот (!) агентов, среди которых самыми плодотворными и ценными были: «Вертер», поставлявший сведения об операциях вермахта, «Ольга» (источник в командовании люфтваффе), «Анна» (в МИД рейха), а также некие «Тедди» и «Билл».

Именно оперативный псевдоним «Вертер» всплывает, прежде всего, когда речь заходит об утечке плана «Цитадель» в руки союзников. Высказываются предположения, что «Вертер», сфотографировав документы плана «Цитадель», передал их затем в Швейцарию через «Ольгу»...

А далее информация ушла по эстафете к «Люци» (Рёсслеру), за-

**Герой Советского Союза
радист-пулеметчик В.А.Вересков.**

тем «Доре» (Радо) и далее в советскую военную разведку.

Кем же был этот «Вертер»?

Рёсслер наотрез отказывался назвать настоящие имена своих информаторов даже после того, как Вторая мировая война закончилась. Это и породило сомнения в том, существовали ли шпионы «Вертер», «Анна», «Ольга» и другие еще порядка двухсот агентов в действительности.

Западногерманский журнал «Шпигель» в 1967 г. опубликовал расследование, в котором утверждалось, что на Рёсслера в Берлине работал всего один осведомитель, а остальных он попросту придумал, чтобы подчеркнуть свою значимость и «выбить из русских больше денег». Немецкий писатель Хельмут Рёвер в своей книге «Немецкий и советский шпионаж во Второй мировой войне» написал, что Рёсслер якобы вообще составлял свои «ценные секретные» донесения в Москву и Лондон из обычных газетных вырезок. Однако это утверждение не выдерживает никакой критики: информация, поставляемая «Люци», неоднократно проверялась и находила подтверждения из других источников. Но вот откуда же Рёсслер брал сведения?

До настоящего момента нет однозначной оценки личности Рудольфа Рёсслера: кто-то изо-

бражает его пламенным борцом с фашизмом, кто-то – хитрым и расчетливым мздоимцем, хорошо заработавшим на продаже военных секретов (последние даже называют сумму, в которую обошлась советскому командованию покупка у Рёсслера плана «Цитадель» – полмиллиона долларов). Так же нет определенного мнения и о информаторах Рёсслера. Это касается, в частности, и того, существовали ли они на самом деле. Но вот, к примеру, ранее упомянутый Пауль Карл Шмидт, издававший свои мемуары под псевдонимом Пауль Карель, не сомневался в существовании «Вертера». Немецкий историк Р.Тёпель в книге «Курск 1943: величайшая битва Второй мировой войны» пишет, характеризуя П.Кареля и его труд «Выжженная земля»: «Источником Росслера являлся высокопоставленный офицер с кодовым именем «Вертер», входивший в ближайший круг Гитлера. Шмидт не захотел выдавать имя этого «Вертера», и на тему, кто бы это мог быть, развернулись широкие дискуссии».

Р.Тёпель далее пишет: «Журналист и военный историк Вильгельм фон Шрам в опубликованной в 1967 году книге «Предательство во второй мировой войне» писал, что «сообщения «Вертера» для советского руководства не имели той важности, которую им приписывают». Уже в то время, появились серьезные сомнения в правдивости истории про супершпиона, который в значительной мере способствовал провалу операции «Цитадель».

Британское военное министерство 29 марта 1943 года получило сборник докладов о перехваченных немецких переговорах за период с 18 по 26 марта 1943 года, из которых следовало, что немцы концентрируют в районе Харькова боевые самолеты. Польский писатель-реконструктор Януш Пикалкевич сконструировал из этого и еще одного сообщения секретной службы целую сенсацию в книге «Операция «Цитадель». Он утверждал, что британское военное министерство 22 марта 1943 года получило бесспорные доказатель-

ства о подготовке немцев к летнему наступлению на Курской дуге. Благодаря расшифровке переговоров летчиков люфтваффе удалось получить картину не только расположения немецких танковых дивизий в центральной части Восточного фронта и передислокации немецкого 4-го воздушного флота, но и узнать, что начало немецкого наступления запланировано на конец апреля. «Эта важная информация, – как пишет Пикалкевич далее, – была немедленно передана в Москву».

Британцы и британская разведка появляются в нашей истории совсем не случайно.

Снова обратимся к воспоминаниям П.А.Судоплатова: «Мы решили, что «Люци» просто пытается сохранить в тайне свой источник – агента в немецком генштабе.

На самом деле Рёсслер передавал нам информацию, которую получал от англичан».

По П.А.Судоплатову схема выглядела следующим образом: «В Швейцарии британская спецслужба, как уже упоминал, давала отредактированные тексты перехватов, дешифрованные с помощью «Enigma», своему агенту, поддерживавшему контакт с Рёсслером, который, в свою очередь, передавал эту информацию «Красной капелле», откуда она поступала в Центр».

Присутствию британских спецслужб в истории подготовки Советского Союза к битве на Курской дуге не стоит удивляться. В годы Второй мировой войны между советской и британской (и американской тоже) разведками существовало официальное сотрудничество. Уже 12 июля 1941 г. было заключено соглашение между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против фашистской Германии. Соглашение было подписано в Москве в результате переговоров с правительственной делегацией из Великобритании и предусматривало оказание сторонами взаимной помощи в борьбе с врагом.

Через две недели, в конце июля, британское правительство предложило советскому руковод-

ству наладить сотрудничество разведок двух стран для противоборства спецслужбам Германии.

Известный российский писатель, военный историк, полковник Службы внешней разведки В.С.Антонов сотрудничеству советской и британской разведок посвятил одну из глав своей книги «Житейская правда разведки». Он, в частности, пишет: «Переговоры велись конспиративно, без привлечения переводчика и секретаря. Об их истинном содержании знали только Сталин, Молотов и Берия».

По итогам секретных переговоров 29 сентября 1941 г. были подписаны два документа, посвященных вопросам взаимодействия советской и британской внешних разведок: «Запись того, в чем советские и британские представители в своих беседах по вопросу о подрывной работе против Германии и ее союзников» и «предварительный план общей линии поведения в подрывной работе для руководства советской и британской секций связи».

Согласно этим документам, Советский Союз и Великобритания в период Второй мировой войны вели обмен разведанными по Германии и ее союзникам, занимались помощью в организации диверсий на объектах транспортной инфраструктуры (включая все виды транспорта) и военной промышленности противника, подготовкой и заброской агентов на вражескую территорию и территории оккупированных государств. Советские агенты проходили дополнительную подготовку на британских секретных базах, во время которой находились на полном пансионе принимающей стороны, перед заброской обеспечивались снаряжением, продуктами и экипировкой, включавшей диверсионную технику. У сотрудничавших сторон хорошо обстояло дело с обменом информацией о новых технических средствах и методах подрывной работы противника.

Советские и британские спецслужбы передавали друг другу образцы документов Германии и оккупированных ею стран для оснащения забрасываемой в эти

страны агентуры (удостоверения личности, штампы и печати, производственные карточки и т.п.), обменивались данными о диверсионном снаряжении и экипировке агентуры, образцами раций и вооружения, различного типа взрывателей и мин.

За период совместной работы представители московской и лондонской миссий посетили ряд закрытых объектов стран-союзниц, где ознакомились с методами подготовки агентов и образцами спецтехники.

Несмотря на кажущуюся идиллию, в действительности, в решении вопросов, связанных с выполнением достигнутых ранее соглашений не все было гладко.

В период Великой Отечественной войны советская и британская разведки активно взаимодействовали и на территории третьих стран. «Однако это не мешало. – пишет В.С.Антонов, – англичанам одновременно вести против СССР целенаправленную подрывную работу. Так, резидентуре НКВД в Тегеране стало известно, что англичане создали в этом городе свою разведывательную школу. В нее набирали молодых людей со знанием русского языка и готовили их для заброски с разведывательными заданиями на территорию советских республик Средней Азии и Закавказья. Срок обучения – шесть месяцев. Конспирация – строжайшая.

По заданию тегеранской резидентуры молодому нелегальному сотруднику «Амиру» (под этим оперативным псевдонимом действовал в те годы будущий видный советский разведчик-нелегал, Герой Советского Союза Геворк Вартанян) удалось внедриться в разведшколу. Через некоторое время у резидентуры была подробная информация о самой школе и ее слушателях.

Спустя несколько месяцев советский представитель встретился с официальным представителем английской разведки в Иране и сделал ему представление о «несоюзническом поведении». Англичанин все отрицал. Однако в скором времени школа перестала существовать».

То же касалось и передачи разведывательной информации.

П.А.Судоплатов отмечал в воспоминаниях: «По дипломатическим каналам в Лондоне через английскую миссию связи в Москве англичане полностью не передавали ту информацию, которую они «сливали» нам через сеть «Красной капеллы» в Швейцарии. Сталин не доверял англичанам, и для этого были основания. Когда мы сравнивали разведанные из Швейцарии и из Лондона, то видели их разительное совпадение».

С чем была связана такая избирательность британцев в предоставлении Советскому Союзу разведанных, понять сложно. Особенно, если учесть тотальный характер войны, которую вели все, без исключения, участники конфликта.

Но, к счастью, у советской внешней разведки были свои источники в разведке британской.

Речь идет о Джоне Кернкроссе, сотруднике отдела дешифровки в Блетчли-парке – знаменитом секретном центре Великобритании. Здесь располагалось главное шифровальное подразделение страны – Правительственная школа кодов и шифров.

Джон Кернкросс являлся членом не менее знаменитой «Кембриджской пятерки», получившей свое название благодаря тому, что все члены «пятерки» в разное время были студентами университета в Кембридже. «Кембриджская пятерка» представляла собой ядро сети шпионов-«кротов», работавших в пользу Советского Союза и окопавшихся в высших органах власти Великобритании: в министерстве иностранных дел (Дональд Маклин), военной разведке и контрразведке (Ким Филби; Гай Берджес и Джон Кернкросс работали также в министерстве иностранных дел). Один из членов «пятерки», Энтони Блант, был советником короля Георга VI. Все они имели доступ к самой секретной информации.

По воспоминаниям П.А.Судоплатова, «информация из Лондона от «Кембриджской группы» была более полной, а от группы «Люци» явно отредактированной. Ясно

было, что информация «Люци» дозировалась и редактировалась британскими спецслужбами. Нашей лондонской резидентуре периодически поставлял расшифрованные радиogramмы Джон Кернкросс, работавший в британском шифровальном центре «Блетчли-парк». Дешифрованные материалы, поступавшие от Кернкросса, имели не только военную ценность, но и позволили нам проследить проникновение английской разведки в нашу резидентуру в Швейцарии (группу Шандора Радо).

Воистину: «Доверяй, но проверяй»!

О роли «Кембриджской пятерки» в раскрытии планов гитлеровцев в наступлении на Курской дуге немало говорится в шеститомном труде «Очерки истории российской внешней разведки» (фрагмент можно прочитать в книге «Огненная дуга: Курская битва глазами Лубянки»): «7 мая 1943 г. в Государственный Комитет Обороны из НКГБ СССР за № 136/М было направлено сообщение о полученных резидентом НКГБ в Лондоне агентурных данных относительно немецкого плана наступательной операции «Цитадель» и оценки германским командованием боеготовности советских войск на Курско-Белгородском направлении. В нем говорилось: «Резидентура НКГБ СССР в Лондоне сообщает полученный агентурным путем текст телеграммы, отправленной 25 апреля из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала фон Вейхса в адрес оперативного отдела верховного командования армии...» К славной когорте разведчиков принадлежал и Джон Кернкросс, который в годы войны как человек, хорошо знавший немецкий язык и обладавший математическими способностями, стал сотрудником английской дешифровальной службы Блетчли-парк. Именно он периодически передавал нашей лондонской резидентуре расшифрованные радиogramмы. От него и Филби и поступило в резидентуру расшифрованное сообщение о целях планировавшегося немецкого наступления под кодовым названием «Цитадель».

Таким образом, именно «Кембриджской пятеркой», конкретно, Джоном Кернкроссом, были предоставлены наиболее точные сведения о плане операции «Цитадель».

Однако секретная информация поступала не только «из-за кордона», но и из глубокого тыла немецких войск.

Еще одним легендарным советским агентом, с именем которого связано раскрытие планов наступления войск вермахта в районе Курска, знаменитый разведчик Николай Иванович Кузнецов, действовавший под псевдонимами «Николай Грачёв», «Пауль Зиберт», агентурными именами «Колонист», «Пух».

Уроженец Екатеринбургского уезда, Николай Кузнецов был уникальным специалистом, настоящим спецагентом. Благодаря незаурядному знанию немецкого языка и искусству перевоплощения, он под именем Пауля Вильгельма Зиберта (существовавшего на самом деле) сумел внедриться во влиятельные круги вермахта. Он вошел в доверие к офицерам германской армии и, в частности, рейхскомиссара оккупированной Украины Эриха Коха, которого получил задание ликвидировать (всего Кузнецов лично принял участие в ликвидации 11 немецких генералов из администрации оккупированной Украины).

С этой целью в начале июня 1943 г. Н.Кузнецов записался к нему на прием. Именно на этой встрече неожиданно Кох сказал «Паулю Зиберту», чтобы он как можно скорее возвращался в свою часть, потому что возле Курска вскоре должно начаться в ближайшие десять дней крупное наступление.

Непосредственное руководство Кузнецова в Москве очень косо посмотрело на то, что разведчик, по сути, своего задания – убить Коха – не выполнил. «Колонисту» грозили серьезные неприятности за провал операции. Об этом написал Т.Гладков в книге «Николай Кузнецов». Автор приводит воспоминания Л.Ф.Райхмана, одного из кураторов Николая Кузнецова, в 1943 г. – заместителя начальника 2-го Управления (внешняя разведка) НКГБ-МГБ СССР: «После

неудавшегося покушения на Коха в Центре относительно Кузнецова возникли некоторые сомнения. Кое-кто сгоряча из-за вполне понятного разочарования потребовал чуть ли не ареста Кузнецова, обвиняя его в трусости, а то и в предательстве. Судоплатов прислал ко мне Сташко (руководителя организации диверсионной деятельности партизан на территории оккупированной Украины), чтобы обстоятельно поговорить о «Колонисте», которого я знал куда лучше, чем они. Я пришел к выводу, что этот человек (имеется в виду человек, идущий на теракт) должен иметь хоть один процент надежды на успех. У Кузнецова никаких шансов на успех при тех обстоятельствах не было. Все это я и объяснил Сташко и еще раз поручился за Кузнецова».

В провале операции был один существенный «плюс»: советский разведчик получил информацию из весьма высокопоставленного источника (Коха) о грядущем немецком наступлении.

Н.И.Кузнецовым был подготовлен отчет с подробно изложенной информацией о подготовке немцами стратегической наступательной операции в направлении Курска и Белгорода. Эта информация была перепроверена и подтверждена посланными советской военной разведкой в оккупированный район разведчиками Алексахиными и Воробьевым.

Именно эти данные позволили направить в Ставку Верховного Главнокомандования доклад, в котором было указано, что на направлении главного удара немцы готовятся выставить 17 танковых, 2 моторизованные и 18 пехотных дивизий общей численностью под три тысячи танков и миллион человек пехоты.

Но вполне вероятно, что источник утечки находился еще ближе. Как говорится, ближе некуда.

Как упоминалось выше, непосредственное участие в разработке плана «Цитадель» принимал командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Рудольф Шмидт.

Интересный факт: генерал-полковник Шмидт, причастный к разработке плана «Цитадель», в его

реализации участия не принимал. В апреле 1943 года Рудольф Шмидт был снят с должности командующего 2-й танковой армии. Позднее он был арестован, но психиатрической экспертизой признан невменяемым и уже в конце сентября 1943 г. (к этому времени немецкие войска уже потерпели поражение на Курской дуге) был досрочно, в возрасте 57 лет, отправлен на пенсию.

Причиной всего этого стал шпионский скандал, в центре которого оказался младший брат Рудольфа Шмидта – Ганс-Тило Шмидт.

В ходе расследования, проведенного немецкой контрразведкой, выяснились прямо-таки «шокирующие» подробности многолетней шпионской деятельности Шмидта-младшего.

Еще в 1920-х гг. Тило Шмидт по протекции своего брата Рудольфа, который отвечал за защищенность связи в верхах рейхсвера, устроился на работу в Министерство обороны Германии в «шифрирштелле». Данное ведомство осуществляло контроль и управление зашифрованной связью в Германии. Здесь Ганс-Тило получил доступ к особо важным и секретным шифрам. И хотя они находились в закрытом сейфе, Шмидта, пользуясь доверием своего руководства, мог с ними знакомиться.

Прекрасно понимая, в каком учреждении работает, к каким сведениям имеет доступ и что эти сведения могут быть интересны иностранным разведкам, Ганс-Тило Шмидт начал искать покупателя (речь изначально шла именно о сделке) своих секретов.

Он вышел на контакт с французской секретной службой, чьи специалисты были весьма сведущи в криптографии (шифровании и дешифровке).

В ноябре 1931 г. состоялась первая встреча Тило Шмидта с французским шпионом Рудольфом Лемуаном (агентурное имя «Рекс»).

Итогами этой встречи стали договоренность о том, что на следующую встречу Ганс-Тило принесет документы с кодами дешифровок. За старания ему было обещано хорошее вознаграждение.

Шмидт работал быстро: всего через неделю, 8 ноября 1931 г., он

принес документы с инструкцией к легендарной немецкой шифровальной машине «Enigma» («Энигма», в переводе на русский язык, означает «загадка»), за которые получил 10 тысяч марок (около 33,5 тысяч долларов в пересчете по курсу 2001–2005 гг.).

Далее последовали совсем уж «возмутительные» вещи: Шмидт также предложил французам информацию о вносимых в «Enigma» изменениях, благодаря чему французские дешифровщики вообще могли в дальнейшем не ломать головы над расшифровкой ставших теперь уже совсем несекретных переговоров немцев (после такого «Enigma» можно было смело выбрасывать на свалку), а также, пользуясь тем, что его старший брат Рудольф в то время работал начальником корпуса связи (и тоже имел доступ к секретным документам), предложил совершенно секретные сведения о деятельности германского высшего командования. Неизвестно, собирался Ганс-Тило посвящать брата в свою «работу» или нет (и посвятил ли), но с этого момента он регулярно передавал врагу (напомним, Франция была противником Германии в Первую мировую войну, а по условиям Версальского мирного договора «откусила» от нее Эльзас-Лотарингию и оккупировала Саар) ценные документы.

Именно стараниями Ганса-Тило Шмидта сначала у французов, затем у британцев, а позднее у поляков оказались документы, содержащие информацию о шифровальной машине «Enigma». Французы и британцы проявили к этим документам сдержанный интерес, а вот поляки, как ближайшие соседи обиженной на весь мир и жаждавшей реванша Германии, воздали им должное: основываясь на предоставленной Шмидтом документации, три польских математика уже в 1932 г. расшифровали «код «Энигмы», а в 1938 г. создали криптоаналитическое устройство, которое получило название «Бомба». Теперь поляки смогли без проблем читать немецкие шифровки, но вот со своими бывшими и будущими союзниками – Великобританией и Францией – столь

ценным приобретением они не поделились.

Французы избрали более простой путь: они покупали у Шмидта шифровальные книги, которые выдавали немецким операторам «Enigma». В книгах содержались ключи для зашифровки и расшифровки донесений на текущий день. За 38 (!) месяцев Шмидт передал им 38 таких книг. И, разумеется, не бесплатно.

За время своей шпионско-подпольной деятельности Ганс-Тило Шмидт не раз был на волосок от разоблачения.

В 1938 г. его французским связным Рудольфом Лемуаном заинтересовалась немецкая контрразведка (абвер). Лемуан был арестован и допрошен. К счастью для Шмидта, «Рекс» не выдал свой сверх ценный источник информации, сам также сумел выкрутиться и был отпущен.

22 июня 1940 г. Франция капитулировала. Немецкие контрразведчики с большим интересом ознакомились с попавшими в их руки документами французской разведки. Из них следовало, что в секретной службе Германии окопался «крот» и не где-нибудь, а прямо шифробюро министерства обороны Германского рейха.

Против Ганса-Тило Шмидта тогда не нашлось достаточных доказательств, и ему удалось избежать ареста. Но расследование продолжилось: немцам удалось выйти на след Лемуана. Начались его активные поиски. Не скоро, но Лемуан был выслежен и схвачен на юге Франции, в городе Виши. Допрашивали его в Париже. В ходе допроса Лемуан выложил все, что знал о Гансе-Тило Шмидте, который в итоге был арестован 1 апреля 1943 г.

10 апреля 1943 г. настал черед старшего из братьев Шмидт, Рудольфа. В ходе обысков у Ганса-Тило были обнаружены его письма. В них он не церемонился в выражениях, скептически и резко высказываясь о национал-социализме и о фюрере лично.

Как мы видели чуть ранее, Рудольф Шмидт в результате шпионского скандала отделался отстранением от командования 2-й армией и психиатрической

экспертизой с последующим досрочным выходом на пенсию.

Его брату повезло гораздо меньше. Осенью 1943 г. Ганс-Тило Шмидт был обнаружен мертвым в тюремной камере. Согласно одной из версий, по причине наличия у него весьма известных и уважаемых родственников руководство нацистской Германии не стало «выносить сор из избы» и доводить дело до суда: Шмидту было позволено покончить с собой (аналогичным образом всего через год с небольшим Гитлер поступит с генералом Роммелем, обвиненным в причастности к покушению на Гитлера в июле 1944 г.).

10 мая 1943 г. по поводу всего произошедшего Геббельс патетически заметил в своем дневнике (после того как Гитлер в очередной раз пожаловался на генералитет): «Например, сейчас у брата генерал-полковника Шмидта, которого вынуждены были арестовать за государственную измену, обнаружены письма самого генерал-полковника, в которых он очень резко отзывался о фюрере. И это один из генералов, на которого фюрер возлагал большие надежды. Он опять испытал горькое разочарование».

Любопытнее всего выглядит тот факт, что, несмотря на государственную измену и возможную утечку, план наступления на Курскую дугу, предложенный Шмидтом, не был ни отменен, ни существенно изменен. Так же, как не прекратили немцы использовать «скомпрометированную» «Enigma»: немецкие инженеры только усложнили ее и выпустили обновленную версию, но в период Второй мировой войны британцы взломали и ее.

Так мог ли план тогда еще безымянной наступательной операции (кодовое название «Цитадель» было присвоено позже) быть «слит» уже на следующий день после подписания приказа № 5 А.Гитлером, 13 марта 1943 г., или даже в тот же день?

Теоретический, да – братья Шмидт поддерживали связь друг с другом, общались, обменивались мнениями. И что могло помешать Рудольфу поделиться с Гансом планами верховного командования германскими вооруженными

силами наступать в районе Курска (тем более, что он относился к Гитлеру, мягко говоря, «не очень»)? В принципе – ничего, но доказательств этому нет (по крайней мере, о них ничего не известно).

Но есть основания считать, что Ганс-Тило Шмидт был связан с советской разведкой.

П.А.Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль. Записки опасного свидетеля» писал следующее: «В начале 1941 г. Василевский (Л.П.Василевский – советский разведчик, полковник госбезопасности) создал сеть нелегалов во Франции. Главной фигурой на связи с ними был полковник Шмидт, ответственный сотрудник шифровальной службы абвера. Василевский узнал, что в начале 1930-х гг. Шмидт был завербован французской разведкой. Французские коммунисты, помогавшие людям Василевского, установили, что также Шмидт работал на британскую спецслужбу. Имя английского агента, с которым Шмидт поддерживал контакт во Франции, нам сообщил Маклин еще в 1939 г. По характеру материалов, переданных Василевскому, мы поняли, что англичане регулярно перехватывают и расшифровывают немецкие радиogramмы».

Как указал П.А.Судоплатов, «полковник Шмидт» сотрудничал с советской разведкой «непродолжительное время»: «в 1942–1943 гг. до своего разоблачения».

Еще в феврале 1943 г. он смог передать французскому подполью информацию, а затем «немцы выследили подозрительные связи Шмидта, и он бесследно исчез».

Павел Анатольевич не указывает имени «полковника Шмидта», однако с большой долей вероятности можно предположить, что «полковник Шмидт» и Ганс-Тило Шмидт – одно и то же лицо, поскольку все основные данные по нему совпадают: работа в шифровальной службе, сотрудничество с французской разведкой и время «исчезновения» – весна 1943 г.

Мы знаем, что Ганс-Тило Шмидт не «бесследно исчез», а был арестован 1 апреля 1943 г. До этого времени теоретически (именно теоретически) он вполне мог передать сведения о подготовке немцами наступательной операции на Курской дуге. Таким образом, предположения о том, что советской стороне об этих планах могло быть известно уже в марте 1943 г., не лишены оснований.

В любом случае, победа Красной армии в Курской битве – результат не только храбрости и доблести советских воинов, но и огромной подготовительной работы, проведенной «бойцами невидимого фронта» – разведчиками, а также стратегами, инженерами, диверсантами, пропагандистами, и об этом речь впереди.

Продолжение следует.

В

Мемориал, установленный на месте боев на Курской дуге.

ГЕОРГ ОТС И УРАЛ

Марина ПЛАКСИНА

Общество уральских
краеведов,
Уральское историко-
родословное общество,
Уральское генеалогическое
общество.
г. Екатеринбург.

21 марта 2020 г. исполняется 100 лет со дня рождения Народного артиста СССР и Народного артиста родной Эстонии – маэстро Георга Каареловича Отса. Имя этого человека преодолело границы времени и государств, Георг Отс до сих пор популярен в странах бывшего СССР, да и во всем мире немало его поклонников. Георг Отс остается непревзойденным и неподражаемым певцом-баритоном.

Георг Отс – музыкант в четвертом поколении. Прадед Георга – Тыну Отс – был виртуозным скрипачом, дедушка Ханс играл на рояле и органе, дирижировал хоровым коллективом. В 1874 году по инициативе Ханса Отса в Нарве было основано первое в городе эстонское общество «Ильмарине», объединившее любителей театра и музыки.

Отец непревзойденного Мистера Икс – тенор Каарель Отс – окончил в 1918 году Петроградскую народную консерваторию (педагог Г.А.Морской) и солировал в таллинском театре «Эстония», стал народным артистом Эстонии (1957).

Несмотря на то, что будущий певец родился в Петрограде, где родители также участвовали в эстонских музыкальных обществах, семья, приняв эстонское гражданство, вернулась в Таллинн, где Георг окончил Французский лицей, военное училище на улице Тонди, а также первый курс Таллиннского политехнического института как архитектор; успел стать чемпионом Эстонии по плаванию. В семье, имеющей эстонские, русские и немецкие корни, говорили и пели на нескольких языках, что оказалось значимым в его дальнейшей судьбе.

После нападения Германии на СССР летом 1941 года, Георг в

числе других военнообязанных был мобилизован в РККА и отплыл из Таллинна на санитарном транспорте «Сибирь» в Ленинград для зачисления в армейские части. 18 августа в районе острова Гогланд (Суурсаар) «Сибирь», шедшая с минным заградителем «Урал» в сопровождении шести тральщиков, была атакована немецкими бомбардировщиками и затонула. Некоторое время семья Георга Отса считала его погибшим в Финском заливе, но певца спас матрос минного тральщика, сопровождавшего судно. Георг Отс продержался под бомбежкой в водах Финского залива более 18 часов! В Кронштадте пассажиров «Сибирь» пересадили на минзаг «Урал» и отправили в Ленинград.

В Ленинграде на дальнейшую судьбу Георга Отса негативно повлияло расформирование эстонских частей Красной армии. С включением Эстонии в состав СССР эстонская армия была преобразована в 22-й Эстонский территориальный стрелковый корпус Красной армии. Все солдаты и командиры корпуса сохранили форму эстонской армии образца 1936 г., на которую были нашиты знаки различия, принятые в РККА. Дополнительно за июнь 1941 г. в Эстонской ССР было мобилизовано в РККА 36 972 человека, которые с началом войны были эвакуированы вглубь территории Советского Союза. В сентябре 1941 г. 22-й Эстонский территориальный стрелковый корпус был расформирован в связи с тем, что часть его солдат и командиров перешла на сторону противника.

После расформирования корпуса его военнослужащие и мобилизованные в армию эстонцы по распоряжению начальника Главного политуправления и заместителя наркома обороны армейского

комиссара 1-го ранга Л.З.Мехлиса были направлены в трудовые батальоны, дислоцировавшиеся в отдаленных районах Севера и Урала. «Трудовой батальон» – общее понятие, объединявшее рабочие подразделения как подчинявшиеся первоначально командованию Красной армии, так и позже входившие в систему НКВД, которые использовались и в тылу, и в непосредственной близости к фронту. В трудовые батальоны отправляли не только призывников, но и уже обученных солдат и командиров из представителей народов, не вызывавших доверия Верховного Главнокомандующего. Это решение до сих пор негативно сказывается на отношениях Эстонии и России.

Георг Отс, как и другие эстонцы, выжившие в переходе из Таллинна в Ленинград, был отправлен на Урал, в распоряжение Уральского военного округа. По сведениям Б.Н.Стрельникова (1) и К.Райг (2) поезд вез певца в Зырянку, маленькую железнодорожную станцию в 19 километрах от поселка Юргамыш в Челябинской области (с 1943 года это Курганская область). Усталые, голодные, изможденные, без теплой одежды, без знания языка – новобранцы оказались на грани смерти. И здесь Георгу очень пригодилось знание русского языка, которому его учила бабушка, – он стал посредником, переводчиком и истинным спасением при общении с местными жителями. А еще – запевалой в рабочем батальоне. Что может быть дороже, чем звучание родной песни вдали от малой родины? Б.Н.Стрельников пишет, что январь 1942 г. застал Георга в Юргомыше, где он получил новое назначение и вместе с другими солдатами выехал в Камышлов(1). К сожалению, военный комиссар современных Мишкинского и Юргамышского районов Курганской области О.В.Андреев на запрос о нахождении Георга Каареловича на станции Зырянка Юргамышского района ответил, что «в военном комиссариате сведений нет никаких. Сохранились сведения только тех людей, которые были направлены в войска по мобилизации... По книгам, призванных по мобилизации Отс Г.К. отсутствует.

По проверенным архивным данным никаких следов Отса Г.К. не сохранилось»(3). Понятно, что мобилизационные списки составлялись на призывников местных военкоматов, но где-то должны быть списки прибывших из других мест. Остался не выясненным и источник информации о пребывании Георга Отса на станции Зырянка, но в эстонской «Книге памяти» среди лиц, подвергшихся принудительной мобилизации, находим запись: OTS, Georg, Kaarel m, s. 21.03.20, eluk. Tallinn, portup.- aspirant. 17.08.41 mobiliseeriti Punaarmeele, oli laeval nr.511, mis läks põhja, päästeti, tööpatalljon, kunstiansamblid. [ZEV II köide; Ojakäär2](10).

24 октября 1941 года секретарь ЦК КП(б) Эстонии Николай Каротамм и первый заместитель председателя СНК ЭССР Оскар Сепре обратились к председателю Государственного Комитета обороны СССР (ГКО) И.В.Сталину с предложением сформировать эстонское национальное воинское соединение Красной армии – Эстонскую стрелковую дивизию. 9 декабря 1941 г. Наркомат обороны СССР издал директиву ЦК КП(б) Эстонии, Совету народных комиссаров Эстонской ССР, командующему войсками Уральского военного округа генерал-майору А.В.Каткову и другим центральным учреждениям о формировании 7-й Эстонской стрелковой дивизии (2-го формирования). Постановление ГКО о формировании Эстонской стрелковой дивизии было принято в разгар боев под Москвой, 18 декабря 1941 года. Дивизии был дан номер 7-й (второго формирования в составе трех стрелковых полков (27-го, 300-го и 354-го) и 23-го артиллерийского полка.). 27 декабря командиром 7-й Эстонской стрелковой дивизии был назначен подполковник Карл Кангер (Karl Kanger).

7 января 1942 г. местом формирования дивизии была определена Свердловская область. Военный совет Уральского военного округа своим распоряжением от 7 января 1942 года определил районом формирования Камышловский учебный лагерь на реке Пышме (так называемый «Еланский разъезд»). Ее личный состав комплектовался из граждан Эстонской

ССР – военнотружущих бывшего 22-го Эстонского территориального стрелкового корпуса РККА и эстонских истребительных батальонов, призывников из числа мобилизованных и эвакуированных с территории Эстонии, а также эстонцев – уроженцев других регионов СССР. В настоящее время в поселке также имеется учебный центр – военная часть «Еланский гарнизон». Осенью 1941 года Еланские лагеря представляли собой по численности целую армию, где почти каждый день формировались маршевые роты, уходившие на фронт. Директивой предписывалось начать формирование дивизии с 25 декабря 1941 года и закончить к 10 февраля 1942 года. Формирование ее началось 9 января 1942 года. Было приказано немедленно поставить эстонское соединение на снабжение по нормам, действующим в Красной армии.

ЦК КП(б) Эстонии обратился в ГКО с просьбой разрешить формирование эстонского запасного стрелкового батальона. Наркомат обороны разрешил формирование в Свердловской области 1-го Отдельного эстонского запасного стрелкового полка. После ухода эшелонов с эстонскими дивизиями на фронт запасный полк до начала 1944 года, т.е. до выхода советских войск к Прибалтике, оставался на Урале, проводя обучение маршевых подразделений для пополнения эстонских стрелковых дивизий. Среди прочих дел в полку также занимались выявлением и направлением в эстонские воинские части граждан Эстонской ССР, оставшихся не мобилизованными. В состав полка входили четыре стрелковых батальона, учебные батальоны – пулеметный, минометный, другие. Впоследствии были созданы офицерский резерв, артиллерийский дивизион, рота автоматчиков, команда выздоравливающих.

В конце января 1942 года Георга Отса направили в эстонскую воинскую часть командиром взвода противотанковой артиллерии. Однако на запрос в Центральный архив Министерства обороны РФ в отношении нахождения Георга Каареловича в составе 7-й эстонской стрелковой дивизии был получен ответ: «В книгах учета

офицерского состава 7 сд за 1942–1945 гг., в финансовых документах 283 отдельного истребительного противотанкового дивизиона за 1942–1944 гг. Отс Георг Карлович (Каарелович) не значится»(13). Но служба длилась всего месяц: Георг Каарелович приболел. По сведениям Центрального архива военно-медицинских документов г. Санкт-Петербурга «в алфавитной картотеке персонального учета военнослужащих – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., проходивших лечение по поводу ранений (заболеваний) в военных лечебных учреждениях Отс Георг Каарелович (Карлович) 1920 года рождения, не значится»(11). Однако бытует легенда, что он лечился в одной из больниц г. Камышлова.

Необычным для воинской части было то, что руководство республики использовало полк как место сбора различных специалистов народного хозяйства, работников эстонского искусства и литературы. Они были демобилизованы из части и вошли в создаваемые в прифронтовом Ярославле Государственные художественные ансамбли Эстонской ССР, работавшие в тылу и постоянно выезжавшие на фронт. Объединившие творческую эстонскую интеллигенцию, они спасли жизнь многим эстонцам и послужили основой возрождения культуры в послевоенной Эстонии. Георг Отс в интервью, данном журналу «Музыкальная жизнь» в 1968 году, говорил следующее: «Меня призвали в Красную Армию, и в начале 1942 года я оказался в эстонских воинских частях. Некоторое время служил в Свердловске, и как раз там состоялась знаменательная для меня встреча. В Свердловск приехали артисты Прийт Пылдроос и Каарел Ирд, которые собирали кадры для национальных художественных ансамблей Эстонской ССР. Они услышали, что здесь, в одной из частей, находится сын певца Карла Отса, и так как им нужны были хористы, то решили меня испробовать: уж сын певца наверняка умеет петь хоть немножко. Я действительно обладал некоторым опытом в этом отношении: приходилось петь и в детских хорах, и в хоре Политех-

нического института. В результате меня охотно приняли в один из ансамблей»(14). Однако на запрос в Государственный архив Ярославской области о том, откуда прибыл Георг Каарелович в Ярославль, был получен ответ: «Среди других дел, были просмотрены материалы «Адресного бюро Управления милиции по Ярославлю» (1936–1943 гг.) – «Листки прибытия», «Адресные листки», «Листки убытия», составлявшиеся на граждан; поисковая электронная архивная информационная система «АИС-Элар», содержащая данные об ансамблях самодеятельности и персоналиях по фамилии «Отс» – Георг Отс не найден» (15). Также в ответе было отмечено, что «Документы Ярославского ордена Ленина и ордена Октябрьской революции шинного завода «Гигант» за 1942–1944 гг., – в ГАЯО не поступали», а именно на площадке клуба этого завода начали свою деятельность национальные художественные ансамбли Эстонии. Значит, предстоял дальнейший поиск... Обращение в Национальный архив Эстонии (National Archives of Estonia), где следов нахождения Георга Отса на военной службе не нашлось, привело к просмотру еще ряда фондов:

а) The collection of the History Committee of the Great Patriotic War – коллекция исторического комитета Великой патриотической войны, где в карточном алфавитном указателе лиц, которых посылали в трудовые батальоны, Г.Отс не значится. ERAF.32.12.170.

б) The card index of the Defence Resources Agency – картотека Агентства оборонных ресурсов, содержащая информацию о военной службе эстонских мужчин в Советской армии, будущий маэстро также не значится. ERA.5056(16).

Отс был откомандирован в Ярославль и в качестве артиста второй категории зачислен в смешанный хор, которым руководил будущий народный артист СССР Густав Эрнесакс. Как солист Отс впервые выступил перед ранеными воинами в одном из ярославских госпиталей. Всего же за свою жизнь Георг Каарелович исполнил более 500 песен более чем на 20 языках!

Архив Российской государственной телерадиокомпании любезно предоставил информацию о двух песнях на русском языке, посвященных городам Урала, точнее – Зауралья: «Шадринск родной» и «К нам добро пожаловать, в Курган!», которые исполнял маэстро. Музыка к ним написана ленинградским композитором Федором Федоровичем Мартыновым(4). С 1940 г. он работал на Урале и в Сибири. За время своего пребывания в Шадринске композитор написал музыку на слова местного автора В.Запашикова(5) «Шадринск родной». Владимир Васильевич Запашиков (17.02.1924–1984), имел специальное музыкальное образование. В 1961 г. он работал директором ДК колхоза «Россия» в селе Красномыльское. В Кургане вышел сборник песен, музыку к которым написал Ф.Ф.Мартынов – «20 песен с сопровождением фортепьяно или баяна-аккордеона и вокально-симфоническая сюита «Героюлюдиновцы» с сопровождением фортепьяно». Курган: Советское Зауралье, 1963, – 95 с. Перечень сочинений этого автора представлен в издании С.Б.Борисова «Шадринская энциклопедия»(4).

Текст этой песни с нотами был опубликован в газете «Шадринская правда»(6) и фундаментальном издании профессора кафедры философии и культурологии Шадринского педагогического университета, лауреата уральской краеведческой премии им. В.П.Бирюкова, председателя Шадринского общества краеведов С.Б.Борисова. «Уральская художественная энциклопедия»(7). Газета «Шадринский рабочий» 1 августа 1986 г. отмечала: «Улицы с кленами, сосны зеленые, мост над Исетью-рекой» – много лет назад прозвучала эта песня о нашем городе по Всесоюзному радио в исполнении известного певца Георга Отса»(8). Георг Каарелович Отс исполнил и еще одну песню о зауральском крае – «К нам добро пожаловать, в Курган!»(9).

Память Георга Каареловича Отса достойно увековечена: на доме № 5 по улице Каарли пуйестез в Таллинне, где жил певец, установлена мемориальная доска и барельеф; его именем названа улица в центре Таллинна у Эстонского

драматического театра и национальной оперы «Эстония», в которой долгие годы беззаветно служили отец и сын Отсы; его имя носит таллинское музыкальное училище и малая планета (3738) «Отс», открытая астрономом Крымской астрофизической обсерватории Н.С.Черных 19 августа 1977 года. В 1975 году, в год ухода Георга Каареловича, выпущена памятная медаль, существующая всего в 25 экз. (художник В.Куйк) и учреждена премия его имени. К вековому юбилею в Таллинне планируют установить памятник маэстро. В Санкт-Петербурге на Большой Охте, где в Георгиевской больнице (ул. Полевая, д. 5) родился будущий певец, безымянный сквер назван его именем⁽¹²⁾. Театры «Эстония» и «Геликон опера» осуществили совместную постановку «Мистер Георг Отс».

Автор выражает благодарность за подвижническую помощь в написании материала:

сотрудникам Музея театра и музыки Эстонии, архивистам Российской государственной телерадиокомпании, краеведам Курганской областной библиотеки им. А.К.Югова и их коллегам из библиотеки Шадринского педагогического университета, краеведам библиотек гг. Камышлов, Каменск-Уральский и Талица.

Особая признательность – работникам Национального архива Эстонии, Центрального архива Министерства обороны, Центрального архива Министерства внутренних дел, Центрального архива военно-медицинских документов, Государственного архива административных органов Свердловской области, Государственного архива Ярославской области, Военного комиссариата Мишкинского и Юргамышского районов Курганской области.

Примечания:

¹ Стрельников Б.Н. Георг Отс. – М; Л, 1963. – С. 34-35.

² С Невского проспекта через Челябинск в Зырянку // Райт К. Мистер Икс: жизнь Георга Отса. – Таллинн, 2015. – С. 35-37.

³ Военный комиссариат Курганской области. Военный комиссариат Мишкинского и Юргамышского районов. Ответ № 532 от 10 июня 2019 г.

⁴ Мартынов Ф.Ф. // Борисов С.Б. Шадринская энциклопедия: в 2 т. / С.Б.Борисов. – Шадринск, 2010. – Т. 1. – С. 410; Мартынов Федор Федорович // Борисов С. Б. Шадринская энциклопедия: в 3 т. / С.Б.Борисов. – 2-е изд., испр. и доп. – Шадринск, 2013 – Т. 2: Ком-Тех. – С. 100.

⁵ Запащиков Владимир Васильевич // Борисов С.Б. Шадринская энциклопедия: в 3 т. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Шадринск, 2013. – Т. 1: А-Ком. – С. 384.

⁶ Шадринск родной: [текст] // Шадринская правда. – 1959. – 7 нояб.; Шадринск родной: [ноты с начальными словами] // Шадринская правда. – 1960. – 24 мая.

⁷ «Шадринск родной»: песня на муз. Ф. Мартынова, сл. В.Запащикова // Борисов С.Б. Уральская художественная энциклопедия. – Шадринск, 2016. – С. 488.

⁸ Отс Георг Карлович // Борисов С.Б. Шадринская энциклопедия: в 3 тт. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Шадринск, 2013. – Т. 2: Ком-Тех. – С. 236.

⁹ К нам добро пожаловать, в Курган // Мартынов В.В. Северянка: 20 песен с сопровождением фортепьяно или баяна-аккордеона. – Тюмень, 1963. – С. 12-15; К нам добро пожаловать, в Курган!: «Ярким солнцем за победу трудовую...» / муз. Ф. Мартынова ; слова Н. Щербакова // Советское Зауралье. – 1960. – 11 дек.

¹⁰ EESTLASED VENE SÕJAVÄES 1940–1945: estonians in russian armed forces: 10 tt. – Tallinn, 2009 – Т. 10, р. 2 (M-Sel). – P. 346.

¹¹ Центральный архив военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург. Ответ № 8-87 н от 3 июля 2019 г.

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Архивная справка 02042002 № 738/Т [о рождении Георгия Отса] // Райт К.Мистер Икс: жизнь Георга Отса. – Таллинн, 2015. – С. 18.

¹³ Центральный государственный архив Министерства обороны РФ, г. Подольск. Ответ на № ОГ 13/5 — 1056 от 9 августа 2019 г.

¹⁴ Георг Отс /беседу вели Л. Григорьев, Я. Платек // Музыкальная жизнь. – 1968. – № 22. – С. 18, столб. I-II: портр.

¹⁵ Государственный архив Ярославской области. Ответ 27.11.2019 № Т-2583 на обращение от 06.11.2019 г.

¹⁶ National Archives of Estonia. Rahvusarhiiv ответ от 06.12.2019 № 7-3/19/3872.

ШАДРИНСК РОДНОЙ

Поезд летит зауральской сторонкою,
Стелется пар покрывалом седым.
Ветер поет в проводах песню звонкую,
Мы у окошка с тобою сидим.
Вот уж вокзал и постройки перронные...
Здравствуй, наш город, наш Шадринск родной,
Сосны зеленые, улицы с кленами,
Мост над Исетью-рекой!
В городе этом прошли годы школьные,
Здесь мы учились, любили, росли,
Здесь мы гуляли лугами раздольными,
Здесь свое счастье и радость нашли.
Годы прошли, ты по-прежнему дорог нам,
Здравствуй, наш город, наш Шадринск родной,
Сосны зеленые, улицы с кленами,
Мост над Исетью-рекой!
Пусть невелик, но делами хорошими,
Ты стал известен в любимой стране,
Не было песни о Шадринске сложено.
Мы эту песню сложили тебе.
В новых победах и в новых дерзаннях,
Здравствуй, наш город, наш Шадринск родной,
Сосны зеленые, улицы с кленами,
Мост над Исетью-рекой!

Вл. ЗАПАЩИКОВ.

с. Красномылье.

И нам добро пожаловать, в Курган!

Слова Н. Щербакова

Музыка Ф. Мартынова.

Полжественно, но не затягивая

ЯР-КИМ СОЛ-НЦЕМ ЗА ПО-БЕ-ДУ ТРУ-ДО-ВУЮ — ОР-ДЕН

ЛЕ-НИ-НА НА ЗНА-МЕ-НИИ ГО-РИТ. СНО-ВА

ДЕР-ЖИМ ВАЖ-НЫ НА ПЕ-РЕ-ДО-ВУЮ — ЮНО-ВЫИ ПУТЬ НАМ К ПО-

БЕ-ДЕ ОТ-КРЫТ РАС-ЩЕ-ТА-ЮТ ПОД

СОЛ-НЕЧ-НЫМИ НЕ-БОМ В ЗА-УРА-ЛЬЕ СА-

ДЫ «И ПО-ЛЯ И СТА-ДА-МИ БО

ГА-ТА, УМ-ХЛЕ-БОМ ПЛО-ДО РОД-НА Я

НА УША ЗЕМ-ЛЯ СКА-НО (НА ДУ) — СТЫ И В ТРУ-

ДЯК НЕ ВМЕС-ТЕ К НАМ УТ-НОМ ПРА-ЕЗ-ЖАЮТ И СТА-ТЬЕ

СТРО-ИТЬ К НАМ ИМ ДРУ-ЗЕЙ ВСТРЕ-ЧА-ЕМ

ДРУ-ЗЕЙ ТА-ДУЖЕ — НО К НАМ ДОБ-РО ПО-

ЖА-ЛО-ВАТЬ, В КУРГАН

Ярким солнцем за победу трудовую
Орден Ленина на знамени горит.
Снова держим шаг мы на
передовую —
Новый путь нам к победе открыт.
Расцветают под солнечным небом
В Зауралье сады и поля.
И стадами богата и хлебом
Плодородная наша земля.
На досуге и в труде у нас
Приезжайте счастье строить вместе
к нам:
Мы друзей встречаем дружно
и радушно —
К нам добро пожаловать, в Курган!

Жить в Кургане веселее стало
людям.
Хорошоют наши села с каждым
днем.
Потому что мы любое дело любим,
Честь и славу труду воздаем.
Звезды смотрятся в наши озера.
Звезды падают в наши леса:
Голубые ролные просторы —
Наша гордость и наша краса!
На досуге и в труде у нас
не скучно.
Приезжайте счастье строить вместе
к нам:
Мы друзей встречаем дружно
и радушно —
К нам добро пожаловать, в Курган!

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ: ЛЕГЕНДЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ...

Нина ЕРОФЕЕВА

Член Союза журналистов
СССР, заслуженный работник
культуры РФ.

Мне привелось в начале 90-х годов, работая в Свердловской государственной телерадиокомпании, готовить цикл передач «Николай Кузнецов. Легенды продолжаются». В это время на Западной Украине и у нас в печати появились статьи, обливающие грязью подвиг разведчика. Доброе имя Героя нуждалось в защите. Честь и хвала моим свердловским и московским коллегам-руководителям (несколько передач цикла прошли и по Центральному телевидению), которые вопреки тогдашней конъюнктуре поддержали и благословили меня.

В моей работе немало общеизвестных фактов, касающихся непосредственно разведдеятельности Н.Кузнецова. Но хочется рассказать и о том, что прочувствовано, осмыслено, пережито лично мной, когда я прикоснулась к этой Личности, ставшей для меня объектом журналистского исследования, поклонения, моих дум и тревог.

**«Я спустился с неба на землю,
чтобы мстить за кровь и слезы
наших матерей и братьев...»**

5 ноября 1944 года был опубликован правительственный Указ, в котором говорилось: «За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание «Героя Советского Союза...» Далее шли 12 фамилий, и среди них Кузнецов Николай Иванович.

Кто это? Фамилия очень распространенная у нас без каких-либо иных дополнительных сведений никому ничего не сказала. Ни брат, ни сестра Героя, ни друзья по школе в уральской деревне Зырянке, ни сокурсники по Талицкому лесному

техникуму, ни сослуживцы-уралмашевцы – никто не мог подумать, что речь идет о хорошо знакомом, дорогом им человеке. Партизаны же отряда особого назначения войск НКВД «Победители» из этого Указа узнали подлинную фамилию своего боевого товарища, кого они называли Николаем Васильевичем Грачёвым, и кто в оккупированном немцами Ровно действовал в облике обер-лейтенанта Вермахта Пауля Зиберта.

Его уже не было в живых... Однако во время войны бывало, что воскресали те, на кого оформлялись похоронки. Видимо, у готовивших указ, тлел уголек надежды – и потому в нем не было проставлено слово «посмертно». Через несколько лет о Николае Кузнецове узнает вся страна.

Две жизни Николая Кузнецова

Осенью 1942 г. на улицах оккупированного немцами Ровно появился статный аристократической внешности обер-лейтенант с Железным крестом первого класса и «Золотым знаком отличия за ранение» на груди. Пауль Зиберт, выходец из Восточной Пруссии. Он же «Дух». Он же Николай Васильевич Грачёв. Он же Рудольф Вильгельмович Шмидт. Он же «Колонист». Он же Николай Иванович Кузнецов. Советский разведчик и партизан. Человек, на долю которого выпало одновременно прожить несколько жизней. «Я, Пауль Вильгельм Зиберт, родился 28 июля 1913 г. в Кенигсберге в семье лесничего...» – это из «автобиографии» офицера Вермахта, под именем которого предстояло действовать нашему легендарному разведчику.

На самом же деле Николай Иванович Кузнецов, нареченный при

Снимок, подаренный другу юности.

крещении Никанором, родился 27 июля 1911 г. в деревне Зырянка, что в 225 км от Екатеринбурга. Какой вспоминал он родную деревню в свой последний час? Укутанной чистыми снегами, разогретой июльским зноем или промокшей насквозь под осенними дождями?.. В любом случае, она была для него дорогой, трогательной до слез...

«Мой отец Эрнст Зиберт служил лесничим у князя Рихарда Юона Шлобиттена, который владел двумя замками в Восточной Пруссии. Погиб в Первую мировую войну. Мать, Хильда, урожденная Кюннерт, умерла за 2 года до Второй мировой войны...» – на прягая воображение, он вживался в образ Пауля Зиберта, столь далекий от его собственной реальной жизни.

С чего начиналось утро в деревенском доме Кузнецовых? С пения петуха... С сухого потрескивания дров в печи, куда мать ставит чугунок с картошкой. Во дворе что-то звякнуло – видно, отец правит косу. Кубарем скатывается Никоша с полатей – сна как не бывало. Нет ничего радостней, заманчивей для крестьянского мальчишки, чем вести под уздцы коня по росной траве к водопою. А впереди – длинный летний день, наполненный заботами: двор подмести, дрова наколоть, воду принести, а может, и с родителями в поле, на сенокос – привычные сызмальства и потому не тягост-

ные труды. Так их, всех четверых, воспитали отец и мать – Иван Павлович и Анна Петровна, сами отличавшиеся завидным трудолюбием. Отец к тому же удивлял односельчан и тем, что охоч был до разных новшеств: то севооборот, о котором соседи не слыхали, применит, то сменит деревянную соху на железный плуг, то заведет первую в деревне пасеку.

В семье царило уважение друг к другу, покой и удивительный порядок. И потому порядок был в душе. Никоша усвоил с молоком матери такие простые житейские истины, что весной надо пахать поле, осенью убирать урожай, чтить старших, жить в согласии с природой и любить, защищать, если потребуется, землю, на которой живешь, где стоит твой дом, где серебрится речка Березовка, где так неоглядны лесные дали... А разве может быть иначе? «Отчизна, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, и я сделаю это», – просто и убежденно скажет Николай Иванович Кузнецов в посмертном письме.

Зимним вечером в гостеприимном доме Кузнецовых собирались родственники, соседи. Маленького Нику ставили на стул, и он звонким голосом декламировал произведение Кондратия Рылева «Смерть Сусанина»: «Предателя мнили найти вы во мне? Их нет и не будет на русской земле!» Глаза отца светились гордостью за сына.

По требованию разведцентра, готовившего его к деятельности в тылу врага, Кузнецов должен был прекрасно знать места в Восточной Пруссии, где родился и вырос Пауль Зиберт. Его родственников, соучеников, друзей. Быт, нравы, привычки, популярные немецкие песни. Названия магазинов, кинотеатров, кафе, ресторанов... Он должен был постичь жизнь чужого человека лучше, чем свою. А память не желала вычеркивать из сердца звенящие, солнечные картины детства и юности в Зырянке и Талице, куда Ника Кузнецов приехал учиться в «семилетке», а потом – в лесном техникуме.

Однокашники вспоминали его физически крепким, сноровистым пареньком, очень способным к учебе и особо одаренным артистизмом: увлеченно играл Никоша в школьном драматическом кружке. В биографии Кузнецова много удивительного – словно ему было уготовано свыше предназначение народного заступника, который в час испытания пересилит, превазойдет, перехитрит самого изощренного, хитроумного врага, повергнет его в страх, смятение. И для того сама природа одарила его талантами, прекрасной внешностью.

А не рука ли судьбы в том, что в Талице, в глухом по тем временам провинциальном городке, в семилетней школе, где пришлось учиться Кузнецову, собралось целое созвездие прекрасных педагогов. И среди них Нина Николаевна Автократова – преподаватель немецкого языка, получившая образование в Швейцарии. Это был его шанс. И надо же, что в местной аптеке оказался бывший пленный австриец Краузе, с которым Ника вел долгие беседы, совершенствуя разговорный немецкий. А диковинный дендрарий – это ли не чудо? Как и лесной техникум, основанный С.Г.Вронским, лесничим промышленника Поклевского, с научными лабораториями, с хорошо продуманной учебной программой, развивающей молодых людей и физически, и умственно, с большим количеством практических занятий непосредственно на природе, с многокилометровыми обходами зимой ночью по лесу, где не редкость встреча с медведем и волками. Все это захватило неуемную, любознательную натуру Кузнецова. Он с благодарностью перенимал навыки ориентировки на местности, чтения планов и карт, владения холодным и огнестрельным оружием, словно знал, что они пригодятся ему в дальнейшей деятельности.

В музее разведчика в Талице сохранился гербарий Никоши Кузнецова: тоненькие высохшие былинки бережно уложены в коллекцию мальчишечьей рукой – удивительно нежной, в которой, тем не менее, когда потребуется, «не дрогнет пистолет».

Начало чекистской деятельности

В апреле 1930 года Н.И.Кузнецова зачислили на скромную должность помощника таксатора в земельном управлении Кудымкара – столицы Коми-Пермяцкого национального округа. Именно в кудымкарскую пору он стал сотрудником негласного штата органов государственной безопасности. Предложение работать в ОГПУ он принял за честь, оказываемую далеко не каждому, вполне в духе того времени, в силу своего глубокого патриотизма и комсомольского энтузиазма.

А если говорить о личной жизни, то здесь, в Кудымкаре, как свидетельствует городской отдел ЗАГСа, 2 декабря 1930 года Николай Иванович зарегистрировал свой брак с медсестрой Евгенией Петровной Чугаевой. 4 марта 1931 года брак был расторгнут.

Впоследствии Елена Петровна закончила мединститут, стала врачом. Во время войны лечила раненых в полевых госпиталях. Потом вышла замуж, уехала во Владивосток. Журналист из Кудымкара Геннадий Константинович Конин пытался ее найти, но она не отвечала вплоть до середины 70-х годов – как оказалось, Елена Петровна никак не могла поверить, что легендарный разведчик и ее бывший муж – одно и то же лицо.

Активная чекистская деятельность Кузнецова развернулась в Свердловске с его мощной оборонной промышленностью, которую требовалось оберегать специфическими методами контрразведки.

Переехав в Свердловск в 1934 г., Николай Иванович работает сначала в Свердловске, непродолжительное время на Верх-Исетском металлургическом заводе, потом поступает на Уралмаш, в бюро технического контроля расцеховщиком. Уралмашевский период – очень существенный в жизни Кузнецова. Здесь он имел возможность много общаться с иностранными специалистами, особенно с немцами, не только шлифуя язык, но и перенимая привычки, вкусы, нравы. Для своих же сослуживцев – он очень интересный собеседник, душа компании, участник

загородных поездок, дружеских вечеринок...

Ветеран Уралмаша Валерий Степанович Шеломов рассказывал, что познакомился с Николаем Ивановичем, когда тот пришел к нему записаться в туристическую группу. В походах они подружились. Шеломов не раз бывал на квартире друга на улице Уральских рабочих, 26. Запомнил скромную обстановку: металлическая кровать, под ней – лыжи, лыжные ботинки, тумбочка, табурет. Возле умывальника, у зеркала, приколот лист со столбцами немецких слов, написанных от руки.

Что отличает его от других, это манера одеваться. Всегда безукоризненно аккуратен, иногда обескураживающе экстравагантен: брюки-гольф, гетры, ботинки на непривычно толстой подошве, серое кашне в крупную клетку, мягкая шляпа, щегольская тросточка, «сумочка-визитка»... Чем не иностранец! «Ты что – заискиваешь перед немцами?» – накидываются на него парни. «Время такое – все может пригодиться», – отвечает он.

В уралмашевском музее демонстрируются кожаные перчатки Н.И.Кузнецова, на которые он выменял у Леонида Грабовского (торгового представителя завода в Германии) «попугаистый» клетчатый пиджак, привезенный тем из очередной заграничной командировки. Как описывает сам Грабовский: «Весь день вижу моего «попуга» в клетчатом пиджаке страшно довольного».

Именно в это время в поведении Кузнецова замечено желание мистифицировать знакомых и незнакомых, причем весьма убедительно. Отголоски этих мистификаций дошли и до наших дней. Это касается его учебы в Индустриальном институте (ныне Уральский Федеральный университет, ранее – УГТУ-УПИ), защиты диплома на немецком языке, работы корреспондентом в одной из газет. Как считают современные исследователи, скорее всего, ничего этого не было, так как нет никаких документальных подтверждений. Возможно, предполагая, кем ему предстоит стать, Кузнецов примерял на себя различные роли:

студента-заочника, иностранца, журналиста. Впрочем, как знать? В одном из документов он указал, что освобожден от службы в рядах Красной армии по болезни, будучи на самом деле абсолютно здоровым. В другом сделал прочерк в графе «Какими иностранными языками владеете?» – при его-то знании немецкого!

У входа в УрФУ сегодня – памятная доска с именами героев Советского Союза. Среди них – Н.И.Кузнецов... Как бы там ни было, пусть навечно останется Николай Иванович среди студентов и преподавателей вуза, которые не предали его в пору всяческих гонений и развенчаний, не вычеркнули его из списка и из памяти.

В январе 1936 года Николай Иванович увольняется из конструкторского отдела Уралмаша. Нетрудно догадаться, что места работы Кузнецов не выбирал по собственному желанию... В это время он получает скромное, но весьма желанное собственное жилье.

Угловой дом довоенной постройки на Ленина, 52, корпус 1. Немного воображения, и ореол таинственности уже окутывает длинные унылые коридоры, лестничные марши, заржавевшую клетку лифта... Последний, 6-й этаж. На площадке одна-единственная квартира. Елена Викторовна Сакныне – племянница Н.И.Кузнецова вспоминает рассказ своего отца Виктора Ивановича Кузнецова: «Отец был удивлен и даже обижен, когда Николай, с которым они были очень дружны, попросил его не приходить к нему в гости без предупреждения. Он же не знал о тайной жизни брата».

А квартира, скорее всего, была явочной. Обращала на себя внимание хорошая мебель, библиотека с книгами на иностранных языках. Одна из книг «Всемирная история от Вестфальского мира до Наполеона» на французском языке сохранилась в семье племянницы. Причем, с распиской латинским шрифтом «Nikole K. 1936», сделанной рукой самого Николая Кузнецова.

Нарушая последовательное повествование, хочу с удовлетворением сказать, что администрация

Екатеринбурга в 2000 году вняла нашим многочисленным призывам с телеэкрана, если уж не об открытии в этом доме квартиры-музея (мы и сегодня не теряем этой надежды), то об установке хотя бы памятного Знака.

Вместе с бывшим мэром города Аркадием Михайловичем Чернецким нам с Еленой Викторовной Сакныне довелось открывать памятную доску. В канун 55-й годовщины Великой Победы наши земляки впервые увидели на стене дома это свидетельство: «Кузнецов Николай Иванович (1911–1944). Легендарный разведчик, Герой Советского Союза в 1936–37 годах жил по адресу: Ленина, 52\1».

В это время с Кузнецовым происходит событие, о котором так рассказал в своей книге «Раскрепощенные жизни» писатель Теодор Гладков: «Он попал в водоворот массовых репрессий и даже был арестован. Справедливости ради отметим, что действительно по неопытности и горячности он допустил в работе ошибки, которые признал и о которых искренне сожалел». В подвалах внутренней тюрьмы Свердловского управления НКВД Кузнецов провел несколько месяцев. К счастью, нашлись люди, сумевшие добиться его освобождения – между тем, ему едва не вменили жуткую «пятьдесят восьмую», контрреволюционную, расстрельную статью.

Дальнейшая жизнь Кузнецова связана с Москвой.

Московский период

Для агента органов безопасности «Колониста» (первый псевдоним Кузнецова) Великая Отечественная война началась задолго до того, как первые бомбы упали на нашу землю.

В книге генерал-лейтенанта НКВД Павла Анатольевича Судоплатова о деятельности Кузнецова в этот период говорится следующее: «Он готовился индивидуально как специальный агент против немецкого посольства».

Прекрасные внешние данные Кузнецова, его широкая эрудиция, уникальные лингвистические способности, высокий професси-

онализм давали ему возможность успешно противостоять немецкой агентуре, действовавшей в Москве под прикрытием дипломатических должностей. Иностранцы в Москве в конце 1930-х гг. увлекались бизнесом на антиквариате, золоте, часах, модных вещах. А еще театром и женщинами. В этих сферах и работал Кузнецов. Он слыл знатоком балета. Одно время даже всерьез обсуждался вопрос о назначении его ...администратором Большого театра!

Московский паспорт Николая Ивановича свидетельствует: имя, отчество, фамилия – Шмидт Рудольф Вильгельмович. Национальность – немец. Это одна из первых легенд разведчика. Кстати, «Шмидт» по-немецки – кузнец, т.е. подлинная фамилия была просто переведена на немецкий язык. Авторы легенды определили Руди Шмидту скромную, но достаточно привлекательную для иностранцев шпионскую должность инженера-испытателя авиационного завода № 22 знаменитого конструктора Илюшина.

Благодаря талантливому вхождению в доверие к нужным для нашей разведки иностранцам, часто через женщин, работавших в Германском посольстве или имевших интимные связи с дипломатами, Шмидт-Кузнецов добывал чрезвычайно важные сведения, участвовал в операциях по перехвату немецкой диппочты. Крупный работник контрразведки Ильин утверждает: «Мы с достоверностью узнали о готовящемся нападении Германии на СССР уже в марте 1941 года благодаря усилиям «Колониста». Рудольф Шмидт помог нашим органам завербовать советника посольства Словакии, которая была тогда союзницей Германии.

...А вот малоизвестная книга «Разведчик Николай Кузнецов в Черновцах». Она раскрывает еще одну страницу его деятельности перед самой войной, как бы детализирует то, о чем генерал НКВД Судоплатов лишь упомянул. Помните, он говорил о связях Кузнецова с немецким посольством? Там Кузнецов фигурирует как знаток

балета. А здесь – как авиаинженер... Факты, изложенные в этой книге, удостоверяет тоже вполне ответственное и компетентное лицо – начальник управления КГБ Украинской ССР тогда (издание 1990 года) по Черновицкой области генерал-майор Пикуза. Как это увязать одно с другим? Опять загадка, опять тайна.

Так о чем же эта книга? Мы перевели ее с украинского. Итак, в апреле 1941 года нашей разведке стало известно, что третий секретарь немецкого посольства в Москве Карл Мюллер – кадровый сотрудник 6-го, разведывательного управления СД – службы имперской безопасности Германии. Последнее время он особенно активизировался: его неоднократно замечали в районах размещения военных объектов в Подмоскovie. Потом зачастил в Черновцы якобы для ознакомления с историческими памятниками.

Разгадать истинные намерения Мюллера НКВД поручил Николаю Ивановичу Кузнецову, которому надлежало, став Рудольфом Вильгельмовичем Шмидтом, обрусевшим немцем, инженером авиазавода, отправиться в командировку в Черновцы.

Они оказались как бы случайно в одном купе. Мюллера, конечно же, заинтересовало немецкое имя и профессия спутника. Сам же он, прекрасно владея русским языком, представился Львом Николаевичем. После нескольких посещений вагона-ресторана он выразил желание продолжить знакомство в Москве. Кузнецов дал свой телефон. Они встречались в кафе возле парка Сокольники и дома у Николая Ивановича за шахматной доской. Очень тонко, умно, с мастерством профессионального разведчика Мюллер выпытывал у Шмидта сведения по авиастроению. Кузнецов, снабженный дезинформацией, безбоязненно выдавал якобы тайны. Удовлетворенный результатами этих встреч, Карл Мюллер однажды объявил, что он – сотрудник немецкого посольства.

«Не может быть! Вы разыгрываете меня», – заикаясь, как бы ошеломленный, промолвил Рудольф Шмидт.

«Нет, – отвечал Мюллер. – Мы с вами представители великой нации, которая скоро будет править всем миром. Вы как немец должны помогать фюреру в осуществлении его идей. Да и куда вам теперь деваться? Вы у нас на «крючке». Про вас уже знают посол фон Шуллербург и военный атташе».

Одно из наиболее серьезных заданий, которое Мюллер поручил Шмидту-Кузнецову – выйти на связь со шпионской организацией, действовавшей в Черновцах во главе с Кюстнером.

Кузнецов настолько вошел в доверие к Кюстнеру, что этот очень опытный агент собственноручно передал ему в руки добытые шпионские сведения, а также пакет с золотыми вещами, бриллиантами, валютой, предназначенной на поддержку фюрера и оформление зарубежных паспортов для агентов, желающих срочно отбыть в Германию, поскольку до нападения фашистов на нашу страну осталось 2 с половиной недели. Но Кюстнер и его агентура не успели уехать – они были арестованы органами госбезопасности.

В уралмашевском музее сохранились воспоминания торгпреда завода в Германии Леонида Грабовского о его последней встрече с Кузнецовым в этот период в Москве.

Июль. 1941 год. Станция метро «Дзержинская». Грабовского кто-то окликает: «Леня, это я». Перед ним – элегантный молодой человек в широкополой шляпе, закрывающей пол-лица. Но улыбка и жесты сразу выдают Кузнецова. Он подхватывает Грабовского под руку: «Пошли ко мне». Приводит к себе домой на улицу К.Маркса. Расспрашивает подробно о том, как Леонид был арестован в Германии в первые дни войны, как потом интернирован через Австрию в Москву. Вникает во все детали.

Потом озорно демонстрирует гостю новые костюмы. «Как франтом был, так им и остался», – смеется Грабовский. А Николай вдруг говорит: «Возможно, ты меня видишь в последний раз, у меня есть интересное задание», – и показывает визитку с немецким именем.

В 41 году Кузнецов пишет письмо на Урал в семью Прохо-

ровых, у которых он квартировал в Талице. Подлинник письма хранится в областном краеведческом музее. Там есть следующие строки: «За предвоенные годы я проехал почти всю Европу и лучше всего изучил Германию». А в 42-м году, прибыв в распоряжение отряда «Победители», Кузнецов скажет Д.Н.Медведеву: «В Германии я никогда не был». Вот такие разрозненные, противоречащие друг другу факты...

Подвиг разведчика

25 августа 1942 г. в ровенские леса на Западной Украине, в расположение партизанского отряда «Победители», руководимого Д.Н.Медведевым, был заброшен с самолета разведчик, которому отводилась особая роль. В отряде его знали немногие, да и то как Николай Васильевича Грачёва. Даже среди своих Кузнецов не мог быть до конца самим собой.

Пожалуй, на всей захваченной врагом советской территории не было населенного пункта, более интересующего нашу разведку, чем Ровно. Именно скромный Ровно, лишь за 2 года до войны ставший советским, гитлеровцы объявили «столицей» оккупированной Украины и расположили там рейхскомиссариат и более 200 важнейших штабов, управлений и военных учреждений.

Обер-лейтенант Зиберт, снабженный безукоризненно изготовленными в отряде подложными документами, чрезвычайно быстро вжился в среду оккупантов. Он стал завсегдаем лучшего в городе ресторана «Дойчегофф», офицерского казино, где проводили свободное время немецкие должностные лица. Зиберт был тактичен, неназойлив, но общителен. Часто он просто прислушивался к пьяным разговорам, извлекая из шелухи пустой болтовни зерна полезных сведений. Информация, выстроенная его аналитическим умом, намертво отпечатывалась в его уникальной памяти. О гарнизоне в Ровно. О дислокации и продвижении частей на Восток. Об оккупационных учреждениях. О деловых и личных качествах их руководителей, сотрудников.

Разведчик Николай Кузнецов – Пауль Зиберт. Ровно, 1943 год.

Во многом успеху способствовало владение Зибертом несколькими диалектами немецкого языка.

Довольно скоро обер-лейтенант обзавелся большим числом приятелей во многих кругах военного и чиновничьего аппарата Ровно, в том числе в рейхскомиссариате «Украина», некоторых штабах, даже в спецслужбах. Первые же сообщения, переданные Грачёвым Центру, были оценены как чрезвычайно важные, сенсационные и совершенно секретные. Благодаря ему удалось разгадать сведения о немецких ракетах «ФАУ-1» и «ФАУ-2», раскрыть тайну «Вервольфа» – так называлась ставка Гитлера под Винницей. Наша бомбардировочная авиация, информированная о расположении этой неприступной подземной крепости с точностью до десятков метров, превратила ее в груды развалин.

Говорят, история мировой разведки не знает примеров, чтобы разведчик такого уровня, такого класса, разведчик стратегического направления выступал еще и в роли боевика. Взять в руки меч возмездия Кузнецова заставили чрезвычайные обстоятельства, та невиданная, изощренная жестокость, с которой гитлеровцы приводили в действие свой план массового истребления детей, женщин, стариков, загоняя их в душегубки, сжигая в печах, вздер-

гивая на виселицы, зарывая заживо в землю.

В конце 1943 г. прессу и радио мира обошли сообщения одно sensationнее другого. «Стокгольм. Немецко-фашистская газета «Мюнхер Цайтунг» сообщила: «...На днях в своем кабинете был убит один из гитлеровских руководителей в Ровно – обер-фюрер СС Альфред Функ». Незадолго до этого стало известно, что в Ровно 15 ноября похищены генерал-майор войск «Остен-группен» Ильген и гауптман Гранау – личный шофер рейхскомиссара Украины Коха. Жители оккупированного Ровно из уст в уста передавали как легенду рассказы о суровом мстителе, карающем палачей. Это было дело рук Николая Ивановича Кузнецова и его помощников-партизан.

Кузнецов постоянно ходил по краю лезвия. Не один раз попадал в ситуации, когда провал казался неизбежным.

После пленения графа Гаана и фон Райса в их «Опеле» партизаны нашли великолепный «Вальтер». Как вспоминал заместитель командира отряда по разведке А.А.Лукин, в отряде категорически запрещалось пользоваться захваченным в бою оружием. Оно распространялось не на всех партизан, а только на разведчиков. «Кузнецов уговорил Медведева и меня оставить ему 14-зарядный «Вальтер» у себя».

Летом 43 года на квартире разведчицы Лидии Лисовской собралась офицерская компания, приглашенная Паулем Зибертом. В ходе разговора Зиберт похвалился тем, что во время последней командировки в Берлин ему подарили пистолет оригинальной, новой конструкции, и поднял пистолет над столом.

«Ну, не очень-то хвастайтесь, Зиберт, – сказал один из гостей. – У меня был точно такой же. Был да сплыл при довольно трагических обстоятельствах». И офицер рассказал о нападении партизан на шоссе Ровно-Киев. Закончил удрученно: «Я до конца жизни буду помнить номер этого пистолета – 46710».

Кузнецов невольно взглянул на свой «Вальтер» – 46710.

Стоило кому-то из соседей попросить «Дайте посмотреть пистолет», – и провал. Но Кузнецов нашелся: «Я сдаюсь! У моего номера больше. Значит, вы владели таким замечательным пистолетом раньше меня». И спокойно спрятал злополучный «Вальтер» в кобуру.

Одной из главных задач отряда «Победители», руководимого Д.Н.Медведевым, было уничтожение наместника Гитлера, рейхскомиссара Украины, гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха. Выполнить эту задачу должен был Николай Грачёв (Кузнецов). Подумать только: человек с фиктивными документами, не приписанный ни к какой части, не прописанный ни в одном доме города Ровно, пробивается на официальный прием к столь высокопоставленному лицу! Повод – освободить от отправки в Германию Валентину Довгер – якобы невесту Пауля Зиберта. Кузнецов готов совершить покушение, даже если это будет стоить ему жизни. Однако система охраны важной персоны Третьего рейха исключает возможность не только достать пистолет, но и просто шевельнуть рукой. Разоткровенничавшись с обаятельным молодым офицером-фронтовиком, более того, признав в нем своего «земляка», Кох вдруг проговаривается о готовящемся сражении на Курской дуге. Николай моментально оценил важность услышанного...

Своевременно разведав планы врага, советское Верховное главнокомандование осуществило по противнику упреждающий удар всесокрушающей силы, окончательно переломивший хребет фашистскому зверю. Так что в исторической победе на Орловско-Курской дуге есть доля ратного труда партизанского отряда «Победители», и в первую очередь, его разведчика – Николая Ивановича Кузнецова.

Войдя в приятельские отношения со штурмбаннфюрером фон Ортелем, имевшим тайные полномочия от Берлина, от «СД-аусланд», Зиберт-Кузнецов оказался отчасти посвящен в готовившуюся операцию под руководством знаменитого эсэсовского боевика и террориста Отто Скор-

цени. Разведанные, полученные Кузнецовым, помогли предотвратить покушение на глав трех стран антигитлеровской коалиции: Сталина, Рузвельта и Черчилля, собравшихся в 1943 году в Тегеране.

С приближением фронта к Ровно в начале 1944 г. командование решило отправить во Львов несколько разведгрупп, включая и группу Н.И.Кузнецова. Наряду с основной разведывательной работой, Кузнецову была дана санкция на уничтожение высоких чинов Вермахта, а затем ему надлежало следовать вместе с отступающими немецкими войсками к Кракову, куда должны были эвакуироваться оккупационные учреждения. Во Львове Пауль Зиберт появился 18 января 1944 г. – как всегда, блистающий выправкой, с Железным крестом на груди. Его сопровождали партизаны Ян Каминский и Иван Белов – тоже в немецкой форме.

Так случилось, что разведчики оказались в оккупированном немцами городе без конспиративных квартир, без надежных людей. Отсутствие связи с отрядом делало их работу бессмысленной. Но Николай Иванович не мог сидеть сложа руки, когда лилась кровь, когда враг в предсмертной агонии жег, грабил, вешал, угонял в кабалу русских, украинцев, белорусов, евреев... О деятельности Кузнецова во Львове стало известно по документам гестапо, захваченным нашими войсками. В рапорте шефа гестапо г. Львова Краузе сообщалось: «9 февраля 1944 года около 7 часов 45 минут во Львове, на Лейтенштрассе, еще до сих пор неизвестной личностью было произведено покушение на вице-губернатора Бауэра и доктора Шнайдера. Нападающий, видимо, стрелял из самозарядного пистолета сразу в обоих».

Он вершил свой праведный суд, руководствуясь собственной совестью, ничем не подстраховывая себя, всякий раз идя на риск, как камикадзе, действуя дерзко, открыто и, видимо, именно поэтому без промаха. 31 января около 17.00 на Валовенштрассе, 11, где размещался штаб военно-воздушных сил, вошел неизвестный в форме гауптмана. «При проверке его ко-

мандировочного удостоверения мнимый гауптман, который назвал себя Паулем Зибертом, – значитесь в документе, – тремя выстрелами в упор застрелил подполковника Петерса и ефрейтора Зайделя и незаметно скрылся». При выезде из города Кузнецов убил также майора фельджандармерии Кантера, пытавшегося задержать машину. Полиция безопасности наверняка свела воедино все три покушения. Над группой Кузнецова нависла реальная опасность ареста, поэтому разведчики принимают решение бросить свой серый «Пежо» с пробитыми колесами и пробиваться к своим через линию фронта. На этом заканчивается история Пауля Зиберта. Он свое дело сделал. Но оставался советский разведчик Николай Иванович Кузнецов, пытавшийся вывести свой отряд с вражеской территории. Как стало известно, в марте 1944 г., после нескольких дней скитаний по лесам, группа Кузнецова погибла в неравной схватке с бандеровцами.

Найти человека

Закончилась война. Пришла оплаченная миллионами жизнью Победа. Не было предела радости людей, дождавшихся своих солдат с фронта. А Виктор Иванович Кузнецов и его сестры Агафья и Лидия томилась в неизвестности и тревожном предчувствии: несколько лет от брата не было никаких вестей.

Виктор Иванович воевал с 41 года, попал в окружение, с боями вышел... При переформировании он оказался в Москве и к великой радости встретился с братом. Николая он нашел необычно нервным. Как истолковал это Виктор Иванович, ему было стыдно ходить по Москве – молодому, высокому, сильному, когда тысячи сограждан сражались с врагом. Его ли дело сбрасывать зажигалки с крыши, когда младший брат уже сполна понюхал пороха. Он писал рапорты один за другим: «Отпустите на фронт!» Но безрезультатно. Закрадывалась мысль, что ему не доверяют, припомнив исключение из комсомола в годы учебы в техникуме как сына кулака – противника советской власти. Правда, через два года он был восстановлен за недоказанностью обвинения. Но все же...

«Бесконечное ожидание (почти год!) при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способность принести существенную пользу моей Родине, страшно угнетает меня. Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной», – писал Николай Иванович своему руководству.

Но, видимо, в это время решался вопрос, как, где использовать наиболее результативно талант, способности, опыт Николая Кузнецова. Это был период его вхождения в роль уроженца Восточной Пруссии Пауля Зиберта.

До августа 1942 года братья переписывались через Главпочтамт, до востребования...

В семье Елены Викторовны Сакныне – дочери Виктора Ивановича, сохранилось обжигающее душу письмо Николая Ивановича Кузнецова: «Витя, ты мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Очень мало шансов на то, что я вернусь живым. Почти сто процентов за то, что я погибну, так как придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело. Храни это письмо на память, если погибну».

Сразу после окончания войны, как только выдалась возможность, Виктор Иванович отправился искать брата по адресу, который тот ему оставил: Кузнецкий мост. Приемная МГБ... Но получил ответ: «Товарищ Николай Иванович Кузнецов в списках не значится». В какие только организации не обращался Виктор Иванович, увы...

Интересно, что в это же время Дмитрий Николаевич Медведев, командир партизанского отряда «Победители», работая над книгой «Это было под Ровно», тоже ведет поиски. Он ищет родственников Николая Ивановича. Елена Викторовна показывает письмо Медведева, адресованное руководителю местных органов безопасности: «Вас

Дмитрий Медведев.

Лидия Лисовская.

Николай Струтинский.

беспокоит Герой Советского Союза полковник Д.Н.Медведев. В годы войны я командовал партизанским отрядом в тылу врага, где разведчиком был ваш земляк Н.И.Кузнецов. Об этом легендарном разведчике я пишу сейчас книги, но одна беда. Насколько хорошо знаю его подвиги, настолько плохо его юношеские годы и его родных. Очень прошу вас как можно скорее выяснить и сообщить, кто из родных остался, например, в Зырянке... Написать мне иные подробности... Сведения нужны мне крайне срочно». Тут же резолюция: «Найти, разыскать, узнать в трехдневный срок». А вот ответ: «Герой Советского Союза Кузнецов Н.И. погиб в 44 году. Родственников нет».

Да, брат и сестры жили в это время не на Урале. Виктор – в Прибалтике, Лидия – в Уфе, Агафья – в Тобольске. Но разве нельзя было узнать нужные сведения в Зырянке у соседей, одноклассников Николая Кузнецова по Талицкому техникуму, у сослуживцев по Уралмашу и т.д... И почему Медведев – полковник госбезопасности – ведет поиск как частное лицо, не обращаясь к служебным архивам? Значит, и для него они были закрыты?

В 1950 году по Всесоюзному радио начали передавать фрагменты из книги «Это было под Ровно». И Виктор Иванович по каким-то деталям вдруг узнает в книжном герое своего брата. Только тут он впервые услышал о гибели Николая. Потом он встретится с Медведевым и будет поддерживать с ним тесную связь.

Десятки лет Виктор Иванович вместе с сестрой Лидией Ивановой отдадут увековечиванию памяти легендарного разведчика. Их воспоминания лягут в основу нескольких книг... Благодарные читатели обрушат на них шквал писем. Причем, многие допытывались, а реальное ли это лицо – Николай Кузнецов. Уж больно невероятными, немислимыми, фантастическими казались его действия.

«Покушение» на Николая Кузнецова

О нем напишут книги: Д.Медведев («Это было под

Ровно», «Сильные духом»), И.Тюфяков («Н.И.Кузнецов»), Г.Конин («Так начиналась легенда»), К.Закалюк («Грачев – «Центру»), Г.Каета («Специальный агент»), П.Судоплатов («Спецоперации»), Т.Гладков («И я ему не могу не верить», «Николай Кузнецов», «С места покушения скрылся»), Л.Сонин («Николай Кузнецов»), Л.Брюханова, В.Кузнецов («Разведчик Николай Кузнецов»). На Свердловской киностудии создадут художественные фильмы «Сильные духом» (режиссер Виктор Георгиев), «Отряд специального назначения» (режиссер Георгий Кузнецов). В академическом театре драмы столицы Среднего Урала в разные годы будут идти пьесы «Сильные духом» Д.Медведева и А.Гребнева и «Перехожу к действиям» Э.Вериго. В стране откроется более 500 музеев, комнат, уголков, посвященных Н.И.Кузнецову. Его имя станет легендой. Партизаны-сподвижники на холме Славы во Львове хоронят останки героя, а на одной из центральных площадей города установят ему памятник.

Те, кто приносил к его подножию цветы, приезжая во Львов специально, за тысячи километров, видели за каменным изваянием красивого, мужественного человека, по-рыцарски сильного и благородного, недостижимого в своем жертвенном подвиге во имя людей и потому достойного удивления, восхищения, как всякий, кого мы признаем выше, лучше себя. И потому решение львовских властей снести бюст Кузнецова было воспринято многими как акт вандализма, беспамятства, человеческой неблагодарности, разгула дикого национализма.

В июне 1992 года меня вызвал к себе председатель Свердловского комитета по телевидению и радиовещанию В.П.Костоусов и сказал, что по заданию областного правительства мне нужно срочно вылететь во Львов. Чтобы спасти от поругания памятник Герою Советского Союза, легендарному разведчику, нашему земляку Николаю Ивановичу Кузнецову, решено перевезти его на родину – в Талицу. Наше присутствие необходимо, чтобы запечатлеть этот

момент для истории, для привлечения внимания общественности.

Ищу оператора – не тут-то было. Одни заняты на съемках, другие категорически отказываются, заявляя прямо: «Не хочу подвергать риску ни себя, ни дорогостоящую видеокамеру». Звоню с последней надеждой Анатолию Алексееву домой – он в отпуске. Рассказываю честно, что за командировка предстоит. Он задает только один вопрос: «Когда летим?»

Толина сдержанность, несуетливость, спокойствие очень пригодились во Львове, где разыгрались нешуточные страсти.

Мы – уральцы ходили зачарованные красотой Львова, но ни на минуту нас не покидала мысль о предстоящем драматическом событии – до демонтажа оставалось два дня – и, вглядываясь в лица львовян, мы пытались понять, что заставило их изменить отношение к Кузнецову.

Брусчатая мостовая, узкие средневековые улочки, дома прекрасной архитектуры – немые свидетели столько событий – возбуждали воображение. В людской толпе неотступно маячила сквозь дымку лет высокая, стройная, широкоплечая фигура в форме немецкого офицера. Пауль Зиберт – Николай Кузнецов бесстрашно входил в оккупированный немцами город, где на каждом шагу его подстерегала смерть, но он был готов в любую минуту принять ее как святой великомученик во имя Отечества, во имя своих сограждан.

Мы говорили о том, что у разведчика во Львове не было по существу ни одной родной души. Но это не совсем точно. На улице Парковой в прекрасном особняке с балконом в эти же дни, точно птица в золоченой клетке, билась, томилась, тревожилась молодая женщина, хорошо знакомая Николаю Кузнецову. Она жила в семье гестаповца под неуспешным наблюдением СД. Лидия Лисовская – партизанская разведчица. Она работала в офицерском казино в г. Ровно. Там и на веселых вечеринках в ее доме от подвыпивших немцев Пауль Зиберт получал секретные сведения.

Памятник Кузнецову на Уралмаше.

Мне рассказывает об этом Н.В.Струтинский. Николай Владимирович из той же легенды, что и Кузнецов. В партизанский отряд «Победители» под командованием Медведева в ровенских лесах Струтинские пришли всей семьей: мать, отец, трое взрослых сыновей и трое малолеток. Николай Владимирович – 20-летний тогда Коля Струтинский ходил вместе в Николаем Кузнецовым на выполнение самых сложных заданий в качестве боевого товарища и шофера. Его прекрасное знание и города Ровно, и окружающей местности во многом обеспечивало успех операций и безопасность Кузнецова.

«Лисовская участвовала в нескольких операциях вместе с нами. Вот хотя бы известное похищение генерала фон-Ильгена – этот эпизод стал одним из центральных в фильме «Подвиг разведчика». Используя свои связи с офицерами, Кузнецов устроил Лидию экономкой в дом генерала. И это помогло успеху операции. Мы взяли с ее квартиры еще одного видного офицера из рейхскомиссариата Украины. Немцы вполне доверяли Лисовской и даже завербовали ее в качестве агента. Она дала согласие, естественно, с нашей санкции. При отступлении они забрали ее с собой во Львов.

Когда гестапо стало известно имя мнимого гауптмана, наделав-

шего много шума теперь уже во Львове, его сотрудники вспомнили о Лидии Лисовской, ведь Пауль Зиберт последнее время жил у нее на квартире в Ровно. Ей был учинен допрос – знала ли она, что ее квартирант – советский разведчик. Лидия ответствовала: «Он был в немецкой форме, говорил по-немецки. Как я могла знать?! Я любила его как мужчину. И все». – «Вы покажете его нам, если встретите во Львове!» – приказал гестаповец».

Вот такие роковые обстоятельства свели во Львове зимой 44 года – Лисовскую и Кузнецова. Именно на нее – Лидию Ивановну Лисовскую – как на живую приманку гестапо надеялось поймать советского разведчика, скрывавшегося под именем Пауля Зиберта. И поэтому ей надлежало прогуливаться в самых достопримечательных местах города. В соседнем с ее домом – Стрыйском парке, который так прекрасен... Ах, если б не чувствовать за собой слежки...

Говорят, что этой встрече суждено было случиться на площади перед знаменитым оперным театром. Она, конечно, увидела его издаലെка. Он выделялся своей выправкой, высоко вскинутой головой... Цепкому взгляду разведчика ее тоже нетрудно было заметить среди прохожих – короной уложенную белокурую косу, оттенявшую смуглое лицо с большими серо-голубыми глазами...

Они шли друг-другу навстречу, как будто притягиваемые магнитом. Еще несколько шагов... Но Лисовская чуть прищуривает глаза. Он все понял и прошел мимо... Это была их последняя встреча.

«И красивая, и умная, и смелая, находчивая», – продолжает Струтинский. – Не раз возил ее в машине вместе с Кузнецовым. А вместе с ней работала Майя Микота – ее двоюродная сестра – тоже наша разведчица. Уже после освобождения Львова они обе были зверски убиты. Кто это сделал, до сих пор неизвестно. Одни считают – украинские националисты, другие – не исключают чекистов, которые, не разобравшись, могли посчитать их двурушниками. Чувовищная история!»

С Николаем Владимировичем и его братом Ростиславом Владимировичем мы идем на Холм Славы к могиле Кузнецова.

Николай Кузнецов первым из солдат праведной борьбы вошел во Львов за полгода до вступления сюда частей Советской армии и один на один, как былинный богатырь, сразился с многоголовой гидрой. Он погиб в неравной схватке, но поверг врага в смятение и страх. Ему не суждено было увидеть Красное знамя, которое взметнул над городской ратушей его земляк – тоже наш уралец Олег Марченко, в ту же минуту прошитый автоматной очередью... Он тоже похоронен на холме Славы. Вечная им слава – предвестникам и глашатаям Победы.

Через несколько лет после войны Николай Владимирович Струтинский соберет снова партизанский отряд, и бывшие разведчики повторят последний путь Кузнецова, Каминского, Белова, узнают многие подробности львовского периода их деятельности, установят место гибели.

Идентификация останков с привлечением судмедэкспертов Украины, ученого с мировым именем – профессора М.М.Герасимова, который возглавлял лабораторию пластической реконструкции института этнографии АН СССР, родственников Николая Ивановича Кузнецова, подготовка самой процедуры похорон – все это проходило в очень напряженной

обстановке. Участников войны, бывших партизан не могло не волновать, не возбуждать происходящее. Наряду с появлением новых свидетельств гибели Кузнецова, стали рождаться слухи, вымыслы, легенды. Разве мог такой сильный, неустрашимый, неуловимый человек погибнуть?! Он же не обыкновенный смертный. Кузнецов жив. Он работает за рубежом, продолжая разведдеятельность в пользу нашей страны. Другая версия: Кузнецова, располагающего сверхсекретными документами, завербовали то ли немцы, то ли американцы... Масла в огонь подлило письмо, подброшенное в Клесовской район, где в это время жила Валентина Довгер. Николай Владимирович Струтинский показал мне это письмо.

«Здравствуй, дорогая Валя! С горячим, долгим молчанием к тебе верный друг Коля. Я жив-здоров, пришлось побывать везде. Этим я ничего не пишу. Они меня считают погибшим. Но этот покойник народился как золотая звезда. Валя, я виноват во всем. Я сильно подвихнулся в жизни, родная, попал в тяжелое положение, но об этом никто не знает вообще. Документы наши пропали. Но я остался жив и попал в лагерь, откуда бежал. Меня обратно в лагерь, отправили во Францию. Я оттуда бежал, но заболел тифом, чуть не пропал. Но меня подобрала одна женщина и отходила. Я и остался жив, напиши мне. Буду очень рад. Весь твой Николай Кузнецов. 10.11.58».

На конверте письма указан обратный адрес: Тайшет. Н.В.Струтинский – сам сотрудник госбезопасности – обратился в КГБ Озерного ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь). 15 июля 1959 года пришел ответ, что в этом ИТЛ отбывает срок наказания Кузнецов Николай Иванович 1937 года рождения. Но исполнителем письма в адрес Вали Довгер он не является. Почерковедческая экспертиза документально выявила подделку, хотя это было очевидно и без нее – по стилистике, лексике...

Тем не менее, приходилось доказывать, опровергать, разбираться, обращаться в высшие органы власти, в ЦК КПСС Укра-

ины, ЦК КПСС СССР. Но, наконец, 27 июля 1960 года состоялось торжественное захоронение. «Таких похорон не знал Львов, на улицы вышел весь город», – рассказывают братья Струтинские. – Каждый год люди собирались на Холме Славы, на улице Кузнецова, чтобы отметить сразу три даты. Мы его хоронили в день его рождения – 27 июля. И Львов был освобожден 27 июля. Какие знаменательные символические совпадения. А сейчас вот руководство города приняло решение убрать памятник Герою в центре Львова. Спасибо таличанам, свердловчанам – они сумели договориться, чтобы увести монумент на Урал. Тут большие усилия приложил глава Талицы Юрий Сергеевич Федорев, его заместитель Вячеслав Михайлович Князев, правительство области, хотя вопрос этот очень непростой – тысячекилометровая дорога, стоимость транспортировки. Вот будем завтра демонтировать...»

Львовский памятник разведчику с 1962 по 1992 годы считался объектом истории и культуры Львовской области (авторы: Власов В., Рукавишников Е., Подольский В., архитектор Дорошенко В.). 27 мая 1992 года Львовский горсовет народных депутатов принял решение «О демонтаже памятников истории тоталитаризма». Это случилось после массового протеста участников украинского националистического подполья (УПА).

А львовяне жили своей обычной жизнью: гуляли с детьми, молились в костеле, стояли в очередях за хлебом, меняли обесценившиеся купоны на не такие уж, как мы думали, деревянные рубли, возмущались дороговизной, запасались водой в связи с постоянной ее нехваткой, винили власти за невнимание к их нуждам. А те вознамерились, видимо, завоевать доверие другим путем. Мы поразились обвальному, как сейчас говорят, переименованию, которому подвергнут город – дело доходит до казусов: люди не знают, где они живут, по какому адресу.

Улица Николая Кузнецова больше не носит его имя. Не стало улицы Маяковского... Переименована улица Мира – очевидно, это название не созвучно нынешнему настрою

Памятник, стоявший во Львове.

отцов города... Теперь ей дано имя Степана Бандеры... до мира ли, согласия, когда именно борьба – пусть с тенью, памятью, с памятниками, противостояние, конфронтация скорее, легче, проще всего приносит дивиденды, и играют политики на самых чувствительных струнах – на национальных чувствах западных украинцев, много переживших за свою историю.

Не передать, как сжалось сердце, когда мы узнали, что нет больше на карте Львова улицы Маршала Ватутина, освобождавшего Украину и ее столицу Киев. Он погиб той же весной 44 года, что и Николай Кузнецов. Его машину в районе города Ровно обстреляли бандеровцы.

А чем провинился Иван Федоров – прекрасный памятник ему тоже решено было снести. Не тем ли, что печатал во Львове первую славянскую «Азбуку» и тем самым сближал, соединял наши народы?

Тех, кто не согласен со всем, что происходит, кто думает иначе, немало, но не их голос оказался решающим. Не в силах перекричать экстремистов, разuverившись в том, что будут услышаны, они безмолвствовали, глубоко в душе переживая происходящее. Настроения, эмоции, мнения львовян выплеснутся, столкнутся на площади у монумента.

Утро 29 июня мы встретили у памятника: наша съемочная груп-

па, Валерий Петрович Меркульев – заместитель главы администрации Талицкого района Свердловской области, Александр Николаевич Бурмистров – тагильчанин, технолог Росмонументискусства. Другую сторону представлял заместитель заведующего отделом коммунального хозяйства Львова.

Город не был оповещен о предстоящем событии – Николай Владимирович Струтинский, приложивший огромные усилия для решения вопроса об отправке памятника на Урал, боялся, что возмущение львовян может сыграть нежелательную роль – побудить руководство мэрии расправиться с обелиском Кузнецова так же, как с памятником Николаю Островскому, выброшенному на свалку. Но люди подошли незваными, сами собой, привлеченные происходящим. Они и сегодня стоят перед глазами...

Вот женщина с фронтовыми наградами кладет последние цветы к подножию монумента. «Как узнали, что должны снести памятник, в такой тревоге живу... Последнюю ночь он простоял... Я всю войну медсестрой прошла. Мы не спрашивали раненых, какой они национальности. Сдавали свою кровь, чтобы спасти человека. У меня комок к горлу подкатывает...»

Чубатый мужчина машет руками: «Правильно, что снимают! У нас есть другие герои – пора им ставить памятники. Это наша украинская история!»

Злобными выкриками оратора поддерживают единомышленники: «Он был террорист! Он защищал тоталитарную власть!»

Толпа взрывается: «Кузнецов был народный мститель! Он карал палачей, на совести которых тысячи погубленных жизней: детей, женщин, стариков...»

Наташа – дочь Николая Владимировича Струтинского – едва сдерживает слезы: «Кого сегодня возносят? Каких героев? Бандеровцев, дивизию «Галичина»? Когда пришли немцы, националисты во Львове вырезали всю интеллигенцию: ученых, профессоров с мировым именем – поляков, евреев, украинцев. Их сначала заставляли в Университете языками вымыть полы. Потом вывезли за город и расстреляли. А Кузнецов

не пожалел самое дорогое – жизнь свою, чтобы побороть этот ужас!»

Надо отдать должное руководству города – выполнение задуманного было организовано образцово. Из минуты в минуту точно в назначенный час прибыла могучая техника, чтобы по команде двинуться на беззащитный памятник.

Тагильчанин Александр Бурмистров по роду своей работы привык воздвигать памятники. Впервые ему пришлось участвовать в демонтаже. Но свой человек непременно нужен был. Саша говорил потом, и мы это сами видели, как бережными прикосновениями он старался смягчить удары железа.

Толпа полнится возмущением. Раздаются женские всхлипывания: «Какой кошмар! Это вандализм! Даже немцы в Германии не уничтожают памятники своих противников...»

«Нам, молодым, больно видеть это! Кузнецов защищал Родину – мы учились на его примере!»

«Я – львовянин. Почему нас не спросили! Мне стыдно!»

«Никогда не забуду этого ужаса. Расскажу своим внукам и правнукам!!!»

Бюст, снятый с пьедестала, устанавливают в кузове грузовика. Люди кладут цветы, произносят прощальные слова: «Низкий тебе поклон, Николай Иванович. Благополучного пути!»

Он ехал по Львову к товарной станции Скнилов. Ему предстояло совершить тысячекилометровый путь на родину, на Урал, откуда ушел, чтобы во имя людей выполнить свой беспримерный подвиг самопожертвования. Его взгляд – наверное, в такие минуты и в камень вселяется живая душа – приковывал к себе, завораживал. И в нем не таилась обида, он излучал мудрость святого, который, видя, в какой грех впали люди, не осуждает их, но испытывает жалость, сострадание к ним.

Будет ли квартира-музей легендарного разведчика в Екатеринбурге?

Что должно тревожить человеческую память?

Наша передача с рассказом о демонтаже памятника герою-

разведчику под названием «Покушение на Николая Кузнецова» прошла по Центральному телевидению в июле 1992 года. Вспомните, какое это было время – смутное, разрушительное, но нашлись в Москве коллеги, не поддавшиеся тогдашней конъюнктуре. А если говорить о телезрителях... Звонки, бесконечные звонки, письма... И возвращалась вера, что все не так безнадежно, если в нас жива память о войне, о наших героях, если нас может объединить священное чувство, о котором мы редко говорим, но которое неистребимо живет, оказывается, во многих: любовь к своей многострадальной Родине! Если мы способны еще пролить слезы, возвышающие и очищающие душу. А пришедшие письма рассказывали нам, что то же чувство переживали вместе с нами наши сограждане в других городах России и бывшего Советского Союза.

Первая, опережая другие, пришла эта телеграмма. «Низкий поклон за передачу о великом разведчике Николае Кузнецове. Нет прощения тем, кто пытается очернить память вашего бессмертного земляка. Зарифа Салахова – председатель бакинского городского женсовета».

Подумать только, азербайджанские женщины, сами столько горя пережившие из-за национальных конфликтов, вступаются за нашего земляка... Нет, историю и героев не разделишь по национальному признаку... Те, кто боролся с фашизмом, чтимы в любой стране, всеми здравомыслящими людьми.

«С уважением и глубокой признательностью к вам Шевченко Афанасий Иванович, – ветеран труда. Хабаровск. До сих пор не могу успокоиться. До какого же кощунства и бесчеловечности нужно дойти правителям львовщины, чтобы расправиться так безжалостно с памятником человеку-легенде Н.И.Кузнецову, забыв о том, что он погиб, защищая их от коричневой чумы-фашизма? Лично для меня Николай Иванович Кузнецов является кумиром. Его беспрдельная честность, храбрость, любовь и преданность Родине бу-

дут вечно служить примером для потомков».

«С тяжелым чувством посмотрели мы, ветераны войны, фильм Свердловского телевидения «Покushение на Николая Кузнецова». Это плач души! Эти трагические кадры нельзя смотреть без чувства скорби, страдания, нельзя смотреть без горьких солдатских слез. Уйдем мы, последние свидетели, и нынешние борзописцы, облаивая собственную отечественную историю, напишут, что и войны-то никакой не было. Какой уж там героизм! Одним словом, наступили другие времена – и Николай Иванович Кузнецов, его подвиги, его талант, его дух верного сына своей родины в эти времена уже не вписывается. Зато в аспекте «нового мышления» представлены «невинными жертвами большевистского террора» заведомые предатели Родины.

Это письмо подписано так: «Объединенный совет ветеранов-фронтовиков Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской областей».

«Письмо издалека – с Дальнего Востока, – это пишет пенсионерка Нина Петровна Сидоренко из Благовещенска. – Смотрела я ваш фильм. Сердце просто разрывалось от такой дикости. Мой поклон таличанам (милые, дорогие!), что забрали памятник».

Геннадий Афанасьевич Вершинин из Львова считает, что снос памятника Кузнецову – это закономерность нынешней политики на Западной Украине, которую русскоязычное население испытывает на себе: «Вы помните, как расшаркивалась пресса и официальная пропаганда перед национал-демократами Прибалтики и Западной Украины. Мы же здесь сразу на своей шкуре почувствовали «новую демократию». Мы здесь все более оказываемся лишними».

Надо сказать, что на другой день после сноса памятника, 30 июня, находясь еще во Львове, мы купили в газетном киоске газету «Молода Галичина» и прочитали такую заметку: «Микола Кузнецов повертается до дому». Перевожу на русский: «Вчера, без криков и истерик, во Львове демонтирован

памятник Николаю Кузнецову. На месте, где стоял бюст, возложили цветы Николай Струтинский и несколько женщин. Очевидно, скульптуру восстановят на Родине Николая Кузнецова. Что, согласитесь, интеллигентно».

Ну, если бульдозер со скрежетом надвигающийся на незащитный памятник – это интеллигентно, если цепь, затянутая вокруг горла Николая Кузнецова интеллигентно, то что же тогда чудовищно, бесчеловечно, беспардонно?

Однако, справедливости ради следует сказать, что отнюдь не все наши соотечественники разделили нашу печаль и тревогу по поводу тех драматических событий.

«Вечерний Екатеринбург» – перепечатал статью из «Московского комсомольца» – «Подвиг разведчика. Половина написанного о Николае Кузнецове – вранье». В интерпретации автора статьи Рондарева Кузнецов предстает как «простой сибирский валенок», «стукач». Ерничая, глумясь, на приклатненном сленге автор статьи пытается сказать непременно что-то сенсационное, ссылаясь на современные публикации в западно-украинской прессе, в частности, ровенского журналиста Заколюка, кстати, в свое время, написавшего хвалебную книгу о том же Николае Кузнецове.

И получается пасквиль, ставящий под сомнение и природную одаренность Кузнецова, и его человеческую порядочность. Да что говорить, если даже его высочайший профессионализм разведчика, оваянного мировой славой, принижается до уровня примитивного стукача. В те смутные годы лишь газета «Уральский рабочий» и наша СГТРК в своем эфире, а также используя канал Центрального телевидения, встали на защиту своего земляка.

У каждого, кто интересуется легендарным разведчиком, есть возможность убедиться в неординарности этой личности, в величии его подвига, обратившись к книгам, написанным его соратниками, к музейным документам, к свидетельствам его сподвижников-партизан и его земляков.

***

Мы, уральцы, вместе с Николаем Владимировичем Струтинским очень беспокоились, как дойдет наш бесценный груз через несколько республик уже развалившегося Советского Союза. Но опасения оказались напрасными. На железной дороге продолжали еще по инерции действовать советские законы, правила, советская дисциплина и, видимо, неистребимая, благодарная память о наших героях. В целостности и сохранности без всяких задержек памятник прибыл на родину Николая Ивановича Кузнецова – в маленький уральский городок – Талицу.

Такое случается не часто, чтобы один и тот же памятник открывался дважды. И тогда на Украине, как и 30 лет спустя в России, люди восхищались мужеством Николая Кузнецова, силой духа, преданностью Родине, готовностью отдать за нее жизнь – качества, высоко чтимые в любом государстве.

Они по праву первыми вышли к собравшемуся на площади народу: Петр Григорьевич Чухлин и Юрий Сергеевич Федорев – главы администраций города и района, выполнившие до конца просьбу своих земляков – не дать на поругание памятник легендарному разведчику.

Выворенный из Львова по обвинению в тоталитаризме, шовинизме бюст Кузнецова в Талице собрал людей из Бурятии, Башкортостана, с той же Украины, увлеченных примером героической жизни. Что уж говорить о земляках Николая Ивановича! Весь город от мала до велика высыпал на улицы... Цветы, музыка, торжественные построения, транспаранты с трогательными словами: «Ты прописан здесь навек, дорогой наш человек!»

Таличане никогда не забывали и не предавали своего Героя. Более полувек здесь действует замечательный музей Н.И.Кузнецова, где собраны экспонаты, относящиеся к уральскому периоду жизни Николая Ивановича и к его разведывательной деятельности в тылу врага. Бесценные документы отряда особого назначения под командованием Д.Н.Медведева передал на хранение, спасая от

Кузнецов в немецкой форме.

уничтожения, Николай Владимирович Струтинский, озабоченный их судьбой на Украине. Музей ведет большую работу – честь ему, и хвала!

Однако тенденция дегероизации отечественной истории, захлестнувшая страну после развала СССР, не могла не сказаться. Свернута работа большинства школьных «уголков», музеев легендарного разведчика. Посмотрите – у нас в Екатеринбурге ликвидирован мемориальный рабочий кабинет Кузнецова на Уралмашзаводе, снесены дома по улице Индустрии и Уральских рабочих, где жил Николай Иванович, и что совсем непростительно – прекратил работу уникальный музей разведчика в 72-й школе с экспонатами, полученными из рук партизан-медведевцев, побуждавший детей глубоко изучать жизнь и деятельность легендарного земляка, его боевых товарищей, историю Великой Отечественной войны... Растет поколение, которое уже не знает, кто такой Николай Иванович Кузнецов. Болью и горечью отзываются в сердце очередные сообщения о бесчинствах националистов на могиле Кузнецова во Львове.

Впору впасть в отчаяние... Но вдруг узнаю, что музей Уралмашзавода – некогда флагмана машиностроения, о котором остались лишь воспоминания, – провел конкурс детских сочинений. И в нем приняли участие 88 школьников.

Многие неожиданно открыли для себя, что этот недостижимый в своем подвиге человек удивительно близок им... «Николай Иванович, оказывается, жил рядом с моим домом. И с ним вместе на заводе работала моя бабушка», – читаем в одной из работ. А вот признание 17-летнего мальчика: «У меня к нему отношение как к старшему товарищу, брату. С этим человеком я бы пошел в разведку. Горжусь, что он наш земляк».

А совсем недавно получаю приглашение на любительский спектакль «Сильные духом», поставленный Дмитрием Федюниным – не режиссером, а просто отцом подростка, который, во что бы то ни стало, захотел передать молодым: сыну и его друзьям – свое удивление, восхищение удивительной личностью, которая с детства поразила его воображение. И спектакль с успехом состоялся!

А девочка-гимназистка из Екатеринбурга решила послать видеображение самому Президенту на «Прямую линию», где высказала просьбу об открытии квартиры-музея Н.И.Кузнецова в нашем городе, где происходило становление его как разведчика. Жаль, что этот «видеоролик» не был замечен... Как, впрочем, и неоднократные письменные обращения ветеранов войны и труда, краеведов, журналистов... Какие «шедевры» чиновничьего языкотворчества из Управления делами Президента мы получили в ответ и, конечно, с отказом! Местные власти тоже не хотят решать этот вопрос.

Зато в Екатеринбурге успешно действуют уже два! музея «Об этом»: «Наш секс-музей 2-й в России и 10-й в мире», – похваляются организаторы. – Вы почувствуете у нас тонкий аромат древнего Востока, вкус либерально-пуританского Запада. И все это под пикантным эротическим соусом...» Ну, что тут скажешь!

А мы мечтаем, чтобы под крышей нашего музея могли бы разместиться нетронутые до сих пор архивы брата и сестры Н.И.Кузнецова, разрозненные экспонаты из ведомственных музеев города и от частных лиц. Большое количество кино и видеолент, снятых Свердловской киностудией

и Свердловской Государственной телерадиокомпанией, помогли бы оживить образ Героя. И, наконец, музей принял бы экспонаты из порушенных музеев Украины. Все это способствовало бы разоблачению лжи, касающейся непридуманных фактов Великой Победы.

* * *

Как и в самом начале, когда я только лишь прикоснулась к судьбе Н.И.Кузнецова, снова и снова задаю так и не решенный для меня вопрос: кто он? Разве мог обыкновенный смертный так остро – с первых минут вступления в этот мир – осознать, почувствовать свое высокое предназначение – народного заступника, мстителя и всю жизнь целеустремленно, истово готовить себя к самопожертвованию во имя людей?

Древние считали героя – сыном божества и человека... Не кроется ли разгадка – а, может, еще и большая тайна – в его словах из посмертного письма, адресованного всем нам. «Я спустился с неба на землю, чтобы мстить за кровь и слезы наших матерей и братьев...»

Он непостижим и загадочен, как звезда, и потому всегда будет притягивать к себе и тревожить человеческое воображение. Будем верить, что свет этой личности дойдет до потомков, если мы с вами донесем его нашей памятью.

Вчитайтесь в эти строки... Прочитайте их вашим детям: «**Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце. Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны. «Пусть ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!» Это мое любимое произведение Горького. Ваш Кузнецов».**

СУПРЕМАТИЧЕСКИЕ ИМПРОВИЗАЦИИ АНТОНА ТАКСИСА

**Ирина
ЗЯБЛИКОВА-ИСАКОВА**

**Искусствовед,
член Международной
Ассоциации искусствоведов
АИСА,
эксперт по культурным
ценностям
Министерства культуры РФ,
г. Екатеринбург.**

артефакты XX века. («Мадам Грицацуева», «Пупок супрематический», 2013 г., оргалит, эмаль).

Индивидуальный стиль мастера характеризуется простотой и выразительностью пластического языка, символической обобщенностью, построенной на глубинных смыслах и понимании первичности геометрических форм (круга, квадрата и треугольника) и основных локальных цветов (черного, белого и красного), известных еще с древнейших времен и переосмысленных художником в контексте XXI века (серия «Царь-Квадрат», работы «Попутного ветра» и «Сам иди туда», 2013 г., оргалит, смешанная техника). Также в серии «XX век. Рефлексия» (2017 г.) идет парафраз известной цветной трилогии К.Малевича – «Черный квадрат», «Красный квадрат» и «Белый квадрат», но Таксис акцентирует внимание то на красный, то на черный, помещая их в центре композиции, и «усиливая» акцентным агрессивным звучанием дополнительных объемных элементов с торчащими в разные стороны гвоздями. Названия «Каждый за себя» и «Гражданская война» говорят сами за себя, раскрывая внутреннее содержание картин.

Серия «Мохнатые» представляет собою аппликации из полиграфических обрезков, где уже известный квадрат (круг, треугольник) «выходит» из плоскости листа в объемное пространство, посредством трансформации и импровизации с «мохнатой» фактурой («Мохнатый круг», «Мохнатый квадрат», «Мохнатый треугольник», 2016 г., бумага, смешанная техника).

Искусствовед и художник А.В.Степанов характеризует стилистическое направление деятельности Антона Таксиса как «социализированный супрематизм», продолжающий идеологию социально-тематических работ «главного супрематиста» – Малевича. И неудивительно: социальная сфера органично вплетается в содержательный и культурологический контекст произведений искусства через символы и знаки. Формированию нового авангардного мышления способствует окружающая среда, личный опыт деятельности художника и духовный рост, интеллектуальный уровень развития, мировосприятия и культуры самовоспитания.

Таксис Антон Гарьевич живет и работает в Екатеринбурге. Родился в 1956 году. После окончания школы работал слесарем механосборочных работ на Уральском электромехани-

ческом заводе. Учился в Свердловском архитектурном институте по специальности «Архитектура жилищно-общественных сооружений». Работал художником-оформителем, техником-архитектором, дизайнером. Будучи специалистом в области промышленной графики, А.Таксис разработал более 200 товарных знаков, эмблем и проектов фирменного стиля. Такой жизненный опыт – работа на заводе, обучение архитектурным основам, художественно-оформительская работа, графический дизайн – все это сформировало особое пространственное мышление – цельное и лаконичное, отсюда и стремление к простоте, выразительности форм, цвета и содержания.

С середины 80-х годов XX века художник стал создавать собственные произведения знаковой графики, кодируя информацию и наполняя идеями, символами и знаками, превращая их в артефакты супрематического толка; в качестве отправной точки – идеологическая основа теории «искусства будущего» Казимира Малевича и его объединения «Супремус».

Признание художественных заслуг, творческих поисков, импровизаций с формой и символами, переосмысление известных в мировой культуре сюжетов, образов и героев способствовало вступлению в профессиональные сообщества – «Союз дизайнеров России» и «Союз художников России».

В 2012 году он получил благодарность от Союза художников «За большой вклад в развитие изобразительного искусства Российской Федерации». На сегодняшний день Антон Таксис – активный участник международных, всероссийских, межрегиональных, региональных, городских и персональных выставок. Его произведения хранятся в музеях Екатеринбурга, Томска, Нижнего Тагила, Красноярска, Ханты-Мансийска, Милана, а также в частных коллекциях нашей страны и за рубежом.

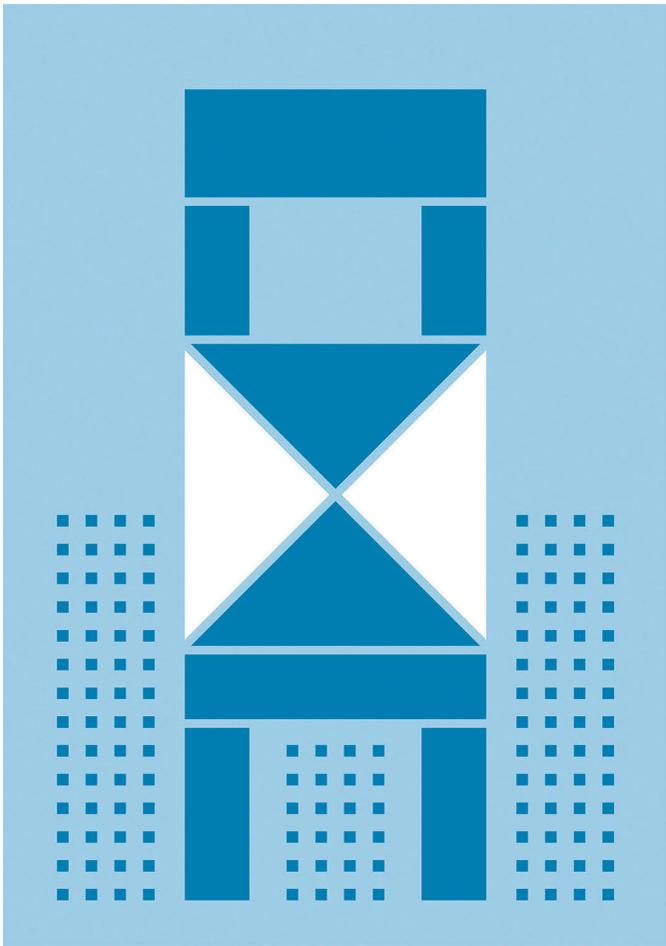
Современное уральское искусство многогранно, и творчество Антона Таксиса отражает одно из интересных его проявлений – идейно-философское направление супрематизма, основанное на теории предельной геометризации формы, четкой силуэтности символической содержательности, что позволяет автору быть понятным и современному зрителю, экспериментировать и воплощать творческие идеи в действительность.

В

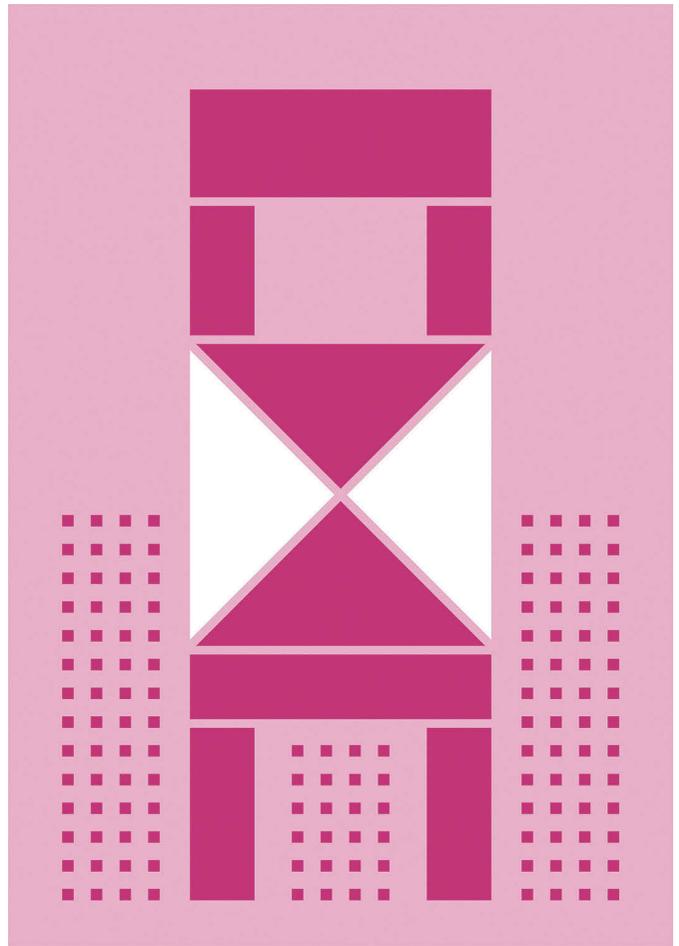
(Окончание. Начало на стр. 1)

Неожиданные комбинации супрематических элементов, – основанные на линейности силуэта, лаконизме форм, контрастности цветового звучания и семантик смыслового подтекста, актуального и понятного зрителю, – Таксис разворачивает на плоскости, в пространстве, наполняя его метафорами, гиперболами и аллюзиями. Так смысловое содержание выражается в авторском видении композиционных преобразований, являя тем самым синтетическое воплощение художественной образности и целостности форм. В частности, это проявляется в серии «Соблазн» (2016 г., бумага, аппликация) и работах «Голубой период Пабло» и «Розовая Мерилин» (2016 г., бумага, цифровая печать).

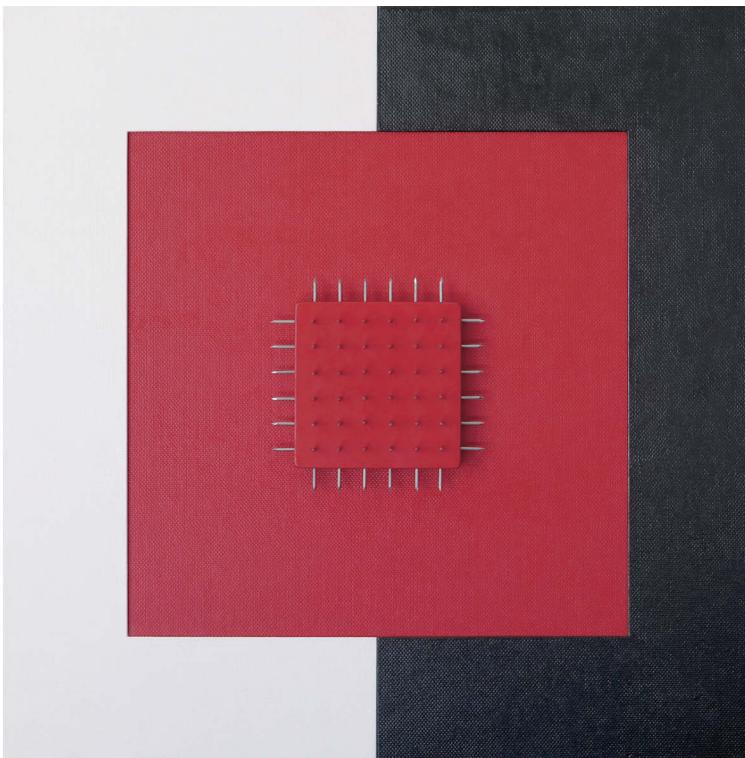
Импровизации на тему арбуза воплотились в серии «АртБУЗа», где выделенные буквы «Т» и «А» ненавязчиво отсылают к инициалам автора. Узнаваемые арбузные полосы преобразуются в разные символы, представляя зрителю юмористический дизайнерский взгляд на культурные

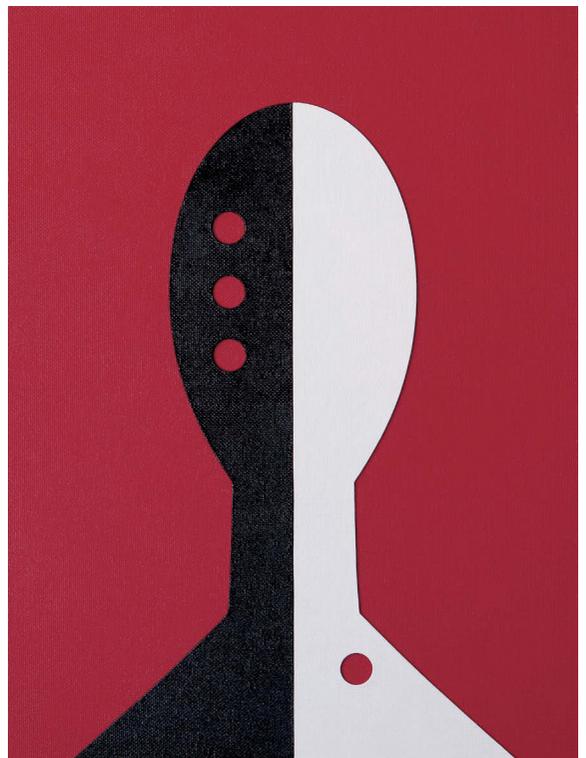
Голубой период Пабло.

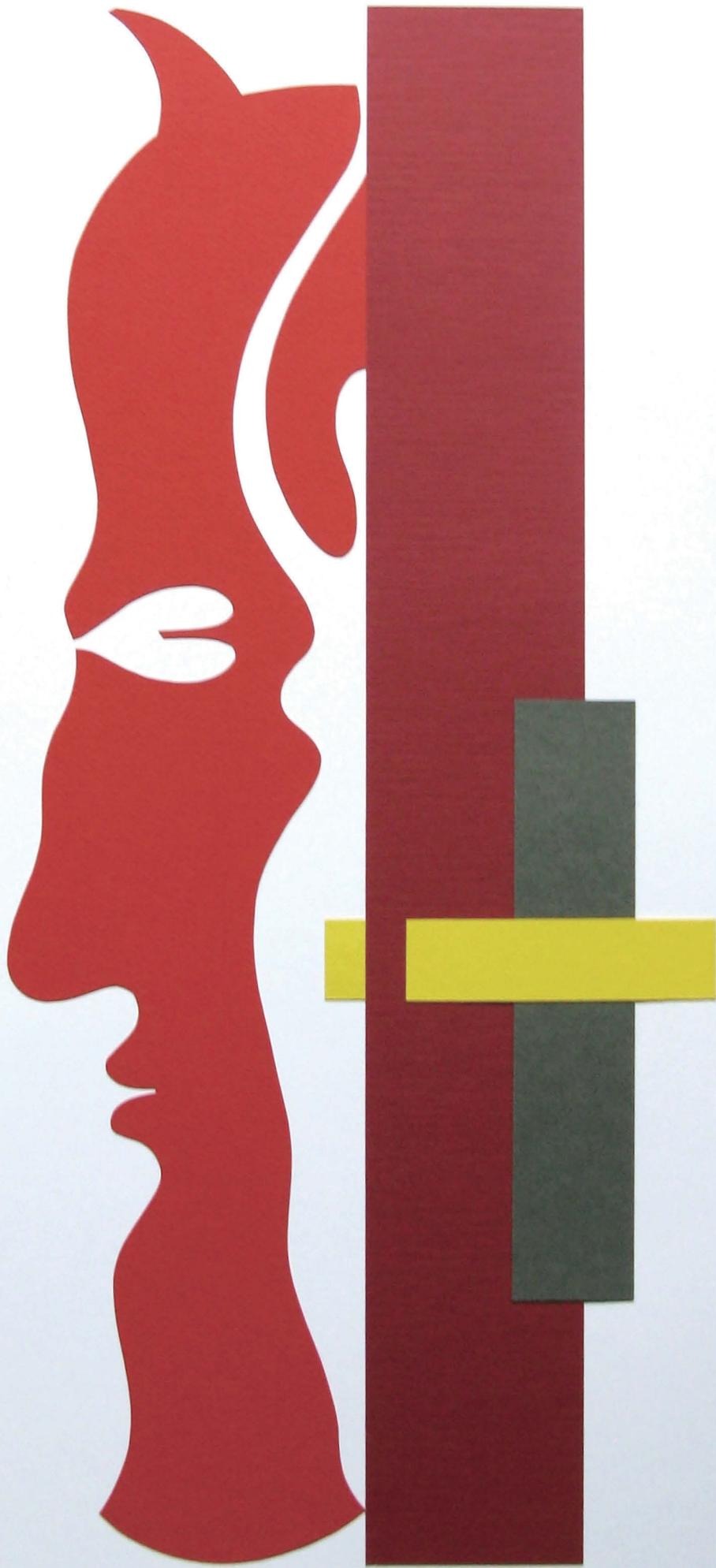
Розовая Мерилин.

«Каждый за себя». Серия «XX век. Рефлексия».

«Пальба». Серия «XX век. Рефлексия».

AC. 2010. 1